

СМЯНА

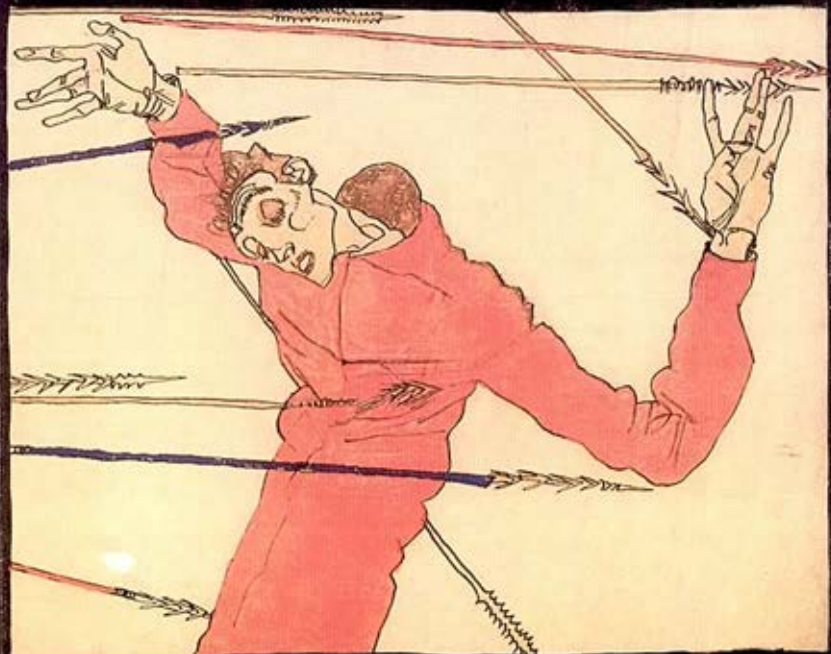
декабрь 12 '04

84 Оказалось, муж — собака!

26 Он внедрил картошку в Россию

172 Молодой бульвар: Келли Осборн

EGON SCHIELE

**GALERIE ARNOT
JANUAR 1959-5-1-K**

ЭГОН ШИЛЕ

стр. 10-25

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил
Низилов

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

2004
декабрь (1682)

Сдано в набор 15.10.2004.
Подписано к печати 17.11.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 9102
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2004.

наследие веков

Игорь Опарин

4 Дельфы

Ирина Опимах

10 Эгон Шиле

издалека

Любовь Русева

26 Все началось с Кёнигсберга

бестселлер

Лоренс Блок

36 Мона

рассказ

Галина Ежова

84 Выставка собак

иронический детектив

Светлана Бестужева-Лада

94 Череп, яд и труп под дверью

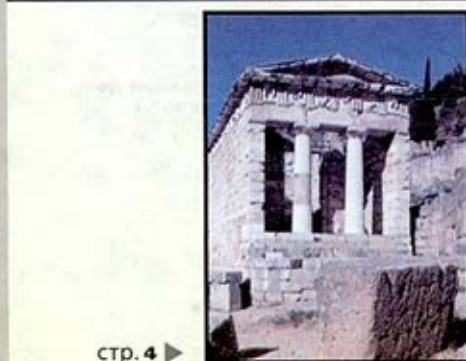
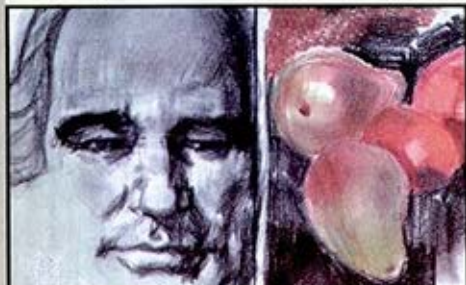
криминал

Игорь Гамаюнов

108 Мечь

▼ стр. 26

стр. 10 ►

стр. 4 ►

стр. 152 ►

зарубежный рассказ

Луи Валери

114 Все предусмотрено

Джон Д. Макдональд

120 Похмелье

балет

Вероника Игнатова

129 Жесткая конкуренция — это замечательно

◀ стр. 168

▼ стр. 172

молодой бульвар

Натерина Гордеева,

Полина Швартина

140 Новый год

Максим Башкеев

145 Бородатое счастье

Александра Зотова

148 И они были

молодыми...

Алена Захарова

152 Порхающий подарок

Стрелы Амура

156 Сильные люди

Натерина Постникова

160 Свадьба для лошади

Ник Сигарищенко

164 Телеоборзение

Просто Нир

166 Компьютер

Кирилл Сорокин

168 Мобильные

телефоны

Кирилл Подоляк

172 Деньги есть —

талант не нужен

Полина Теслер

178 Экстравагантная

зима

Татьяна Полева,

Максим Башкеев

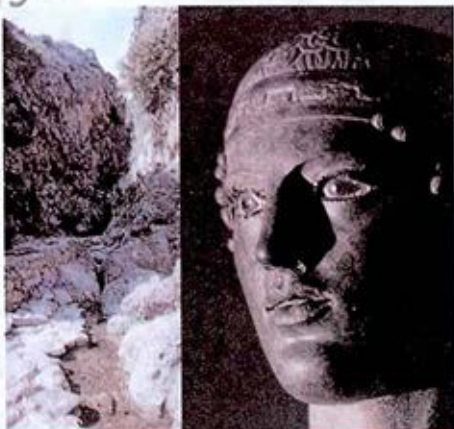
184 Нет повода, чтобы

не выпить...

Александр Андрюхин

СМЕХ КУКЛЫ

В новом триллере Александра Андрюхина переплетено все: здесь и любовь, и страсти, и муки творчества, и жуткие преступления. В далеком сибирском городе произошло зверское убийство, расследование которого выявило еще ряд преступлений — пропали молодые женщины. Неужели в городе объявился маньяк или серийный убийца?

Дельфы, самое знаменитое из святилищ древней Эллады, расположено у подножия горы Парнас. Здесь, на вершине этой воспетой поэтами горы, жил покровитель муз прекрасный бог Аполлон, отсюда раздавались чарующие звуки кифары, на которой любил поиграть в свободное время златокудлый сын Зевса. Тут и основал он свой оракул, куда стекались толпы паломников со всего мира. Суеверные греки, и не только греки, но и разные иноземцы, приезжали в Дельфы узнать свое будущее. Ни одно важное решение — касалось ли оно ведения войн, основания колоний, установления новых законов, религиозных празднований или строительства новых храмов — не принималось без дельфийского оракула. Слава о пророчествах дельфийских пифий шла по всему античному миру.

В центре святилища стоял величественный храм Аполлона. Он был воздвигнут в VI веке до н. э. на том самом месте, где, по преданиям, Аполлон вступил в сражение с драконом Пифоном. Огромное чудовище несло в мир беды и страдания, пожирая людей и их стада и отравляя воздух своим ядовитым дыханием. Злодей Пифон, когда Аполлон был еще младенцем, преследовал его мать Латону. И вот повзрос-

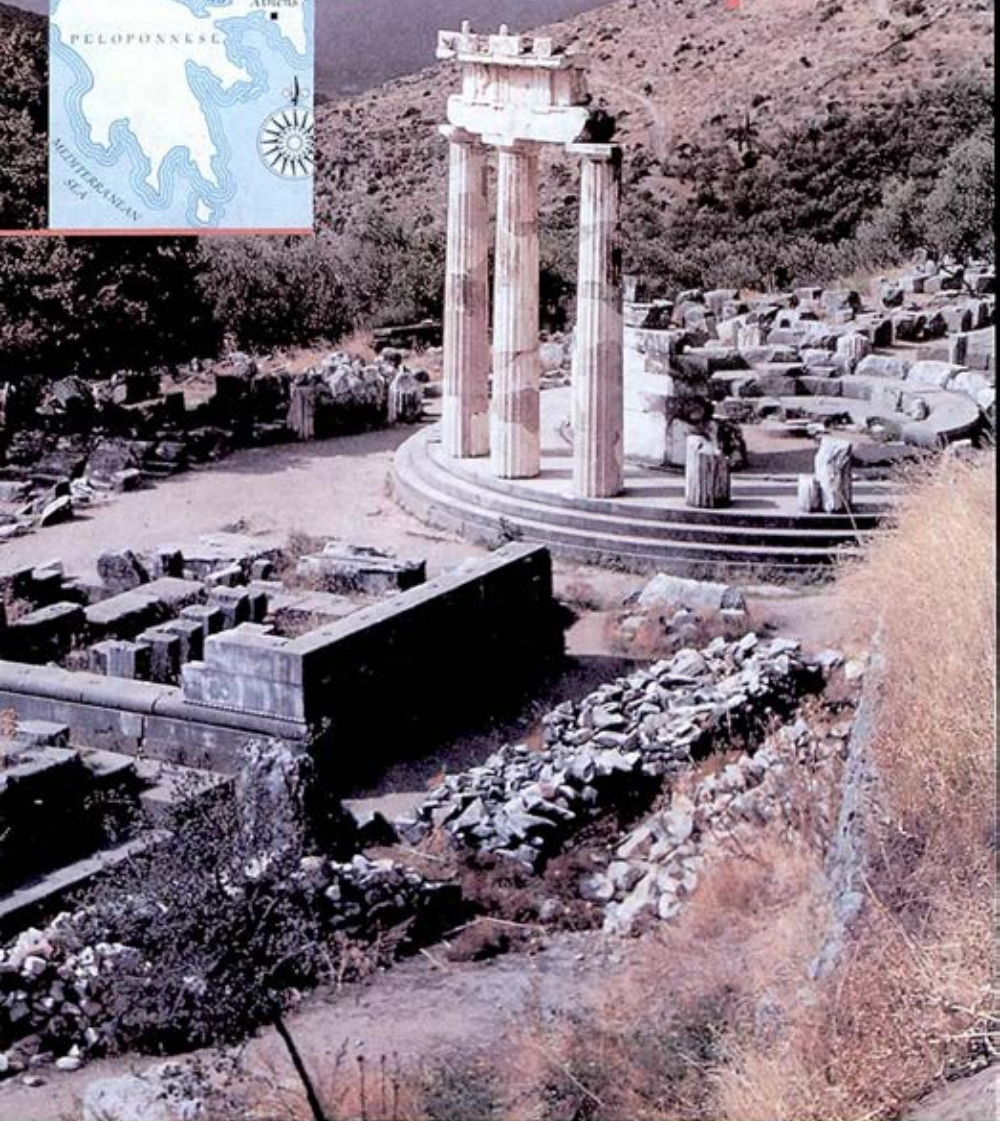
левший и возмужавший преданный сын решил отомстить за мать. Бог напал на змея в дельфийской долине, где среди мрачных скал и глубоких ущелий обитал Пифон. Золотые стрелы Аполлона смертельно ранили Пифона, и долго катался он в муках, оглашая все вокруг своими страшными предсмертными криками. А потом чудовище сдохло, его сгнившее туловище приняла в себя земля Дельф, которая стала после этого удивительно плодородной. А благодарные люди воздвигли храм в честь Аполлона, спасшего их от злобного Пифона.

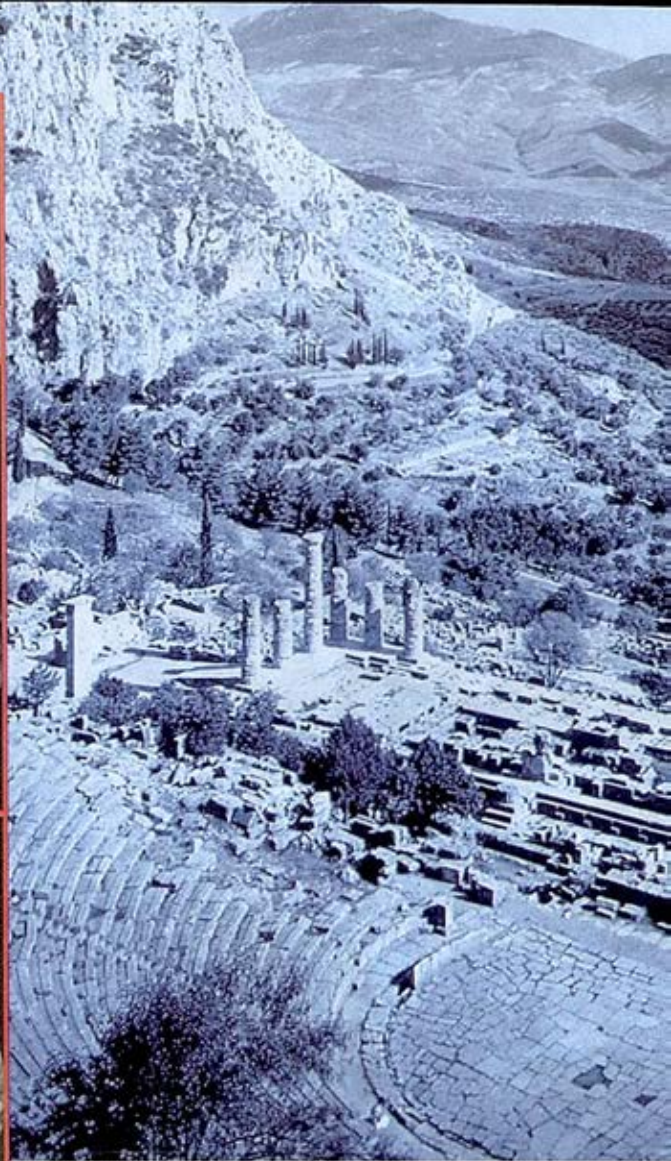
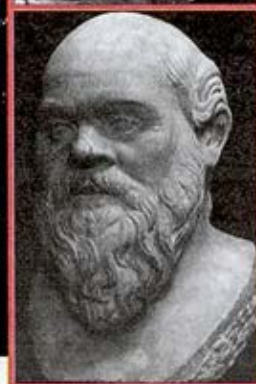
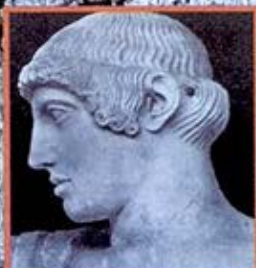
Вокруг храма росли лавры и кипарисы. И про них тоже была своя история. Как-то встретил Аполлон очаровательную нимфу Дафну. Девушка, конечно же, приглянулась любвеобильному Аполлону. Однако гордая Дафна отвергла ухаживания бога, и оскорбленный Аполлон превратил ее в кусты лавра. А вот Кипарис, прекрасный юноша, тоже понравившийся Аполлону, ответил на любовь бога и после трагической истории любви тоже превратился в дерево — стройный кипарис. Так рассказывали древнегреческие поэты о возникновении святилища.

Путешествие в Дельфы, расположенные на высоте 570 м над уровнем

Дельфы

моря, было не простым делом. Одни паломники шли пешком, другие приплывали на кораблях, сходили на берег в порту Итеа на северном побережье Коринфского залива и устремлялись к подножиям Парнаса, а затем, обойдя гору, шли по Священной дороге, выложенной мрамором, к храму. Храм стоял

на высоком фундаменте из белого камня. Его окружала мраморная ограда с множеством проходов — для паломников, наводнявших святилище в торжественные дни празднеств. У ограды изпод одной из скал бил ключ — знаменитый Кастальский источник, источник чистоты и вдохновения. В холодных во-

жертвеннику и направлялись жаждавшие услышать предсказания оракула. Там приносились в жертву Аполлону быки, овцы, козы или другая живность. А уж потом все направлялись в храм. На стенах храма были начертаны мудрые изречения, например, такие, как "Познай самого себя", "Ничего слышном" и многие другие. Эти изречения приписывались мыслителям, которые, побывав в Дельфах, в отличие от могущественных правителей, приносили в дар Аполлону не золото и драгоценные камни, не меха и пряности, а свою мудрость.

В храме стояла статуя Гомера, жертвенный алтарь Посейдона и, конечно же, статуя прекрасного Аполлона — работа прославленного Фидия. Рядом с ней — статуи двух Мойр, богинь судьбы. В центре храма лежал огромный камень — Омфал, "Пуп земли": древние верили, что именно на этом месте находится центр мира, ведь когда-то Зевс выпустил двух орлов в разных концах света, и встретились орлы именно в Дельфах. В священном очаге пылал неугасимый огонь. А за ним начиналась самая святая, самая сокровенная часть храма — адитон, куда разрешалось заходить лишь жрецам-прорицателям и тому, кто желал получить ответ оракула на свои вопросы. Адитон был сооружен над расщелиной, из глубины которой поднимались отвратительные миазмы — как верили греки, дыхание Пифона, который и после смерти испускал гнусное зловоние. Тут сидела на треножнике пифия, женщина-предсказательница. Часто это была местная жительница, иногда — душевнобольная, а иногда — просто хорошая актриса. Пифия, надышавшись отвратительными испарениями и нажевавшись лавровых листьев, впадала в экстаз и начинала выкрикивать в ответ на вопросы пришедших полубезумные речения, которые позже расшифровывали, как могли, жрецы. Очень часто предсказания сбывались,

дах его, водах удивительной, кристальной прозрачности, совершали омовения или просто окроплялись все паломники, направлявшиеся к оракулу. Вода святого источника смывала грязь помыслов с грешных душ... За оградой стоял огромный жертвенник, поставленный прямо против входа в храм. К

что не удивительно. Дело в том, что жрецы, заботясь об авторитете оракула, тщательно готовились к оглашению его пророчеств. Они находились в курсе политических событий, старались знать обо всех делах, творившихся в Греции и за ее пределами. Вот почему они могли с большой точностью прогнозировать, что случится в будущем.

Кто же они были, жрецы Аполлона, от которых зависели судьбы простых людей и правителей, чьи решения часто определяли ход событий всего античного мира? Жрецами в Греции в принципе мог стать любой, в одних греческих городах жрецов назначали как чиновников, в других эта должность передавалась по наследству, иногда должность покупалась, причем стоила она весьма недешево — ведь жрецы получали огромные доходы от жертвоприношений и даров верующих. А уж в Дельфы чего только не несли — и шкуры, и плоды, и хлеба, мед, драгоценные ароматические масла, и многое другое, и почти все это после обряда жертвоприношения и дарения оставалось в распоряжении жрецов.

В Дельфах пять главных жрецов вели делами святилища и судили преступников, виновных в святотатственных преступлениях. Кроме них — еще и служители, записывавшие и трактовавшие предсказания пифий. В подчинении жрецов находились специальные люди, выполнявшие всю черную работу в святилище, а еще — и это самое главное их предназначение — собирали сведения о людях, обращавшихся к оракулу. Однако даже и на основе тщательно собранного материала дать однозначный ответ часто бывало не просто, и тогда хитроумные жрецы оглашали пророчество оракула так, чтобы оно понималось по-разному. "Дельфийский бог не изрекает всего прямо, но и не скрывает, — он намекает", — не случайно именно так говорили древние греки.

Жрецы были заинтересованы в том, чтобы в Дельфы приходило за пророчествами как можно больше народа — ведь люди несли дары и жертвоприношения, что увеличивало и без того немалые богатства святилища и, соответственно, повышало благосостояние его "бескорыстных" служителей. Вот почему они старались изо всех сил, чтобы весть об удачных пророчествах доходила до самых дальних уголков Эллады и всего античного мира.

Но Дельфы известны не только благодаря оракулу.

Огромное число любителей собиралось здесь во время знаменитых пифийских состязаний, основанных, как говорили легенды, еще Аполлоном в честь его победы над Пифоном. Игры происходили раз в три года в августе-сентябре и славились в эллинском мире не меньше, чем Олимпийские. Поскольку Аполлон считался покровителем муз, большое место в играх занимали состязания музыкантов. Ну а главными музыкальными соревнованиями были состязания певцов, кифаредов, исполнявших пэаны, гимны, в честь победителя Пифона. Затем в соревновании вступали флейтисты, потом — гимнасты и, наконец, наездники. Победителей награждали призами и венками из лавра — священного дерева Аполлона. Пифийские игры очень любили жрецы — ведь состязания, на которые съезжались толпы со всех концов эллинского мира, приносили им огромные барыши.

Конечно же, жрецы Аполлона не могли быть бесстрастными, очень часто пророчества оракула играли на руку тем или иным политическим деятелям, городам или государствам. Коррупция и тогда весьма процветала. Это хорошо понимал еще Эзоп, знаменитый баснописец, осмелившийся говорить правду в лицо даже самым могущественным правителям. Приехав в Дельфы, он дал понять жрецам, что осозна-

ет глубину их "бескорыстного служения" Аполлону и людям, за что и поплатился жизнью — наемники жрецов сбросили Эзопа со скалы в море.

Примерно в V веке до н.э. оракул стал терять репутацию правдивого пророка. Шли годы, сменялись правители, и во II веке до н.э. Дельфы оказались под властью римлян. Культ Аполлона постепенно утрачивал свое значение, и прекрасный храм стал разрушаться. Окончательно святилище закрыл в 385 году римский император-христианин Феодосий. Иисус Христос заставил забыть древних богов. Весь храмовый комплекс забросили. Проходили столетия, и вот уже прекрасные античные строения оказались под землей, а на месте храмов и сокровищниц выросла деревня, жители которой и не вспоминали о блестящем прошлом своей родины. Но все изменилось в 1892 году, когда сюда приехал французский археолог Теофиль Омоль. Жителей деревни выселили, и начались раскопки. И теперь, приехав в Дель-

фы, мы можем пройтись по Священной дороге, увидеть Сокровищницу афинян, где хранились дары афинских граждан, строгое и совершенное здание, руины других сокровищниц — Фиванской, Сифийской, Беотийской, развалины храма Аполлона, театр, стадион. Археологи бережно сохранили для потомства множество обломков великолепных колонн, фундаменты величественных зданий — все это дает возможность представить то великолепие, которое когда-то создали древние греческие мастера. А еще в Дельфах поражает удивительной красоты пейзаж — горные вершины, зеленеющие долины, глубокие пропасти, темные расщелины, ярко-синее небо, лавры и кипарисы — все это совсем не изменилось с тех времен, когда звучали здесь, у подножия Парнаса, божественные звуки аполлоновой кифары, пифии выкрикивали свои пророчества и смиренно внимали им люди давно ушедшего в прошлое прекрасного мира античности... ■

ЭГОН ШИЛЕ

Композиция с двумя лежащими моделями. 1915.

Австрийский художник Эгон Шиле прожил короткую жизнь — он умер, когда ему было всего 28 лет, но сумел вписать свою страницу в великую книгу истории мирового искусства. Его нервные, напряженные, иногда глубоко несчастные образы не потеряют своей актуальности еще очень долго — похоже, счастья и спокойствия в нашей жизни не прибавляется...

Эгон Шиле родился 12 июня 1890 года в маленьком нижнеавстрийском городке Тульне. Его отец, инженер-железнодорожник Адольф Ойген Шиле, был родом из Северной Германии. В семье четверо детей: кроме Эгона — Эльвира, Мелани и Гертруда, с которой Эгон очень дружил.

Мальчик рос слабым и замкнутым. В школе он совсем не блистал, а однажды даже остался на второй год. Это унижение, которое испытал по воле учителей, он им никогда не простил — позднее вспоминал о "грубых и невежественных" преподавателях как о своих ненавистных врагах. Но одним предметом в школе он занимался с настоящим увлечением и удовольствием — рисованием. И его учителя — Людвиг Траух, Макс Карер и Вольфганг Паукер, поддерживали мальчика, чувствуя в нем несомненные способности. Именно они помогли Эгону поступить в Академию художеств в 1906 году, хотя все его семейство противилось:

действительно, профессия художника совсем не казалась делом почтенным, занимаясь которым можно зарабатывать на жизнь.

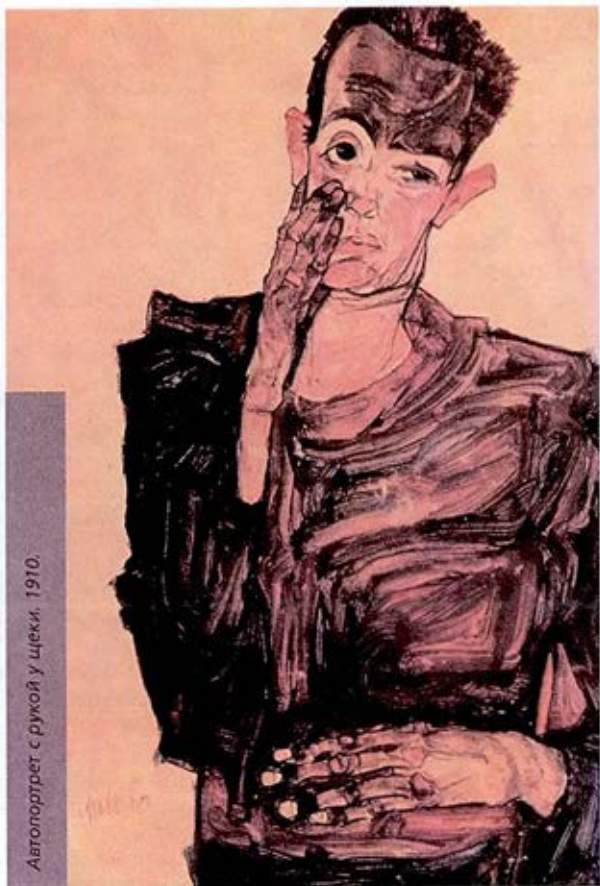
Последний год в школе оказался одним из самых тяжелых в жизни Шиле. Отец умный, любящий, понимающий, тяжело болел. Врачи поставили неутешительный диагноз: прогрессирующий паралич. С матерью у Эгона никогда не возникало теплых и близких отношений. Она казалась ему примитивной, не очень образованной. (Позже, уехав из дома, он писал ей письма, в которых тон был довольно покровительственный и снисходительный.) 1 января 1905 года Адольф Ойген Шиле скончался. Юноша тяжело переживал смерть отца. И потом, спустя многие годы, отец приходил к нему во сне, и Эгон вел с ним долгие разговоры... Вообще-то говоря, смерть не была редкой гостьей в семье Шиле — в 1892 году умерла сестра Эгона Эльвира — ей едва исполнилось десять лет! И вот теперь отец. Эти потери не могли не оказать влияния на Эгона, на его мировосприятие, да и сам он говорил, что во многом именно смерть сформировала его как художника, став одной из основных тем в его творчестве. Но тогда он думал только о том, что смерть отняла у него отца, самого дорогого человека, и в семействе Шиле остался только один мужчина — и это он, Эгон.

Но жизнь продолжалась, и Эгон, по-прежнему уверенный в том, что его предназначение — искусство, уговаривал мать и своего опекуна — им стал Леопольд Чехачек, прекрасно знавший музыку, но мало смысливший в искусстве, — что ему необходимо учиться живописи и срочно поступать в венскую Академию художеств. И вот Эгон — студент Академии, живет в Вене и учится в классе Кристиана Грипенкерля, автора портретов и исторических полотен. Кроме живописи, Эгона увлекала мода, дорогая стильная одежда, впрочем, эту страсть оказалось довольно трудно удовлетворять из-за стесненных финансовых обстоятельств. Однако кое-что ему удавалось — он выглядел довольно элегантно. "Когда я против воли матери и опекуна начал вести незави-

симую жизнь, чтобы стать свободным художником, я быстро оказался в ужасном положении — носил старые вещи моего опекуна, его ботинки и шляпы, которые были мне велики. Костюм, подкладка которого была разорвана, а ткань изнасилась, мешком болталась на моем узком теле. Башмаки всегда стоптаны и просили каши, кожа потрескалась, в подошвах зияли дыры, так что я мог ходить, только шаркая в этих изношенных галошах. В выцветшую и затасканную, покрытую жирными пятнами шляпу мне приходилось запихивать газеты, чтобы она не съезжала на глаза. Особенно щекотливым моментом в моем гардеробе было белье. Правда, я не знаю, можно ли вообще называть бельем эти расплзающиеся обрывки льна... Свои воротнички я унаследовал от отца, слишком широкие для моей худой шеи и к тому же слишком высокие. Поэтому по воскресеньям и по особым случаям я носил воротнички оригинальной формы, которые сам вырезал и складывал из бумаги..." На одной из фотографий 1906 года Шиле — этаким денди, уже считающий себя настоящим художником и старающийся убедить в этом других.

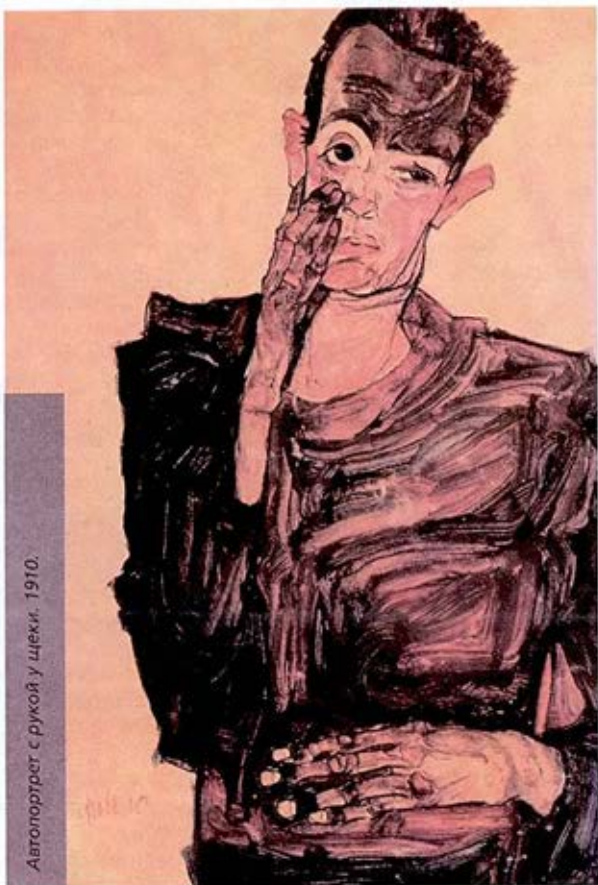
В Академии обучение велось вполне академически — работа с античной скульптурой, драпировки, занятия по композиции. Все это хоть и помогло Эгону довести заложенный в нем дар рисовальщика до совершенства, но мало отразилось

Автопортрет с рукой у щеки. 1910.

Но жизнь продолжалась, и Эгон, по-прежнему уверенный в том, что его предназначение — искусство, уговаривал мать и своего опекуна — им стал Леопольд Чехачек, прекрасно знавший музыку, но мало смысловый в искусстве, — что ему необходимо учиться живописи и срочно поступать в венскую Академию художеств. И вот Эгон — студент Академии, живет в Вене и учится в классе Кристиана Грипенкерля, автора портретов и исторических полотен. Кроме живописи, Эгона увлекала мода, дорогая стильная одежда, впрочем, эту страсть оказалось довольно трудно удовлетворять из-за стесненных финансовых обстоятельств. Однако кое-что ему удавалось — он выглядел довольно элегантно. "Когда я против воли матери и опекуна начал вести незави-

Автопортрет с рукой у щеки. 1910.

симую жизнь, чтобы стать свободным художником, я быстро оказался в ужасном положении — носил старые вещи моего опекуна, его ботинки и шляпы, которые были мне велики. Костюм, подкладка которого была разорвана, а ткань износилась, мешком болтался на моем узком теле. Башмаки всегда стоптаны и просили каши, кожа потрескалась, в подошвах зияли дыры, так что я мог ходить, только шаркая в этих изношенных галошах. В выцветшую и затасканную, покрытую жирными пятнами шляпу мне приходилось запихивать газеты, чтобы она не съезжала на глаза. Особенно щекотливым моментом в моем гардеробе было белье. Правда, я не знаю, можно ли вообще называть бельем эти расплзающиеся обрывки льна... Свои воротнички я унаследовал от отца, слишком широкие для моей худой шеи и к тому же слишком высокие. Поэтому по воскресеньям и по особым случаям я носил воротнички оригинальной формы, которые сам вырезал и складывал из бумаги..." На одной из фотографий 1906 года Шиле — этаким денди, уже считающий себя настоящим художником и старающийся убедить в этом других.

В Академии обучение велось вполне академически — работа с античной скульптурой, драпировки, занятия по композиции. Все это хоть и помогло Эгону довести заложенный в нем дар рисовальщика до совершенства, но мало отразилось

на нем как на художнике. Юный Шиле безумно скучал на уроках — традиционных, упорядоченных. Да и как могли они заинтересовать молодого способного Эгона, когда в это же время в Вене работали совсем другие художники — например, Густав Климт!

В 1897 году в Вене было основано движение, вошедшее в историю искусств под названием Сецессион. В 1898 году по проекту Йозефа Ольбриха построили специальное выставочное здание, где собирались венские художники и устраивались выставки. Сецессионисты наступали на строгие академические правила, веря в то, что жизнь и искусство могут быть в гармонии друг с другом. Обновить искусство, превратить все, окружающее человека, в мир красоты и гармонии — такие задачи поставили перед собой художники. Они искренне надеялись, что искусство сможет исцелить социальные болезни, и декоративный декор, наброшенный на суровую действительность, принесет спасение людям. Густав Климт стал мессией этой новой религии, кумиром юного Шиле и оставался таковым до самой его смерти. Поклонение Климту означало бунт против профессоров Академии. Вместо реалистических рисунков и построения перспективы Шиле показывал им изящные по рисунку декоративные композиции, которые очень ценили приверженцы Сецессиона. В 1909 году Эгон бросил Академию — она ему уже ничего не могла дать. Вместе со своими друзьями, тоже бывшими учениками Грипенкерля, Антоном Файстауэром, Карлом Массманом и другими, он основывает группу "Новое искусство" и в манифесте, напечатанном в журнале "Ди Акцион", формулирует свое кредо: "Новый художник должен любой ценой быть самим собой, должен быть творцом, должен закладывать основы своего искусства, не обращаясь к прошлому, к прошлым традициям. Только тогда он — новый художник". Для девятнадцатилетнего Эгона самое важное — самобытность и самостоятельность в творчестве и жизни.

В том же 1909 году в Вене прошла Вторая международная выставка. Представленные на ней работы — в частности, Барлаха, Боннара, Коринта, Матисса, Ван Гога, Мунка — произвели огромное впечатление на Эгона. Для него большая честь выставляться рядом с этими мастерами. Кроме того, в его жизнь входит экспрессионизм, а вместе с ним — ломкая, нервная линия, вносящая напряженность и душевную обнаженность в его картины. Экспрессионизм, новое течение в искусстве (и не только в изобразительном, но и в литературе, и в музыке), возник в начале XX века не случайно. Напряженность, предчувствие страшных потрясений, которые ждут мир, желание постичь самые глубокие пласты человеческой души, новые теории, объясняющие поведение людей, и, прежде всего, психоанализ Фрейда, — вот что заставляло самых разных художников писать насыщенные чувством (экспрессией) и цветом полотна. В этих картинах не было и тени той гармонии и чистой красоты, которую создавали импрессионисты. Образцом новых идей в живописи, своеобразным манифестом стала картина Эдварда Мунка "Крик", соединившая и символизм Сецессиона, и желание высказаться в яркой и поистине кричащей форме. Шиле идеи экспрессионистов чрезвычайно близки, они отвечают всему строю его души. И вот он действительно становится новым художником — освободившись от климтовских декоративности и аллегорий, создает свой стиль, очень близкий экспрессионизму. Он умен, этот юноша, все понимает, в одном из писем 1910 года пишет: "До марта я шел путем Климта. Сегодня, думаю, я стал его противоположностью".

Однажды они встретились — умудренный Климт и юный, дерзкий Шиле. Эгон пришел к Климту показать свои работы — мнение мастера было для него чрезвычайно важно — и обменять их на рисунки Климта. Наивный и непосредственный Эгон предложил несколько своих работ за один рисунок Климта. На что тот ответил: "Почему вы хотите обменяться рисунками? Вы ведь рисуете лучше меня". "Как вы думаете — у меня есть талант?" "Да, — ответил Климт, — даже слишком много!" — и купил несколько работ юного собрата, что обрадовало последнего невероятно. И чрезвычайно вдохновило — Эгон работает как одержимый.

Излюбленной моделью становится прежде всего он сам — ему страшно интересно писать автопортреты, обнажая свою душу и таким образом постигая себя. Шиле явно нравится изображать, фиксировать свои позы, изучать линии своего тела. Пишет себя обнаженного, словно изгоняет из себя демонов, разрушающих его личность. Он предельно искренен и откровенен: горечь и счастье, успех и поражение — все доступно зрителю, ничего не скрыто в этих показывающих душу и тело картинах. Ведь любая сторона чело-

Подсолнух. 1909.

веческой жизни, полагает он, отражается в портрете, не исключая смерть. Нужно только хорошо изучить объект изображения, а что ему может быть лучше известно, чем своя собственная личность, свое эго, свое тело. Шиле пишет автопортреты на протяжении всей жизни. Чем-то это его пристрастие напоминает известный роман Оскара Уайльда "Портрет Дориана Грея". На его автопортретах — жизнь души...

Но, конечно же, его интересуют и другие люди — блуждания в чужих душах и телах тоже могут быть захватывающе интересны, и он пишет нагих и полунагих мужчин и женщин, мальчиков и девочек. Художник сам диктует им, в какой позе замереть перед мольбертом. Он словно срывает с них одежды и оставляет нагими и беззащитными, выставленными на всеобщее обозрение. На рубеже XIX–XX веков натурщицы занимали в обществе самое нижайшее положение, сравнимое с положением проституток, с ними не церемонились — так, на-

пример, Климт заставлял позировать даже беременных. И Шиле продолжал ту же практику — он совершенно не считался ни с нормами приличий, ни с желаниями и протестами своих моделей. И очень часто позы, в которых изображены его натурщицы, выглядели уж слишком откровенно и вызывающе. Не удивительно, что его картины с обнаженными персонажами расценивались публикой как оскорбительные.

В 1910 году Шиле вместе со своим другом Эрвином Озеном снял квартиру в Крумау в Южной Богемии — в этом городке родилась его мать. В Вене ему плохо: "В Вене мрачно, город черен, все поражено гнилью. Я хочу быть один. ...Я должен увидеть новое и исследовать его. Я хочу попробовать темную воду, увидеть растрескавшиеся деревья, почувствовать порыв дикого ветра. ...Я хочу рассматривать травы, людей, старые церкви..., бежать без остановки по лугам через широкие равнины, целовать землю и вдыхать аромат болотных цветов. А потом я буду делать такие красивые вещи...", — писал он в одном из писем. Но пока он делает множество рисунков, на которых изображает девушек и девочек, часто в весьма недвусмысленных позах. Парис ван Гутерслох, знакомый Шиле, писал, что студия Шиле буквально наводнена моделями, молоденькими бродяжками: "Они там спали, укрываясь от родителей и полиции, или лениво слонялись из комнаты в комнату, расчесывали волосы, чинили одежду, мылись — подобно животным в клетке..."

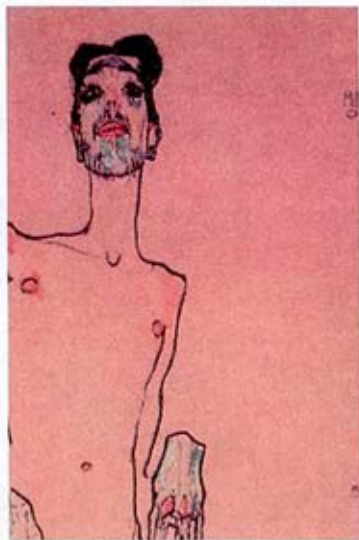
Рассказывали, что Шиле продавал особенно эротические рисунки распространителям и коллекционерам порнографических картинок, которых в Вене имелось в то время множество. Так он зарабатывал на жизнь.

А еще он пишет портреты Озена и, конечно же, автопортреты — он себе всегда интересен. Надо сказать, он впечатляет не только себя, но и всех, кто с ним общается. Артур Ресслер, критик и большой почитатель Шиле, вспоминал: "Даже в присутствии известных людей с экстравагантными наклонностями Шиле выделялся благодаря своим необычным взглядам... Высокий, стройный, с узкими плечами, длинными руками и длинными пальцами на худых руках, загоревший, безбородый, с длинными, темными непослушными волосами, он привлекал внимание всякого. Его широкий лоб прорезали горизонтальные линии морщин. Особенности его лица выглядели особенно ярко при серьезном, почти грустном выражении, как будто он страдал от сильной, спрятанной вглубь боли... Его лаконичный стиль говорить афоризмами в сочетании с его взглядами производили впечатление глубокого внутреннего благородства, и становилось понятно, что это все не симуляция..."

Одна из его натурщиц — семнадцатилетняя Валли Нейцил. Ее уже знали художники Вены — дело в том, что она была раньше моделью Климта, и поговаривали, не только моде-

Мим ван Озен. 1910.

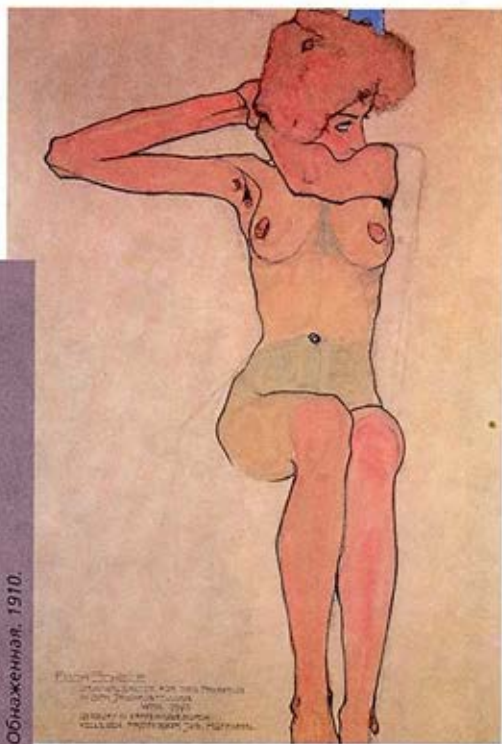
лю. Художник и натурщица — вечный сюжет... Так или иначе, Эгон и Валли начали жить вместе. Эта девушка будет с ним на протяжении нескольких лет. Но пока их совместная жизнь только начинается, что весьма не нравится местным жителям — молодой художник себе такое позволяет: живет с сомнительной девицей, — кстати, несовершеннолетней! — привлекает в своем доме бездомных и несчастных девочек, да еще рисует картины — показывать такие в приличном обществе просто невыносимо! Шиле и Валли вынуждены уехать из Кримау. Они находят новое пристанище — в маленьком городке Нейленбах на западе от столицы. Как и в Кримау, его студия превратилась в прибежище всех неблагополучных детей округа, многие из которых — и мальчики, и девочки — стали его натурщиками. Постепенно Шиле вырабатывает свою собственную философию. Он пишет коллекционеру Оскару Райхелю: "Художники живут вечно. Я всегда считал, что только величайшие художники мира могут писать фигуру человека... Я пишу свет, исходящий от тел... Эротические произведения тоже священны! Одно "живое" произведения недостаточно, чтобы сделать художника бессмертным. Мои картины следует помещать в здания, подобные храмам".

Но как бы он ни говорил о важности и ценности эротического искусства, большая часть общества придерживалась совсем других взглядов. 13 апреля 1912 года Шиле арестовали. Его рисунки конфискованы, а его самого обвиняют в "совершении и насилии над несовершеннолетней девушкой (имеется в виду Валли) и аморальности" — так звучит обвинение, предъявленное Эгону на суде, состоявшемся в Санкт-Пельтене. Обвинение в аморальности возникло так: Шиле, завершив рабо-

Хризантема. 1910.

Обнаженная. 1910.

ту над картиной, часто пускал в комнату толпы детей, одноклассников его моделей. А там, в этой комнате, висела картина, изображавшая полуодетую девушку. Дети, конечно же, с интересом разглядывали все детали. Эта прекрасная работа, из-за которой и возник весь сыр-бор, была публично уничтожена по распоряжению суда. И вот вердикт: художник приговорен к трем дням заключения за выставление аморальных рисунков там, где их могли бы видеть дети. В приговоре учли три недели предварительного заключения, которые Эгон провел за решеткой до суда. В камере Эгон написал несколько своих автопортретов и снабдил их такими подписями: "Я чувствую себя очищенным, но не раскаявшимся... Ограничивать художника — преступление. Это означает убить нарождающуюся жизнь..."

Я с радостью вынесу это ради своего искусства и моих любимых".

История с судом и заключением не оказала никакого влияния на карьеру художника, но, наверное, закалила характер, сделала его сильнее и опытнее.

А также привнесла горечь в его творчество. Мир вокруг весьма безумен, трудно найти нормального человека, может быть, именно сумасшедшие и есть самые нормальные люди в этом безумном мире. И Шиле проявляет интерес к душевнобольным. Интерес к патологическому языку тела больных людей пробудил в Эгоне его старый друг Эрвин Озен. Некий доктор Кронфельд из клиники Штайнхоф попросил Озена сделать рисунки больных, страдавших психическими расстройствами, для публичной лекции. Озен, тоже член группы "Новое искусство", слыл весьма эксцентричной личностью. Его называли "падшим ангелом". Он всегда одевался так, чтобы выделиться из толпы, и непрерывно корчил разные гримасы. И подру-

гу имел необычную — звали ее Моа, и она изо всех сил изображала египтянку. Вот этот странный и экстравагантный человек увлекся своими сумасшедшими натурщиками и увлек ими Шиле. И на картинах Эгона появляются лица со страдальческими улыбками, лица одержимых, лица людей, испытывающих невыносимую душевную боль. Он выворачивает наружу больные души, показывая муки и страдания, страсть, мечтания, веру и отчаяние. Его фигуры поразительно экспрессивны, яркие, они никого не оставляют равнодушными, вызывая лишь две оценки — восторг или полное неприятие.

Вскоре после суда Шиле отправился в Каринтию, а потом в Триест — отдохнуть и посмотреть красивые места. В январе его работы выставлены в Будапеште, в феврале и марте — в галерее известного дилера Ханса Глотца в Мюнхене, затем в Вене и Кельне. Он становится известным и модным, его картины покупают самые уважаемые коллекционеры. Все это весьма улучшает его финансовое положение. Более того — Шиле приглашает к себе в дом известный меценат Франц Хауэр, который поддерживал и другого австрийского художника Оскара Кокоску. Хауэр хочет, чтобы Эгон написал портрет его сына Эриха. Хауэр — богатый и уважаемый господин, в его доме прислуживают хозяевам слуги в серых ливреях с золотыми пуговицами, всегда наготове роскошный экипаж. Все это ужасно нравится Эгону. Теперь он уже — известный художник, позволяет себе одеваться в дорогие костюмы. А ведь совсем недавно носил воротнички, вырезанные из бумаги!

В 1913 году Шиле становится членом Союза австрийских художников (президентом этого Союза был Климт) и принимает участие в самых важных и престижных выставках — в выставке "Венского Сецессиона", в Мюнхене, Гамбурге, Бреслау, Дрездене, Штутгарте и Берлине. Он очень неоднозначен — с одной стороны, любящий путешествовать, увлекающийся модой, тщеславный, светский и самолюбивый, а с другой — меланхоличный, интересующийся темными сторонами жизни души и тела, размышляющий над фундаментальными вопросами познания, жизни и смерти.

В работах этого периода большое место занимает тема матери. Мать Шиле Мари со временем принялась активно поддерживать стремление мальчика стать художником. После смерти отца им всем приходилось совсем несладко, и, конечно же, лучше бы Эгон выбрал себе более прозаическое и верное занятие, думал его опекун Чехачек. Но мать была убеждена в таланте сына, она верила в него и с огромным трудом все-таки добыла сыну средства на учебу в Вене. Но Шиле не испытывал к ней особой благодарности. Полагал, что она только так могла — и должна была поступить. Он, преисполненный мыслями о своей исключительности и гениальности, принимал жертвы близких как само собой разумеющиеся, а, кроме того, считал, что женщины играют по отношению к мужчинам роль подчиненную и обязаны им служить. Понятно, что фрау Шиле была не очень довольна своим сыном. Отношения между ними складывались далеко не идеально. И вот появилась серия картин, сами названия которых вызывают ощущение беды, не-

счастья. Сначала — "Мертвая мать", потом — "Рождение гения", "Фройляйн Мать", "Мачеха". Вплоть до 1915 года Шиле работал над различными трактовками этой темы — тут и "Беременная и смерть", и "Слепая мать", и "Слепая мать-2", и другие картины. Несчастливое материнство, слепота материнской любви, соседство рождения жизни и смерти. А между тем он пишет матери письма с указаниями, как жить ей и сестрам. Он с ними очень строг и придерживается весьма суровых моральных правил — например, разрешает выйти замуж сестре Герти, забеременевшей благодаря его другу Антону Пешке, только после ее совершеннолетия (хотя себе-то он позволяет все!), но при этом помощи от него они не имеют. Да уже и не ждут. Не удивительно, что однажды он получает письмо от Мари Шиле. Мать пишет: "Вспомни, когда ты последний раз был на могиле отца! Как много денег ты проматываешь! ...Для всех и вся ты находишь время, ...только не для своей бедной матери! Бог тебя простит, а я не могу... Кто бы ни извратил твой образ мыслей... Я проклинаю тебя, а материнское проклятие остается неизмен-

Эдвард Космак. 1970.

ным!" Проклятие матери не очень-то расстроило "любящего" сына, его в это время заботило совсем иное...

В доме напротив студии Эгона жили две девушки — сестры Эдит и Адель Хармс, дочери хозяина слесарной мастерской. Они очень хорошенькие, эти девицы Хармс, и Шиле ужасно хочется с ними познакомиться. Что только он не делает — принимает странные, смешные позы перед их окнами, издает а-ля индейские кличи. Наконец ему удается привлечь их внимание. Он приглашает сестер на прогулки, а чтобы не волновалась их мать, берет с собой ничего не подозревающую Валли. Особенно ему нравится Эдит. Легкий по началу флирт переходит в серьезное чувство. Эгон решает жениться на Эдит. Наверное, пришло время, и захотелось спокойной размеренной жизни. Но что делать с Валли? Он решает эту проблему легко и непринужденно. Однажды вечером в кафе, куда они ходили по вечерам поиграть в бильярд, он вручает Валли письмо, в котором пишет, что хочет с ней расстаться, но при этом готов каждое лето проводить с ней несколько не-

дель. Ему кажется все разумным и правильным, но Валли это не устраивает. Да и Эдит мысль о такой жизни втроем кажется дикой. Валли страдает и мучается, ведь она любит Эгона, прожила с ним четыре года, находилась рядом в самые трудные моменты жизни — во время изгнания из Крумау, во время судебного разбирательства в Нейленбахе. Валли, оскорбленная, раненная в самое сердце, решила уйти, исчезнуть из жизни Эгона. После разрыва они больше никогда не встречались. Валли добровольно вступила в Красный Крест и умерла от скарлатины в военном госпитале в 1917 году, в канун Нового года, в Далмации. Так закончилась жизнь этой женщины, тело которой изображено на самых лучших и поэтических эротических полотнах Эгона Шиле.

А Шиле и Эдит Хармс, несмотря на протесты ее родителей, поженились — случилось это 17 июня 1915 года. Спустя несколько дней его призвали в армию — ведь уже шла Первая мировая война, унесшая множество жизней и навсегда изменившая мир и людей, уцелевших после нее.

Шиле отправился на военную службу в Прагу. Эдит сопровождала его. Она сняла номер в "Отел Пари". Присутствие рядом молодой жены скрашивало жизнь Эгона в бараках, по крайней мере, некоторое время. Правда, ему повезло — его не отправили на фронт, а поручили выполнять обязанности писаря. До начала 1916 года он служил в охране военнопленных в Ацгерсдорфе, а весной того же года был назначен в Мюллинг в Нижней Австрии, писарем в лагерь для пленных русских офицеров. Потом его перевели в часть недалеко от Вены, а затем и в саму Вену. Шиле не испытывал никакого энтузиазма по поводу войны. Статус нации, представления о расе и народе были ему глубоко чужды и, более того, вызывали отвращение. Для Шиле война — лишь "бессмысленная смерть сотен тысяч людей". Он, такой ярый индивидуалист, ненавидел все формы коллективизма и испытывал глубокое презрение к "вечным носителям униформы...солдатам, офицерам, учителям, всем тем, чье существование бесполезно, работникам физического труда, клиру, тем, кто хочет всего сразу, националистам, патриотам, арифметикам, людям положения, ничтожествам". Именно так писал Шиле в одном из писем Ресслеру в 1911 году. Но он прекрасно понимал, что война привнесла в мир. "То, что было до 1914 года, — часть другого мира..." — писал он сестре. И он рисует ту и эту часть мира — на его картинах возникают города. "Я отправился в города, казавшиеся мне бесконечными и мертвыми, и мне стало жаль себя", — признается художник. Он словно предчувствовал смерть, которую принесет эта страшная бойня Первой мировой войны. Черные, мертвые поселения; в них не видно жизни — Шиле создает мистические притчи о домах, без тепла, без уюта, без любви — только холод и одиночество, здесь не живут, а умирают. "Мертвый город" — недаром так и называется одна из его картин того периода.

Но он молод, рядом — любимая женщина, а, кроме того, война несколько не помешала росту его известности, росту его признания. И, несмотря ни на что, тональность его живописи все-таки меняется. И в 1917 году появляется "Пригородный дом с развешанным бельем" — чудесная, радостная, полная цвета и жизни картина. Уж в этом-то доме точно живут люди — они рожают детей, любят, работают, а по вечерам мужчины попивают пиво и распевают песни, а их женщины стирают белье и развешивают его в таком очаровательном живописном беспорядке...

Шиле, как и его учитель Климт, по-прежнему верит в то, что обломки цивилизации могут быть сохранены только с помощью искусства. Он вынашивает план создать новое объединение художников и назвать его Кунстхалле.

Благодаря ходатайству Леопольда Лиглера, написавшего о нем большую статью в журнале "Графическое искусство", весной 1917 года Шиле переводят

в Вену, и он снова оказывается в центре художественной жизни австрийской столицы. Участвует в ряде выставок, помогает организовать в мае "Выставку картин войны". Крупный успех — несколько его рисунков покупает директор музея современного искусства Франц Хабердицль, а через год он приобрел и портрет Эдит Шиле. А когда издатель Рихард Лени издает серию рисунков и репродукции акварелей Эгона, счастьем художника нет предела. Он — признанный мастер, его знают и ценят!

6 февраля 1918 года умер Густав Климт. На протяжении многих лет он был признанным лидером венских художников. Климт всегда оставался для Шиле Учителем, непререкаемым авторитетом. И именно Эгон становится истинным преемником Мастера, вождем венского Сецессиона. И именно он организывает следующую, 49-ю выставку Сецессиона и рисует плакат к ней. А на плакате — своеобразная "Тайная вечеря": стол, за которым сидят венские живописцы, а во главе стола — он, Эгон Шиле. Его картины и рисунки, занимающие центральное положение на вернисаже, производят огромное впечатление на публику, а вся пресса — и венская, и международная — полна восторженных откликов. Из пятидесяти его работ — почти все проданы. Шиле приветствуют как главу венских художников. Эти дни — величайший триумф, лучшее время в его жизни. На его выставки в Цюрихе, Праге и Дрездене валом валит публика. Казалось бы, все просто замечательно, впереди — только победы и новые грандиозные свершения. Но судьба не была благосклонна к Эгону Шиле. Именно тогда, когда он достиг величайшего успеха, смерть, старая знакомая, снова пришла в его дом. Заболела испанкой, этой страшной болезнью, косившей миллионы людей по всей Европе, Эдит. Она была на шестом месяце беременности, о чем ее муж никому не рассказывал, — лишь за день до смерти жены он сообщил об этом своей матери. Эдит умерла 28 октября, очень быстро, через несколько дней после начала болезни. Эгон, не отходивший от жены ни на шаг, даже не успел почувствовать горе утраты, заразился сам и умер через три дня, 31 октября. В 28 лет!

Последней его работой стало полотно "Семья".

С необычным для себя реализмом художник изображает обнаженного мужчину, сидящего на диване, — это он сам, молодой муж. Перед ним на корточках — женщина, у ее ног — симпатичный малыш. Картина многоцветна, как и сама жизнь, здесь и светлые — белые, желтые — тона, и темные — красный, переходящий в коричневый. Но что-то тут тревожное, беспокойное, художник словно не верит в нарисованную им картинку семейного счастья. В картине — теплой по цвету и по сюжету — надежды Эгона на будущее, на домашний уют и домашние радости, которые не суждено было сбыться...

Фрау Эдит (портрет жены). 1917.

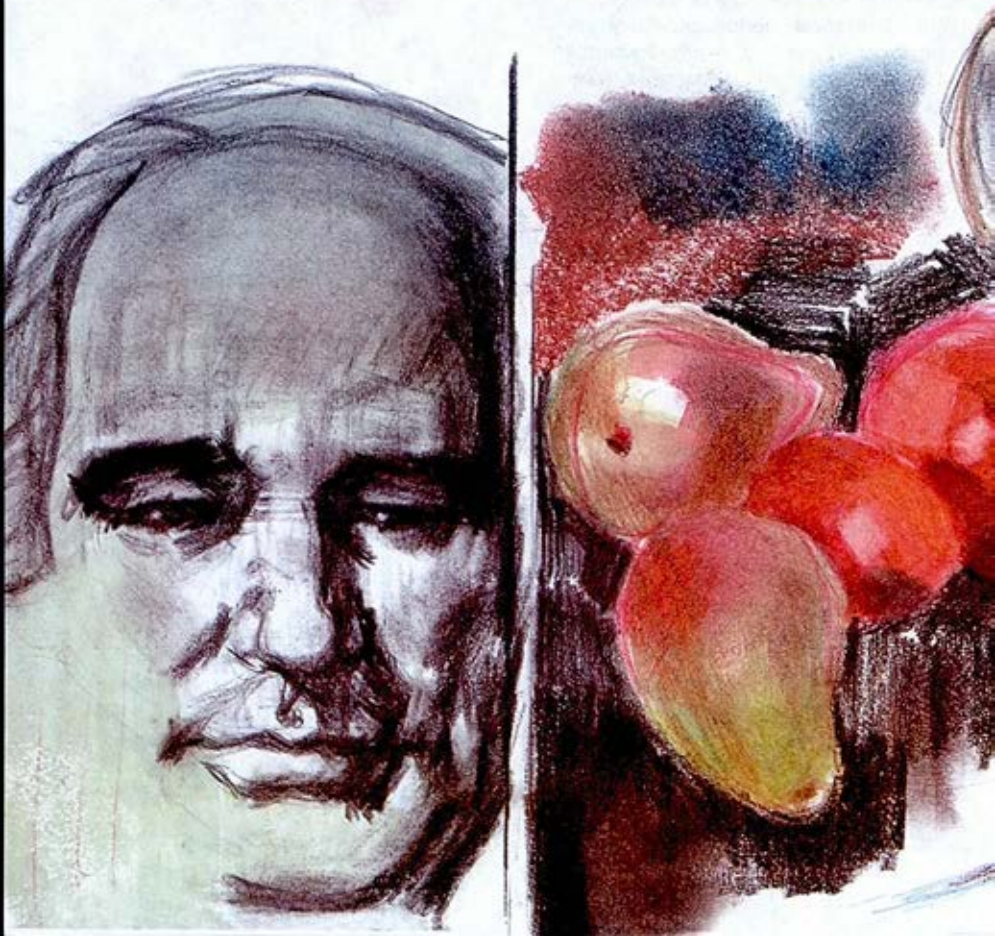
26

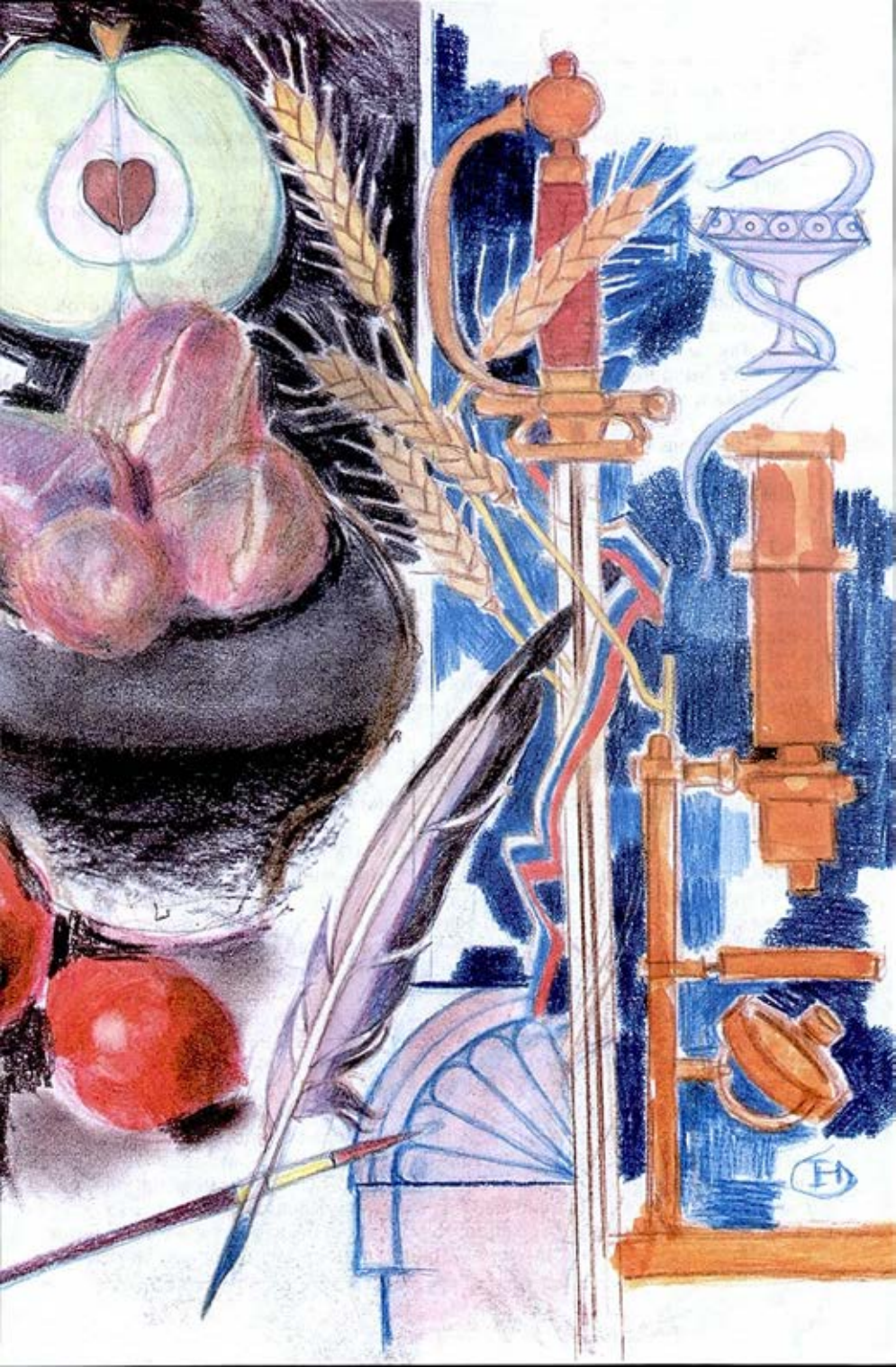
Любовь РУСЕВА

35

всё началось с Кёнигсберга

иллюстрация Геннадия Новожилова

14 июня 1762 года был самым счастливым днем в жизни капитана Болотова — он получил долгожданную отставку и стал свободным человеком. На радостях Андрей Тимофеевич летел с Васильевского острова, не чувствуя под собой ног, но на мосту неожиданный окрик спустил его на грешную землю, вернее, на мост через Неву.

— Болотенько! Друг мой! Куда это ты бежишь без оглядки, словно черти за тобой гонятся? — Улыбающийся Орлов соскочил с вороного красавца.

— Григорий Григорьевич, голубчик! — бросился обнимать друга Болотов. — Счастье-то какое! Я получил абшид и сделался вольным человеком.

— Так ты и не зашел ко мне в гости, — укорил его Орлов.

— Все было некогда, сам ведаешь, что служба была у меня.

— Вижу, что счастлив. Душевно радуюсь за тебя. Так, может, сегодня заглянешь?

— Никак не могу, голубчик: мешкать не буду — сегодня же уезжаю домой.

— Ну что ж, удачи тебе, мой друг. Дай-ка на прощанье расцелую тебя, да не забывая наше житье-бытье в Кёнигсберге.

— Такое ж разве забывается!

— Будешь в Петербурге, милости прошу ко мне. Рад буду увидеться, Болотенько, — сказал Орлов и птицей взлетел на коня.

— Непременно, голубчик, а ты ко мне в имение приезжай.

Так они и расстались на мосту. Андрей Тимофеевич не подозревал, что через две недели его товарищ станет самым могущественным вельможей Российской империи, а Григорий Григорьевич не знал, что простился с одним из первых выдающихся ботаников нашего Отечества, что к его имени потомки часто будут присовокуплять "первый" и "основоположник".

Трусость во благо Отечества

Забывать Кёнигсберг Болотов не мог по многим причинам, и одна из них — пережитый им страх.

В десятилетнем возрасте Андрея зачислили каптенармусом в полк, которым командовал его отец. Казалось бы, он, что называется, с молоком матери всосал потребность защищать Отечество, как и полагалось дворянину, с оружием в руках. В 1755 году Болотов стал офицером и в августе 1757 года пассивно участвовал в знаменитом сражении с пруссаками на Егерсдорфском поле. Полк его с возвышенности наблюдал за битвой, не в состоянии помочь Лопухину, чью дивизию уничтожил противник. Андрей стал свидетелем героизма и трусости, предательства и верности, разгрома и полной победы русских. Все это он подробно и красочно опишет в своих знаменитых "Записках". Войну он видел в черных красках смерти и мародерства. Но не тогда понял, что ратный подвиг не для него. Это он осознал, находясь в безопасном Кёнигсберге, где, благодаря знанию языков, оказался в канцелярии русского военного губернатора Восточной Пруссии барона Корфа. Здесь Андрей узнал и об исходе цорндорфского сражения — самого кровопролитного в XVIII столетии: русские потеряли свыше 16 тысяч человек, пруссаки — свыше 11. Обескровленную русскую армию пополнили за счет находившихся в Пруссии частей. Охраняли Кёнигсберг два полка, но поскольку городу ничего не угрожало, то приказано было оставить только батальон из не способных к походу людей. Приказ главнокомандующего чрезвычайно

напугал Болотова, к тому же командиром его полка стал князь Долгоруков, известный своей удалью и бесстрашием.

— Я много слышан о вашей ревности к службе и не сомневаюсь, что вы желаете присоединиться к полку и отправиться к армии.

— Конечно так! — холодея от страха, ответил "бравый" офицер.

— Тогда, — искренне обрадовался Долгоруков, — извольте собираться в поход, а я уж постараюсь о том, чтоб вас в полк отпустили.

— Сборы наши не велики, и мы к походу всегда готовы! — ляпнул, сам не зная зачем, Андрей.

После разговора с командиром Болотов понуро поплелся домой. Знал бы отважный полковник, как "рвался" в бой его офицер. Раздосадованный своим ответом, Андрей брел, не разбирая дороги, бормоча себе под нос: "Не дурак ли я? Никто тебе за то не скажет спасибо, и никого ты тем не удивишь. Тебя калекою сделают и изуродуют, как многих других, и тогда храбрись себе, пожалуй, и величайся ранами, а что в бок попадет, того не вынешь... Ничего глупее того быть не может, что я сделал..."

— Собирайтесь! — приказал он слугам, едва переступив порог квартиры.

— Куды? — оторопел старший Яков.

— Куды, куды! В поход! Насиделись в тишине и покое. Пора и пороха понюхать!

— Шутить изволите? — улыбнулся младший Петр.

— Какое шутить, — Болотову стало неловко, что сорвался на преданных ему людей. — Приказано полку выступать из Кёнигсберга чрез двое суток.

Офицер в отчаянии махнул рукой и удалился в спальню. Мечась по комнате, он вслух себя ругал, на чем свет стоит. Яков с Петром, услышав голос барина, осторожно подошли к его опочивальне.

— Об усердии и ревности твоей никто не узнает. Как укокошат молодца по примеру других, так и все веши в воду. Пуля глупа и неразборчива, и в меня попасть может, как в других, и тогда славься себе, пожалуй, и утешайся тем, что умер на одре чести!..

— Упаси, Господи! — перекрестились слуги.

— Ну, чего рот разинули?! — обернулся на возглас Болотов. — Я что вам приказал? Живо в поход собираться!

— Изволь, сударь, за нами дело не станет, мы скоро соберемся, но не тужить бы вам самим о том после. Хорошее место скоро потерять, но не скоро опять найти можно! — проворчал верный Яков и ушел с Петром.

Последние слова слуги запали в душу офицера, он всю ночь ворочался с боку на бок, пытаясь что-нибудь придумать, да не смог. Наутро он выглядел ужасно, и немцы, служившие в канцелярии, приставали с вопросом: не заболел ли? Но тут в кабинет влетел главный секретарь канцелярии и грохнул на стол Болотова связку толстенных тетрадей.

— На-ка, брат, вот теперь-то потрудись! — Секретарь, тяжело дыша, утер пот со лба. — Да поторопись, дружок, хоть ночку посиди, а дело сие наисрочнейшее. Нам отправлять это с курьером в армию, и это наряд подвод с провиантом и маршруты. Так не сделать бы остановки!

— Э, э, э! Да этого, батюшка, и за трое суток не переведешь. А сверх того, я не знаю, когда мне успеть: полк наш идет послезавтра отсюда, и мне велено собираться вместе с ним в поход.

— Да кто тебе это приказал? — удивился секретарь.

— Полковник наш.

— Кто это? Князь Долгоруков? Ха, ха, ха! Вранье, сударь! Отпустим ли мы тебя! Смотри, пожалуй! Великий он господин, как ему у нас взять!

— Да он хотел о том просить сегодня генерала.

— Да хоть тресни себе, так этому не бывать. Я теперь же пойду и доложу о том генералу, а вы начинайте-ка скорее переводить. — И секретарь стремительно удалился.

Никогда еще Андрей не приступал к переводам с таким рвением. Но в это время припожаловал его светлость Долгоруков, и страх снова овладел офицером, а ну как генерал отпустит его. В ожидании своей участи, он сидел ни жив ни мертв. Князь, как и положено боевому офицеру, начал с места в карьер, но барон наотрез отказался отпустить своего толмача.

— Но, господин генерал, Болотов прекрасный офицер...

— Именно поэтому он мне и нужен.

— Но подпоручик сожалеет о том, что не в полку. Он сам мне об этом сказывал. Он боевой офицер и...

— Надеюсь, в вашем полку, князь, подпоручик — не единственный боевой офицер. А мне позарез нужен переводчик, и Андрей Тимофеевич единственный в своем роде.

— Да, но...

— В батальях вы говорите языком пуль да штыками. На поле сечи его языки без надобности.

— Неужто, акромья него, в вашей канцелярии никто не владеет языками?

— Владеют... немцы. Да не могу же я, батюшка, доверить им секретнейшие переводы для императрицы и союзников. К тому же я привык к Андрею Тимофеевичу, яко к сыну.

— Ваше сиятельство, удерживая при себе офицера, вы тем самым задержите его производство в следующий чин и приостановите его карьеру. И уже если вы так по-отечески к нему относитесь, то...

— То я и обеспокоюсь его будущим.

Корф позвонил в колокольчик.

— Позвать ко мне Болотова! — приказал он дежурному офицеру.

Как преступник, ждущий приговора, подпоручик пошел к генералу.

— Нет, мой друг, мне тебя никак отпустить нельзя, — словно во сне услышал голос Корфа. — Однако не тужи: Государю служить ты здесь будешь, потому ничего не потеряешь. В этом положишься на меня.

Болотов низко поклонился генералу и обратился к своему командиру:

— Что вы прикажете, господин полковник?

Выглядел он настолько удрученно, что у Долгорукова от жалости к нему сжалось сердце. Князь подошел к Болотову и виновато произнес:

— Что делать, братец! Я все сделал, что мог, но видишь, не моя воля.

Пока Андрей ликовал, что избавился от похода, и усердно переводил, его полковник казнил себя, что "погубил" славного малого. Болотов закончил перевод и спешил домой выспаться, а князя в это время осенило, как спасти его честь, и он послал своего адъютанта к подпоручику.

— Господин офицер, меня прислал за вами полковник.

— Зачем, батюшка? — Андрей похолодел от плохого предчувствия.

— Его сиятельство приказал сказать, что если вы хотите вместе с нами идти в поход, то можете завтра поутру тайком отсюда уехать, а он берет на себя защитить вас от всех посягательств генерала Корфа.

От сильного смущения Болотов зашагал по горнице. "Я покорно, право, благодарствую! — мысленно возмущался он. — Человек рад, что нечаянным обра-

зом так удачно избавился от похода, а его сиятельство хочет, чтоб я сам еще к тому набивался, да еще подвергая себя и опасности немалой. Что я за дурак буду, если сему последую”.

— Слушай, братец, — сказал он вслух. — Я не хочу отстать от полка, но генерал наш не любит позволять играть с собой. Его сиятельству, видно, не известно, сколь он силен при дворе. Доложите его сиятельству о сем, и скажите от меня, что я, несмотря на все мое желание быть при полку, сего, однако, сделать никак не отважусь.

— Хорошо, я ему все это перескажу. — Адъютант пошел к двери, но вернулся. — Ну, а ежели он непременно сего захочет? Или, скажем, велит тебя неволью взять? Что тогда изволишь?

— В этом его воля, но тогда уже не я, а он будет в ответе. Самовольно и тайком уехать мне никак не можно. Дойдет до двора, так куда я гожусь?

— И чего сей врал? — ворчал Яков. — Ишь придумал: силой взять в полк?!

— Полковник в полку, как черт в болоте, власть его велика, — нервничал Болотов. — Как пришлет команду и велит насильно взять и увести, так что ты с ним изволишь делать? Не “караул” станешь кричать, хочешь не хочешь, а пойдешь. Не узнает о том и генерал наш.

— Да коли, барин, полковник надумает вас тайком вывести из города, — задумчиво произнес Петр, — то непременно сделает в сию самую ночь.

— Да, чего доброго... Однако не думаю я, чтоб из-за меня он захотел поссориться с генералом, — пытался утешить себя “смельчак”.

— То так, — ответил Яков, — но поручиться за него никому нельзя. Говорят, сударь, что человек он весьма отважной, и нам не худо бы на ночь хорошенько запереться, и ежели придут, дверей не отворять. Пускай же делают гвалт и выламывают силою.

— Врешь, дурак! Запереться, пожалуй, можно, но не пустить никак нельзя. Лучше каким-нибудь образом дать знать секретарю нашему.

— И быть так, — согласился Яков. — Молчите ж, барин, ежели что будет, то я тотчас к нему, а где он стоит, я знаю.

Сказано — сделано. Заперли все, что только можно, да за всю ночь никто глаза не сомкнул — прислушивались к каждому шороху. Как только рассвело, Андрей — в канцелярию, где чувствовал себя в безопасности. Но нервничал подпоручик, пока полк не покинул город. Лишь стихли вдали звуки полкового оркестра, он возликовал, точно ребенок, но в то же время сожалел, что не простился с друзьями. Виноват в этом оказался полковник. “И что за манера такая? Сам, очертя голову, суется в пекло — так и других туда же. А ежели я не чувствую расположение к смерти? Не приди ему на ум “спасать” мою офицерскую честь и не предложи он мне бежать тайком, то я смог бы проститься с друзьями, кои идут драться с врагами. А ведь многие из них, вероятно, будут убиты. Да еще придурочный адъютант напугал до смерти — силком они меня увезут! Ишь, чего придумал!”

Покинул Болотов канцелярию поздно, но не работа его задержала, а страх, что князь не оставил мысли выкрасть его и кого-то пришлет за ним. Парализующий ужас каждый раз охватывал Андрея, когда армия возвращалась на зимние квартиры после походов и собиралась в новый, поскольку полковник никак не мог успокоиться, что генерал ни за что ни про что “губит” его храброго офицера. Тот же сам не свой ходил от страха, “чтоб не переменялись каким-нибудь случаем обстоятельства и чтоб в армию не турнули; и не прежде успокоился, как по выступлении армии в поход и по удалении за границы прусские в Польшу”.

Не знаю, что бы сказал отец Болотова — Тимофей Петрович, будь он жив, но мы должны благодарить Андрея Тимофеевича за его малодушие. Уцелел бы он на полях сражения — неизвестно, но российские поля узнали картофель и помидоры. Именно Болотов первый стал выращивать эти культуры и распространял их в нашем Отечестве. Его статья "О разведении картофеля" — первая научная публикация по картофелеводству.

Знакомство русских с картофелем при Лезенимкене оказалось трагическим. "Во всех ближних к нашему лагерю деревнях насажены и посажены были его превеликие огороды, — писал Болотов, — и как он около сего времени начал поспевать и годился уже к употреблению в пищу, то солдаты наши скоро о нем пронюхали, и в один миг очутился он во всех котлах варимый. Со всем тем, по необыкновенности сей пищи, не прошло без того, чтоб не сделаться от ней в армии болезней и наиболее жестоких поносов, и армия наша за узвание сего плода принуждена была заплатить несколькими стами человек, умерших от сих болезней".

По этой его стороне жизни остается добавить, что не любивший и боявшийся баталий семидесятичетырехлетний отставной капитан в Отечественную войну 1812 года организовал партизанский отряд.

Самый разносторонний просветитель

Андрей Тимофеевич не мог забыть Кёнигсберг и потому, что здесь пробудился его интерес ко всему — и обычному, и необычному, к тому, что он впервые увидел, или раньше видел, но не замечал. В доме старого прусского полковника Болотов открыл для себя новый мир. "Не могу изобразить, с каким ненасытно любопытным оком перебегал я с одного предмета на другой, с какой жадностью пожирал все своими глазами. Превеликое множество находилось тут таких вещей, каких я еще от роду не видывал и о которых не имел еще никакого понятия. Были тут токарные разных манеров станки... полировальные машины... множество разных физических, оптических, математических и механических инструментов и орудий. Была огромная библиотека, множество всякого рода зрительных труб, зажигательных зеркалов, микроскопов, глобусов, карт, эстампов... железных пил, долот, резцов..." Но если у старичка все это было запылено и лежало в беспорядке, то Болотов у себя не только с пользой их будет применять, но и прославится как конструктор новых сельскохозяйственных орудий труда, инструментария и станков.

Здесь же, в Кёнигсберге, молодой офицер неожиданно узнает, что некоторые его соотечественники тратят деньги на приобретения диковинных машин: у поручика Пассека он впервые увидит электрическую. "Машина сия была у него хотя староманерная, с малым пузырем и большим колесом для вращения, и пред нынешними весьма еще несовершенная и занимавшая собою почти целую комнату, однако... производившая очень сильное и хорошее действие". Демонстрировал Пассек любопытному Болотову и опыты с воздушным насосом.

Впоследствии в своей врачебной практике Андрей Тимофеевич не только будет широко использовать целебные свойства трав и применять лечение минералами, но впервые в мире использует "электрическую машину", при помощи которой успешно будет лечить некоторые болезни. "Краткие и на опытности основанные замечания о электризме и о способности электрических машин к помоганию от разных болезней" нашего первого физиотерапевта получат широкое распространение.

Здесь, в столице Пруссии, где в местном университете доцентом был великий Кант, мелкопоместного дворянина, не получившего серьезного образования, обуяла страсть к наукам. Болотов впоследствии напишет: "С науками не расстанусь я ни для кого и ни для чего на свете!" Все свободное время он проводит в библиотеке, в научных беседах с профессорами-немцами и русскими студентами. Он тратит деньги на книги и в Россию привезет богатую библиотеку.

Многие его научные открытия значительно опередают время. Теория минерального питания растений на много лет предвосхитит достижение европейской науки, а открытый им один из законов генетики и вовсе пропал втуне и будет обнаружен в наше время при разборе его архивов. К открытиям мирового значения относятся и обоснование выгонной системы земледелия, и разработка теории севооборота, а также использование удобрений и борьбы с сорными растениями. Андрей Тимофеевич первым создал руководство по агротехнике в зависимости от зональных почвенно-климатических условий, его научные принципы лесопользования и лесоразведения не устарели до сих пор.

Болотов составил первое русское ботаническое руководство по морфологии и систематике растений, он обнаружил явление диогогамии у яблони и отметил преимущества перекрестного опыления, создал целую науку "помологию" и дал описание более 600 сортов яблонь и груш. Значение его большой рукописи (в семи томах) "Изображения и описания разных пород яблочек и груш, родящихся в Дворенинских, а отчасти и в других садах; рисованы Андреем Болотовым 1797 — 1800" было настолько велико, что этот труд напечатан в 1861 году в "Журнале садоводства".

Основоположник отечественной ботаники вывел много ценных сортов плодовых культур. Занимаясь их селекцией, Болотов за сто с лишним лет до Мичурина пытался использовать гибридизацию. Ему же принадлежит идея преобразования российского Нечерноземья.

Андрей Тимофеевич оставил глубокий след и в отечественной экономической мысли. В основе всех его предприятий по преобразованию сельскохозяйственного производства была экономичность и рациональность, основанные на точном научном расчете. Книга Болотова "Деревенское зеркало, или Общепонятная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтобы по ней и исполнять" стала первым русским пособием по организации труда в сельском хозяйстве.

Однако, несмотря на то, что основоположник сельскохозяйственной науки распространил в России картофель и помидоры, выписывал многие семена и саженцы из-за границы, он выступал против некритического переноса на русскую почву иностранных видов и сортов растений, чужеземной практики возделывания полевых культур без учета местных условий.

К садоводству Андрей Тимофеевич также пристрастился в столице Пруссии. "По счастью, находилось тогда в Кёнигсберге множество таких садов, в которые ходить и там с удовольствием время свое препровождать было нам невозбранно. Они разбросаны были по всему городу, принадлежали частным людям; были хотя не слишком велики и не пышные, однако иные из них довольно изрядные, и содержимые в порядке". В своем имении Дворяниново Болотов развел прекрасный ботанический сад, в котором будет проводить различные эксперименты.

Он был теоретиком и практиком русского пейзажного парка. "Не было бы ни мало постыдно для нас то, когда б были у нас сады ни английские, ни фран-

цузские, а наши собственные и изобретенные самими нами, и когда бы мы называть их стали Российскими”, — писал Болотов. И он создал настоящий шедевр этого искусства. Остатки его до сих пор существуют в Богородицке (рядом с Тулой). Украшали этот пейзажный парк пруды, каналы, искусственные каскады-водопады, прекрасные беседки, гроты и другие “затеи”. Каким он был тогда, можно предоставить по акварельным зарисовкам Болотова “Виды имения Бобринских, Богородицк 1786 г.”

Екатерина Великая высоко ценила русского энциклопедиста и в 1774 году поручила ему управление своими имениями в Киясовской волости, а спустя два года назначила управителем Богородицка. Именно в Богородицке проявился во всем блеске многогранный талант Болотова как писателя, ученого, художника и архитектора. Андрей Тимофеевич разработал проект будущего расположения города, сочетая новые правила градостроения с местным ландшафтом. Он включился в работы по строительству дворца и соборной церкви, и самое главное — создал знаменитый парк.

Как истинный просветитель Болотов не только пишет научные труды и литературные произведения (написал свыше 350 томов), но и стремится распространять знания. Его статьи печатаются в трудах Вольного Экономического общества, членом которого он был избран. За “Наказ для деревенского управления” общество удостоило ученого золотой медали.

В Кёнигсберге Андрей Тимофеевич пристрастился не только к науке, но и к искусству. Там он впервые увидел эквилибристов, ярмарочные балаганы, и там же был вовлечен к организации российского благородного театра. Побудило к этому молодых офицеров то, что “бывшая у нас зимой банда комедиантов уехала в иные города”. Инициатором постановки русской трагедии стали Григорий Орлов и его кузен Зиновьев. Болотову досталась большая роль. Он согласился ее принять, поскольку, хоть никогда и не видел представлений на театре, зато читал когда-то “Хорева” и даже декламировал его.

О серьезном своем отношении к предстоящему спектаклю Андрей Тимофеевич вспоминал с юмором: “Не могу я и поныне еще без смеха вспомнить, как много занимала меня сия роля и с каким рвением и тщанием я ей учился. Не однажды бывало, что я, запершись один в своей квартире, прокрикивал по несколько часов сряду, ходючи взад и вперед по своей комнате; не однажды случалось, что и в самую ночь, вместо спанья, протверживал я выученное и старался тверже и тверже впечатлеть все в память...”

Но по не известной для Болотова причине его дебют не состоялся. В одно не совсем прекрасное утро к нему на службу заявился Орлов.

— Знаешь ли, Болотенько, мой друг, какое горе! Ведь делу-то нашему не бывать, оно разрушилось.

— И! Что ты говоришь? Возможно ли?! — поразился Болотов.

— Точно так, и ты, мой друг, уже более не трудись и роли своей не тверди.

— Вот хорошо! — завопил несостоявшийся “бенефициант”. — Роли своей не учи! Да она у меня уже давно выучена, и поэтому все труды и старания мои были напрасны. Спасибо!

— Ну что делать, голубчик? Я сам о том горюю, у меня и у самого было много выучено, но что делать, произошли обстоятельства, и обстоятельства такие, что нам теперь и помышлять о том более не можно.

Болотову не суждено было тогда потрясти публику своим актерским талантом, но у себя на родине позже он станет основателем первого в России детского театра. Многие любят в свой день рождения делать себе какие-то подар-

ки. Андрей Тимофеевич не исключение — он решил создать театр. Это произошло 7 октября 1779 года. “Вступление в сей Новый год моей жизни ознаменовалось особенным мероприятием и таким делом, которого у меня до того никогда на уме не было, а именно нечаянным восхотением смастерить у себя небольшой домашний театр, на котором бы все наши дети могли представлять кой-какие театральные пьесы”. Для первого детского театра его создатель не только сам писал пьесы, ставил их с детьми, но сам рисовал декорации и исполнял некоторые роли.

Где бы ни жил Андрей Тимофеевич, дома его становились культурными центрами местного населения. Следуя традициям того времени, он устраивал музыкальные и литературные вечера, и, конечно же, театральные представления.

Вообще для детей Болотов сделал многое. Он написал первую в России научно-популярную книгу “Детская философия”, а также детскую энциклопедию “Кунсткамера душевная”. В 1784 году просветитель открыл первое в Тульской губернии волостное училище для крестьянских детей. Андрей Тимофеевич был выдающимся педагогом, основываясь на собственном опыте, он обучал и воспитывал в созданной им школе не только своих детей, но и детей своих приятелей-соседей, и крепостных крестьян.

К философии сам Бог велел пристраститься Болотову на родине великого Канта. Андрей Тимофеевич стал последователем Крузиуса и стремился объяснить природу из самой “натуры”, состоящей из “первоначальных стихий”. Невысказанным источником человеческого счастья он считал общение с природой. По его мнению, с раннего детства нужно раскрывать перед детьми красоту окружающего мира, прививать умение понимать ее и наслаждаться ею, тем более, что это так доступно.

Его трактат “Утренники семидесятилетнего старца” посвящен вопросам человеческой личности и ее совершенствования. Андрей Тимофеевич считал, что не может быть человек по-настоящему счастливым, если его не любят и не уважают другие, а отношение к тебе людей в первую очередь зависит от того, как ты сам к ним относишься.

Поселившись после Богородицка в своем Дворянинове, Болотов продолжал занятия наукой, литературой и сельским хозяйством. Он пишет статьи по агрономии, прудному хозяйству, ботанике, животноводству, минералогии, микробиологии, физике, антропологии и многие другие. Более полувка Андрей Тимофеевич вел регулярные метеорологические наблюдения, которые ежедневно записывал. Эти записи после его смерти сын Болотова передал в Академию наук.

Фармацевт и врач, философ и педагог, художник и писатель до последнего дня своей жизни не прекращал работать, хотя в старости потерял зрение и почти лишился слуха. Болотов не дожил трех дней до своего 95-летия. Он скончался там, где и родился — в своем Дворянинове, и похоронен в двух километрах от него, на кладбище села Русятино.

Как истинный христианин Андрей Тимофеевич верил в то, что никогда и ни в чем Всевышний его не оставит. “Я и прежде говорил и теперь говорю, что ни кто, как Бог! Ежели Ему угодно будет восхотеть что сделать, то все будет итти своим чередом и все лучше клеиться, нежели думаешь и ожидаешь, а Его ничем к вспоможению себе толь убедить не можно, как твердым и несумненным упованием на Его вспоможение”. Он любил повторять: “Все творится к нашему добру” и шёл по жизни с убеждением, которое зиждется на апостольской заповеди: “Если Бог за нас, кто против нас?”

МОНА

36

Лоренс БЛОК

83

Глава 1

В холле работал кондиционер, ворсинки толстого ковра расправлялись мгновенно, едва лишь нога отрывалась от них, коридорные прекрасно знали свое дело, как и миловидные регистраторши, жевавшие резинку только в нерабочее время. С высоких потолков свешивались хрустальные люстры.

И в голосе менеджера слышались просительные, извиняющиеся нотки. Впрочем, тональность голоса не меняла смысла его слов, и высказанное им пожелание не отличалось оригинальностью. Того же хотели в любом клоповнике, от Хакерска до Гонконга. То есть, денег.

— Извините, что беспокою вас, мистер Гэвилэн, но, по принятым в этом отеле правилам, счета должны оплачиваться каждые две недели. А поскольку вы проживаете у нас чуть больше трех... — Он не закончил фразу, улыбнулся и развел руки, показывая, что он не хочет говорить о деньгах.

На его улыбку я ответил своей.

— Что же вы не сказали мне об этом раньше? Время летит так быстро, что его не замечаешь. Послушайте, я хотел подняться наверх и переодеться. Почему бы вам не подготовить мне счет к тому моменту, когда я спущусь? Мне все равно надо в банк. Так что, как говорится, убью одним выстрелом двух зайцев. Возьму деньги и оплачу счет.

— Мистер Гэвилэн, мы готовы взять и ваш чек. Тогда...

— Нет смысла, — я покачал головой. — Счет у меня в дэнверском банке. Пройдет неделя, а то и больше, пока придет подтверждение. Но у меня есть депозит и в здешнем банке. Поэтому подготовьте счет, и я заплачу вам наличными. Вас это устроит?

Естественно, возражений у него не нашлось. Я вошел в лифт. Называть этаж не пришлось: достаточно пожить в "Бенджамине ФранкLINE" пару дней, чтобы лифтер запомнил, где ты живешь.

Я вышел из кабины на седьмом этаже и зашагал к своему номеру. Горничная еще не прибралась, поэтому я нашел тот же беспорядок, что и оставил, уходя на завтрак. Посидел минуту-другую на смятых простынях, гадая, какой счет выставит мне лучший отель Филадельфии. Как ни крути, цифра получилась внушительная. Как минимум, пять сотен долларов. А скорее всего, и того больше.

Я сунул руку в карман, достал бумажник и пересчитал все мои деньги. Чуть больше ста баксов. И нет нужды упоминать о том, что не было у меня ни счета в дэнверском банке, ни депозита в филадельфийском банке, ни акций, ни ценных государственных бумаг. Ничего не было. Если не считать сотни с небольшим долларом.

Из другого кармана я выудил сигарету, думая о том, какой я счастливчик: почти месяц администрация отеля не заикалась о деньгах. Разумеется, я и не давал повода. Знал, как себя вести. Ничем не показывал, что с деньгами у меня напряженка.

Я разделся, прошел в ванную и встал под душ. Сначала пустил горячую воду, потом холодную. Душ — моя слабость. Под ним сразу чувствуешь себя человеком.

Вытираясь, я посмотрел на свое отражение в зеркале. Внешне все, как надо. Рельефная мускулатура, загар, широкие плечи, узкая талия. Крепкий, здоровый, процветающий мужчина. Чемоданы из телячьей кожи, дорогие ботинки. Разумеется, и костюмы.

Я торопливо натянул на себя все, что только мог. Плавки — под трусы, трикотажную рубашку — под шелковую, две пары носков. Завязал на шее лучший галстук, второй сунул в карман. Взял все четыре заколки для галстука. На том и остановился. А уходя, оставил номер в еще большем беспорядке.

Менеджер уже подготовил счет. Как выяснилось, я недооценил свои расходы. В графе "Итого" значилось шестьсот семнадцать долларов и семнадцать центов. Я улыбнулся менеджеру, поблагодарил и направился к выходу, вроде бы внимательно изучая графы.

Счет выписали Дэвиду Гэвилэну.

А меня, естественно, звали иначе.

Передо мной стояли две задачи: найти деньги, чтобы тратить, и новый город, где я бы мог их потратить. У Филадельфии было немало достоинств, но у меня здесь как-то не сложилось. Я провел неделю, выискивая потенциальную жертву, вторую неделю подбивал к ней клинья, а на третью выяснил, что все мои усилия напрасны.

Речь я веду о женщине. Куда же без них?

И тут меня осенило. Атлантик-Сити! Три года тому назад некая миссис Ида Листер, лет сорока, но все еще фигуристая, все еще тигрица в постели, две недели щедро оплачивала мои услуги. Платила в барах и ресторанах, полностью обновила мой гардероб, дала пятьсот баксов на карманные расходы. А украшения, которые я у нее украл, потянули еще на три тысячи.

Атлантик-Сити.

Я остановил такси, попросил отвезти меня на железнодорожный вокзал. Ехал по Рыночной улице и гадал, когда же эти идиоты из "Франклина" сообразят, что я дал деру.

Поезд, наконец, въехал в Атлантик-Сити, и пассажиры начали подниматься с мест, готовясь к выходу.

Чтобы устроиться в отель, мне нужен был чемодан. В секцию получения багажа стояла небольшая очередь. Я встал последним. Оглядел выложенный товар, постарался выбрать самое лучшее. Особых усилий от меня не потребовалось. Мое внимание сразу привлекли два чемодана, побольше и поменьше, с монограммой "ЛКБ" каждый. Практически новые, из добротной кожи.

Я огляделся. Мистер Л.К.Б., видимо, занимался какими-то делами. Его чемоданы никого не интересовали, в том числе и служителя.

Я взял оба чемодана.

Проблем не возникло. Квитанции никто не проверял. Я взял чемоданы, дал служителю доллар и отбыл.

Такси отвезло меня в "Шелбурн". Швейцар распахнул дверь и взял мои чемоданы. Коридорный провел меня к регистрационной стойке. Я улыбнулся мужчине за стойкой и попросил поселить меня в лучшем из свободных номеров на одного. К моей просьбе отнеслись с пониманием. Портье лишь любопытствовал, надолго ли я останусь, и я ответил, что еще не решил: может, на неделю, может, и на две.

Ему мой ответ понравился.

Номер я получил на верхнем этаже, громадную комнату, в которой без труда разместились бы шестеро. С современной мебелью и толстым ковром на полу. Что еще нужно для счастья?

Я разделся и принял душ, чтобы избавиться от запаха поезда, потом подошел к окну. Вдоль берега — широкая набережная, за ней — частный пляж, исключи-

тельно для постояльцев "Шелбурна". Я решил, что мое место именно там. Мне хотелось поплавать и погреться на солнышке.

Я натянул плавки, повесил костюм в стеной шкаф, положил остальные вещи, в которых приехал, в комод. Чемоданы тоже отправились в шкаф. Распаковать их и посмотреть, какое мне досталось наследство, я мог и позже. Судя по качеству чемоданов, прежний хозяин отдавал предпочтение дорогой одежде. Оставалось надеяться, что размеры у нас с ним одинаковые.

На лифте для купальщиков я спустился на пляжный уровень, выбрал себе удобное местечко, расстелил полотенце и бросился в воду, предоставив волнам возможность покачать меня на своих "горбах". Потом выбрался на берег, улегся на полотенце и тут же заснул.

Разбудило меня ее прикосновение. Нежные руки, коснувшиеся шеи. Пальцы, выстукивавшие незамысловатый ритм.

Я перевернулся на спину и открыл глаза.

— Нельзя спать на таком солнце, — назидательно заявила она. — Вы можете сжечь спину.

Я улыбнулся.

— Благодарю за заботу.

— Не надо меня благодарить. Я хотела вас разбудить. Мне очень одиноко.

Я присмотрелся к ней. Прекрасная фигура в цельном красном купальнике. Она только что вышла из воды, так что купальник облегал ее, как вторая кожа. Светлые волосы, светлые до самых корней. Алые влажные губы. По привычке я взглянул на четвертый палец левой руки. Увидел полоску от кольца, но не само кольцо. Задался вопросом, сняла она кольцо перед выходом на пляж или когда я привлек ее внимание?

— А где муж?

— Далеко, — ее глаза смеялись. — Далеко от меня. Здесь его нет. Мне одиноко.

— Его нет в Атлантик-Сити?

Она протянула руку и пощекотала меня под подбородком.

— Он в Атлантик-Сити, но не здесь.

— Хотите поплавать?

Она скорчила гримаску.

— Уже поплавала. Вода холодная. И резиновая шапочка очень тугая. У меня даже заболела голова.

— Так искупайтесь без шапочки.

— Не хочу. Не люблю мочить волосы, особенно в соленой воде. Потом придется до ночи отмывать их. У меня очень хорошие волосы. Тонкие, шелковистые. Не думайте, что я хвалюсь.

— В этом нет нужды. Любой ваш собеседник первым делом должен похвалить ваши волосы. Они действительно прекрасные.

Она улыбнулась.

— Вы милы. Очень милы.

— А разве ваш муж не такой милый?

— Забудьте о нем.

— Как можно? Он женат на самой красивой женщине этой планеты.

— Но мне он совсем не мил. Старый, толстый урод. Еще и глупый. И мерзкий.

— Так чего вы вышли за него?

— Он богат, — без запинки ответила она, — очень, очень богат.

Мы забыли про ее мужа и с визгом бросились в воду. Кувыркались мы довольно долго. Она сказала, что ее зовут Мона, я представился Ленни. С ней было очень весело, и иногда я даже забывал, что она — чья-то жена. Мне казалось, что мы — двое милых людей, случайно встретившихся на пляже.

Потом я вспоминал, кто — она, а кто — я, и мои фантазии таяли, как дым.

— Ленни... — Мы уже стояли на песке, и я вытирал ей спину большим полотенцем. — ...Мне пора возвращаться в номер. Думаю, он уже ждет меня. Я провела на пляже слишком много времени.

— Когда я снова увижу тебя, Мона?

— Этим вечером.

— Ты сможешь вырваться?

— Естественно.

— Где и когда?

Задумалась она максимум на три секунды.

— Здесь. В полночь.

— Разве пляж не закрывают на ночь?

Она улыбнулась.

— Ты же у нас умница. Я уверена, что найдешь возможность пробраться сюда. Или думаешь, что у тебя не получится?

Я знал, что получится.

— В полночь, — повторила она. — Надеюсь, сегодня выйдет луна. Обожаю лунные ночи.

Подошло время обеда. Надевать костюм, в котором я приехал, не хотелось, поэтому я решил посмотреть, что скинул мне со своего плеча Л.К.Б.

Л.К.Б. запер чемоданы на замок, но замки-то на всех чемоданах одинаковые. И на связке своих ключей я без особого труда нашел тот, что открыл маленький чемодан.

Сразу выяснилось, что одежду мы с ним носили разных размеров. Брюки не доставали мне до лодыжек, талия и задница у Л.К.Б. были в два раза больше моих, так что трусы просто падали на пол. А вот нога, слава тебе, Господи, оказалась одного размера. В чемодане лежали две пары дорогих туфель, и обе мне подошли. Носки, десять пар, я примерять не стал. Если подходят туфли, с носками проблем возникнуть не могло.

Разложив вещи по полкам, я закрыл маленький чемодан и убрал его в стеновой шкаф. Положил на кровать большой, открыл его тем же ключом.

Развесил пиджаки, даже не взглянув на них. Во-первых, знал, что они мне не подойдут. Во-вторых, не хотел, чтобы Л.К.Б. случайно увидел меня в своем пиджаке. На обувь обычно внимания не обращают, а пиджак узнают с первого взгляда.

Повезло мне и с рубашками. Фигуры, как я уже отмечал, у нас были разные, а вот длина рук и округлость шеи совпадали. Рубашки мне подошли, а их он привез с собой много. Вслед за бельем и носками они перекочевали на полки. За рубашками последовали запонки и заколки для галстуков. Одежду Л.К.Б. покупал в Нью-Йорке — то ли жил там, то ли предпочитал тамошние магазины.

И, наконец, я обнаружил ящичек.

Первым делом подумал о деньгах. Ящичек-то из дорогого дерева, прямоугольный, в размер долларовой купюры, скорее, чуть больше. Я глубоко вздохнул, молясь, чтобы в нем лежала стопка сотенных. Может, Л.К.Б. был врачом и

показывал не весь свой заработок, уходя от налогов. Да и не одни врачи брали черным налом.

С ящичком мне пришлось повозиться. Ни один ключ к нему не подходил. Вскоре я сдался и поставил ящичек на комод. Повернул к себе задним торцом. Внимательно осмотрел петли. У меня была маленькая пила, которой я мог их подцепить.

Я уже достал ее, потом отложил в сторону, вытащил из пачки сигарету, закурил. Решил немного помечтать. Этот ящичек — подарок. Так чем же меня порадовала судьба? Деньгами? Трубочным табаком? Цветочными удобрениями?

В ящичке могло храниться все, что угодно.

Я разобрался с петлями и снял крышку. Увидел лист папиросной бумаги. Убрал и ее.

А под бумагой обнаружил белый порошок.

Находка повергла меня в уныние. Стоило потеть ради такой ерунды. Я-то рассчитывал, что Л.К.Б. хранит в ящичке целое состояние, а нашел какую-то белую пыль.

Может, что-то ценное лежит на дне, сокрытое порошком? И я уже хотел высыпать порошок на газету, когда у меня в голове звякнул колокольчик.

Я смотрел на порошок.

Порошок — на меня.

Тем временем от сигареты остался маленький окурочек. Я затушил его в пепельнице, что стояла на столе, и вернулся к комоду. Поднес правую руку ко рту, облизал указательный палец, коснулся им мельчайшего порошка. Вновь облизал палец.

Фантастика!

Вкус я узнал, хотя прошло много лет с тех пор, как я имел дело с этой субстанцией. По молодости каких только глупостей не наделаешь. Так что теперь я понимал, что стоит на моем комоду.

А стоял там деревянный ящичек, в который насыпали шестьдесят кубических дюймов чистого героина.

Глава 2

Несколько минут я таращился на ящичек, словно никак не мог поверить своим глазам. На железнодорожном вокзале я добыл себе не только новую одежду. Я обеспечил себя на долгие, долгие годы. Сколько мог стоить этот героин? Точной цифры я и представить себе не мог. Может, сто тысяч, может, четверть миллиона, может, больше, может, меньше. Я не имел об этом ни малейшего представления, да и не хотелось мне пока об этом думать.

Я не мог хранить героин у себя, не мог продать его, не мог вернуть владельцу. Если Л.К.Б. узнает, что героин у меня, он меня просто убьет. Тут сомнений быть не могло. Если федеральные службы найдут героин, то упекут меня в тюремную камеру, а ключ забросят в Китайское море.

Я мог спустить героин в канализацию. Но кто спускает в канализацию сто тысяч баксов, а то и четверть миллиона?

Я вернул крышку на место и задумался, что же мне делать с этим ящичком? Срочно требовался тайник. Но не в номере. Я сунул ящичек под комод и постарался забыть о нем. Оделся и торопливо покинул отель. Нужный мне магазин я, отшагав от Набережной два длинных квартала, нашел на углу Атлантик- и Теннес-

си-авеню. Зашел в него и за двадцать с небольшим долларов купил отличный "дипломат".

С "дипломатом" в руке вернулся в отель, в холле купил пару филаделфийских газет и поднялся в свой номер. Деревянный ящичек лежал там, где я его и оставил: под комодом. Я вытащил его, плотно завернул в газеты, чтобы снятая с петель крышка случайно не соскочила, положил в "дипломат". Оставшиеся газеты смял и заполнил ими свободное пространство. Опустил крышку "дипломата", щелкнул замочком, закрыл его на ключ. Отметил для себя, что ключ надо выбросить. При необходимости я мог вскрыть "дипломат" и без него. А носить ключ с собой мне ну никак не хотелось.

Я поднял "дипломат". Не легкий, но и не тяжелый. В нем могло лежать все, что угодно.

Я спустился в холл и напрямик направился к регистрационной стойке. Портю почтительно ждал, пока я не подошел вплотную и не сунул "дипломат" ему под нос.

— Не смогли бы вы оказать мне небольшую услугу? У меня намечена коммерческая презентация. Образцы в чемодане. Ничего ценного они из себя не представляют, но всегда есть шанс, что кто-то позарится на "дипломат", не зная, что в нем лежит. И тогда компания учинит мне разнос. Вы не могли бы положить "дипломат" в сейф? А я заберу перед отъездом.

Я дал портю доллар и ушел. Теперь героин хранился в его сейфе.

Я лежал на пляже, смотрел на волны и прислушивался к ровному дыханию Моны.

Странные я испытывал ощущения. Казался себе одновременно и очень сильным, и очень слабым. Я помнил, по какой причине приехал в Атлантик-Сити, помнил, чем занимался последние годы, и теперь понимал, на какие глупости растратил столько времени. А теперь все изменилось. Мир предстал передо мной в ином свете.

— Ленни...

— Я знаю.

— Такого у меня...

— Я знаю, Мона. У меня тоже.

— Мне пора идти.

— Почему?

— Кейт. Он будет гадать, где я. На меня ему наплевать, но он хочет, чтобы я была при нем. — В ее голосе звучала горечь.

— Это его имя? Кейт?

Она кивнула.

— Давно вы женаты?

— Почти два года. Мне двадцать пять. В этом сентябре исполнится два года со дня нашей свадьбы. Тогда мне было двадцать три.

— Почему ты вышла за него?

— Деньги. И скука. Двадцать три уже не восемнадцать. Были и другие причины. Почему молоденькие девушки выходят замуж за старых богатых мужчин? Ответ ты и так знаешь.

— И теперь хочешь вернуться к нему?

— Я должна.

— А потом?

— Не знаю.

— Мы можем встречаться каждую полночь неделю или две. И каждую ночь ты будешь проводить с ним. А потом вы уедете, и ты забудешь про меня.

Мона молчала.

— Такая у нас перспектива?

— Не знаю. Такого раньше не было, Ленни.

— И мы поставим на этом крест?

— Не знаю. Больше я ничего не знаю. Я привыкла к тому, что на все вопросы у меня есть ответ. Теперь изменились вопросы.

Я понимал, о чем она толкует. А Мона продолжала:

— У нас дом в Чешир-Пойнт. Участок земли в два акра со старыми деревьями, дорогая мебель. И мой гардероб стоит немало. Соболиная шуба, горностаевая, палантин из шиншиллы. На норку мы даже и не смотрели. Такие вот у Кейта деньги.

— Как он их зарабатывает?

Она пожала плечами.

— Он — бизнесмен. Контора у него в центре, на Чамберс-стрит. Я понятия не имею, чем он занимается. На работу он ходит несколько раз в неделю. О бизнесе не говорит, деловых бумаг домой не приносит. По его словам, он что-то продает и что-то покупает. Это все, что мне известно.

— А как вы развлекаетесь?

— Даже не знаю, что тебе и сказать.

— У вас много друзей? Ты знакома с его коллегами? Вы играете в бридж по воскресеньям и жарите мясо во дворе?

— Перестань, Ленни.

— Так ты собираешься вернуться с ним в Чешир-Пойнт? Делить его постель, рожать ему детей и тратить его деньги? Ты...

— Замолчи!

Я замолчал. Мне хотелось потянуться к ней, обнять, сказать, что все у нас будет хорошо. Но я и сам в это не верил.

— Возможно, все это ничего не значит, — говорила она сама с собой. — Первый раз — не показатель. Нам этого хотелось, мы к этому готовились. Вот все и получилось, как надо. Но это еще ничего не значит. Я могу забыть тебя, а ты — меня. Через неделю мы можем забыть друг друга.

— Ты в это веришь?

— Нет, разумеется, нет. Я в это не верю.

— Ты уйдешь от него?

— Я бы ушла сию минуту. Но ты спрашиваешь не об этом. Тебя интересует, готова ли я уйти от его денег?

Я промолчал.

— У тебя есть деньги, Ленни?

— Пятьдесят долларов. Может, сто.

Она рассмеялась, потом вздохнула.

— Я не могу уйти от него, Ленни. Он дает мне деньги, сколько ни попроси, и я без них не проживу. Из этого ничего не выйдет. Почему я не встретила тебя два года тому назад? Почему?

— А что бы это изменило?

— Многое. К деньгам привыкаешь. Я же не родилась такой, Ленни. Я могла обходиться без денег. Другие же обходятся. Если бы я встретила тебя до того, как познакомилась с Кейтом...

— Если б у этого одеяла были крылья, мы могли бы улететь.

— Или оно называлось бы ковер-самолет, — улыбнулась Мона. — Но ты понимаешь меня, не так ли? Я привыкла к тому, что у меня много денег. Я знаю, как здорово, когда ты можешь делать все, что тебе вздумается, покупать, что душе угодно. И прежняя жизнь меня уже не устроит.

— А как ты жила раньше?

— Не так, чтобы плохо. Я не ходила в обносках. Не голодала. У нас был дом, мы ели утром, днем и вечером. Но на большее денег не хватало. Ты знаешь, о чем я.

Я знал. И удивлялся себе. Зачем я убеждал ее уйти от богатого мужа и стать моей женой? Чтобы мы могли голодать на пару? Воспитывать детей и жить в картонном домике в Яховилле? Чтобы я ходил на работу с сэндвичами, которые съел бы на ленче, а банк, финансовая компания и прочие живоглоты опутали бы нас долгами? И ради чего ей идти на такое, если она даже не знала моего настоящего имени?

Но я произнес совсем другие слова.

— У нас все может получиться, Мона. Если мы постараемся.

Она посмотрела на меня, ее глаза блеснули. Хотела что-то сказать, но в последний момент передумала. Просто поднялась и начала одеваться. Я наблюдал за ней.

— Одеваю я оставлю здесь. Отель переживет. Меня могут не понять, если я появлюсь в холле с одеялом. — Она встретилась со мной взглядом. — Мне пора. Действительно, пора. Я... я свяжусь с тобой. Уж не знаю, как, но свяжусь. А сейчас мне надо возвращаться к Кейту. Я же его жена. Миссис Эл. Кейт Брассар.

Я не отреагировал на ее слова. Потому что наблюдал, как она уходит, покачивая бедрами. Наблюдал и думал о ней, думал о себе, о том, что уже произошло между нами и что еще могло произойти.

Она подходила к Набережной, когда меня словно громом поразило. Я понял, что она мне сказала на прощание.

На вокзале я украл чемоданы ее мужа.

Л. Кейта Брассара.

Глава 3

Я складывал одеяло, пока оно не превратилось в маленький пухик площадью в два квадратных фута. Сел на него и уставился на океан. Мне хотелось броситься в воду и плыть, плыть, плыть, пока Атлантик-Сити не пропадет из виду.

Он бизнесмен. Контора у него в центре, на Чамберс-стрит. Я даже не знаю, чем он занимается.

Она уже в отеле, поднимается на лифте к своему номеру. Интересно, где ее номер? Может, на том же этаже, что и мой?

На работу он ходит несколько раз в неделю. О бизнесе не говорит, деловых бумаг домой не приносит. По его словам, он что-то покупает и что-то продает. Это все, что мне известно.

Мне оставалось только гадать, сказал он ей об украденных чемоданах или нет. А вот в том, что о героине она ничего не знает, я не сомневался. Поэтому кража чемоданов не могла произвести на нее особого впечатления. Человек, который купил ей соболиную и горностаевую шубы и палантин из шиншиллы, безусловно, мог заделать брешь, прорубленную кражей в его гардеробе, безо всякого ущерба для семейного бюджета. Человек, живущий в роскоши Чешир-Пойнт, мог приобрести несколько новых костюмов и с десяток комплектов нижнего белья.

Я думал о нем, думал о ней, думал о себе. Подбиралась компания уникамов. Л. Кейт Брассар — импортер-экспортер, приторговывающий героином, прикрывающийся красавицей-женой и роскошным особняком. Мона Брассар, от одного взгляда на которую у меня перехватывало дыхание. Она хотела меня и она хотела деньги, а я не знал, как дать ей и первое, и второе.

И, наконец, Джо Марлин. Так звали меня до того, как я представлялся Дэвидом Гэвилэнном, Леонардом Е. Блейком и десятками других имен и фамилий. Имеет ли имя значение? Никакого.

Но по какой-то причине мне хотелось, чтобы она звала меня Джо.

Мы были очаровашками, Дэйв, Ленни и я. У нас был белый порошок и мы только что поимели сладкую женщину. Никто и ничто нас не связывало. У нас было все, кроме будущего.

Я выкурил сигарету и швырнул окурки в океан. Затем спрятал одеяло за опорой причала и зашагал к набережной.

В номере взял трубку и попросил бюро обслуживания принести мне бутылку "Джека Дэниелса", ведро со льдом и стакан. Потом уселся в кресло и стал ждать, что будет дальше. Кондиционер работал на полную мощность, поэтому номер медленно, но верно превращался в холодильник.

В дверь постучали. Вошел коридорный, шустрый молодой человек, глаза которого ничего не упустили. Он поставил на комод бутылку бурбона и ведро со льдом, потом дал мне счет. Я его подписал, дал доллар на чай.

— Благодарю, — улыбнулся он. — Если вам что-то нужно, только скажите. Меня зовут Ралф.

Он ушел, а я принялся за бурбон и начал искать ответы на свои вопросы.

Я не мог стать счастливым обладателем как Моны, так и денег, никак не мог. Я пил бурбон, думал об этом, и всякий раз приходил к одному и тому же неутешительному выводу. Если и существовало решение стоящей передо мной задачи, найти его я не мог.

Бутылка наполовину опустела, когда в конце темного тоннеля, наконец, забрезжил свет.

Брассар мог умереть.

Мысль эта так перепугала меня, что я дважды глотнул бурбон прямо из бутылки. Затем разделся, залез в постель и мгновенно отключился. Может, потому, что много выпил. Не знаю. А может, заснул, потому что боялся бодрствовать.

Стук в дверь разбудил меня, и сон растаял, как дым. Я осторожно приоткрыл глаз. Похмелья не было, я чувствовал себя прекрасно.

Стук повторился.

— Кто там?

— Горничная.

— Уходите! Ну и отель! Будят с самого утра! Возвращайтесь в следующем году.

— Откройте дверь, мистер Блейк...

— Прибирайтесь в других номерах. Мне не до вас...

Тон переменялся.

— Ленни, — проворковали за дверью, — пожалуйста, открой дверь.

На мгновение я подумал, что вновь перенесся в сон. Потом вскочил с кровати и обернулся в простыню. Выглядела она очень аппетитно, в белой блузке и шортах цвета морской волны. Я тут же затворил дверь.

— Ты сумасшедшая. Прийти сюда! Он мог тебя увидеть. Твоя идея — не из лучших.

Она улыбалась.

— У тебя очень смешной вид. В этой простыне прямо арабский шейх. Ты спал?

— Конечно. На дворе же ночь.

— Ты хотел сказать, день.

— Который час?

— Почти полдень. И увидеть меня он не мог. Ушел из отеля на заре. Сказал, что срочно появилось неотложное дело. Даже в Атлантик-Сити у него дела. Бизнес превыше всего. Как всегда.

Я знал, какой у него бизнес. Поневоле задержась, когда у тебя крадут крупную партию товара.

Мона надула губки.

— Разве ты не рад меня видеть?

— Ответ тебе известен.

— Вроде бы, не рад. Даже не поцеловал меня.

Я поцеловал. И все вернулось, все незабываемые вчерашние ощущения. Хватило одного поцелуя. Вот такая это была женщина.

— Так-то лучше.

— Гораздо лучше.

Много позже я открыл глаза. Она свернулась, как спящий котенок, разметав по подушке белокурые волосы. Я провел рукой по ее телу, от плеча до бедра. Она не шевельнулась. Я перегнулся через нее, взял пачку сигарет со столика, нашел спички и закурил. Когда вновь посмотрел на нее, она уже открыла глаза.

— Ты, однако, хороша. Мне будет не хватать тебя.

Она прикусила губу.

— Ленни, я... Помнишь, что я сказала тебе на берегу? Насчет того, что не смогу отказаться от таких денег? Сегодня я кое-что уяснила для себя. Здесь. С тобой. Я... не смогу отказаться от таких денег.

Табак приобрел вкус соломы. Я затаился и закашлялся.

— Но я не могу отказаться и от тебя, Ленни. Я... не знаю, что нам теперь делать. Мне нужны деньги и мне нужен ты, но я не могу получить и то, и другое. Я — избалованная маленькая девочка. Ничего не могу делать, могу только хотеть.

Я уже знал ответ, но знал и кое-что еще: я боялся поделиться с ней выводом, к которому пришел. Но выбора у меня не было.

— Сколько лет Кейту?

Она пожала плечами.

— Пятьдесят. Пятьдесят пять. Понятия не имею. Никогда его не спрашивала. Глупо, не так ли? Не знать, сколько лет собственному мужу. Пятьдесят или пятьдесят пять, или около того. Не знаю. А что?

— Есть у меня кое-какие мысли. Я хочу сказать... он уже не молод, Мона. Мужчина его возраста не может рассчитывать на то, что будет жить вечно... — Я пристально вглядывался в нее. И лицо выдало Мону. Чуть-чуть, но выдало. Видно, мы думали одинаково. — Может, у него нелады с сердцем, — продолжал я, старательно обходя главное. — Может, в самом ближайшем будущем он упадет и уже не встанет. Такое случается каждый день. Может случиться и с ним.

Она ответила мне моими же словами.

— Если б у этой кровати были крылья, мы смогли бы улететь на ней, Ленни. Или если бы у нас был ковер-самолет. Сердце у него в полном порядке. Три раза в год он ходит к врачу, как говорит, на диспансеризацию, и проводит в клинике целый день. Проверка состояния его здоровья ведется с помощью самой совре-

менной аппаратуры. Последний раз он проходил осмотр месяц назад и не преминул похвалиться, что у него все в полном порядке.

— Все равно, у него может быть инфаркт. Даже если человек в прекрасной физической форме...

— Ленни...

Я замолчал и посмотрел на нее.

— Ты думаешь не о сердечном приступе. В голове у тебя совсем другое. Ты подразумеваешь, что он может стать жертвой несчастного случая. Речь об этом, не так ли?

Я глубоко затанулся. Мрачно посмотрел на нее, еще раз попытавшись найти возможность сложить все в единое целое. Не удалось. Отдельные фрагменты картин-головоломки никак не желали занять положенное им место.

— Жаль, что мы такие, как есть, — вздохнула Мона. — Мне бы хотелось, чтобы мы были совсем другими. Другим не приходят в голову такие отвратительные мысли. Это ужасно. Я не люблю его, Ленни. Возможно, я люблю тебя. Точно сказать не могу. Но я знаю, что мне хотелось бы быть с тобой, а не с ним. Однако... он — хороший человек, Ленни. Я видела от него только добро. Он не кричит на меня, не бьет...

— И что ты предлагаешь?

Она предложила сменить тему. Обняла меня, улыбнулась.

— У нас есть еще несколько часов. Давай проведем их в постели.

Мысль ее мне понравилась. Но какое-то время спустя я заснул, а вот она — нет. Наверное, не следовало мне этого делать. Видать, я допустил ошибку. Расслабился и потерял бдительность.

А проснулся от того, что она трясла меня за плечо. В ее широко раскрытых глазах стоял страх. Честно говоря, я не понял, в чем причина, но она быстро все растолковала.

— Ленни...

Я сел, мягко убрал ее руку с плеча, потому что ее ногти впились мне в кожу. Она, похоже, этого и не заметила.

— Чемоданы...

Я по-прежнему ничего не понимал.

— Ленни, почему в твоём стенном шкафу стоят чемоданы Кейта?

Находка потрясла ее, и она залепетала что-то бессвязное. Мне удалось усадить ее в кресло, и она молча уставилась на меня.

— Только не перебивай меня, — предупредил я. — История длинная. И, чтобы у тебя не осталось вопросов, ее надо послушать всю.

Я рассказал ей, как взял в секции выдачи багажа два приглянувшихся мне чемодана, зарегистрировался в отеле под вымышленной фамилией, встретил ее, открыл чемоданы, нашел героин. Вот в это она сначала не поверила, но я убедил ее. Мона чуть не забилась в истерике. Она прожила с Кейтом два года, не подозревая, что он занимается чем-то предосудительным, и мои слова произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Наконец я выложил все и замолчал. Теперь она знала все. Ее муж — преступник, его товар — в сейфе отеля, мы — в моем номере, и перед нами открыт весь мир.

— Это меняет дело, Ленни. Я хочу сказать, Джо. Наверное, теперь я могу называть тебя Джо, не так ли?

— Полагаю, что да.

— Джо Марлин вместо Ленни Блейка. Ладно. Так мне даже больше нравится. Теперь мне не нужны его деньги. Я просто не смогу с ним жить. Мне нужен только ты. Мы можем убежать вдвоем и жить долго и счастливо.

Звучало неплохо, но лишь на словах. Она еще не до конца понимала, в какую влипла историю. Он по-прежнему оставался для нее добряком Кейтом. Ей, правда, претило, что у него грязные деньги, но она еще не осознала, что Кейт — далеко не добряк.

— Нас убьют, Мона. Мы убежим, и нас поймают. Он — гангстер, Мона. Ты знаешь, что означает это слово? Ты — его женщина. Он купил тебя, дал хорошую цену. Горностаевую шубу, соболиную шубу, палантин из шиншиллы. Эти вещи стоят больших денег.

— Но...

— Теперь ты принадлежишь ему и не можешь убежать. Он тебя поймает и прикажет убить. Хочешь, чтобы мы умерли, Мона? — Я всматривался в ее глаза и вспоминал легкое презрение, звучавшее в голосе Моны, когда она говорила о профилактических осмотрах Брассара. Она еще сказала, что он, возможно, боится смерти. Получалось, что не только он. Она тоже боялась. Да и я ничем от нее не отличался. — Мы не сможем убежать. Не сможем спрятаться.

— Но мир такой большой.

— И мафия далеко не маленькая. Пожалуй, будет побольше мира. И куда нам бежать?

Она прикусила нижнюю губу.

— Несчастный случай. Ты говорил, что с ним может произойти несчастный случай. Так?

— Не совсем.

— Но имел в виду именно это?

— Вроде бы ты не хотела об этом и думать.

— Сейчас другая ситуация, Джо. Я не знала, что он за человек. Теперь все переменялось.

Наши взгляды встретились.

— Когда вы с Кейтом возвращаетесь в Чешир-Пойнт?

— Джо, я не хочу ехать с ним. Я должна остаться с тобой.

— Когда вы возвращаетесь в Чешир-Пойнт? Отвечай на вопросы, черт побери!

— Через неделю. Или шесть дней. Не знаю.

— Хорошо. Прежде всего, мы с тобой больше не увидимся. Если встретимся на набережной, ты не удостоишь меня и взгляда. Независимо от того, будешь с Кейтом или одна, понятно? Потому что здесь у него могут быть друзья. Никто не должен нас видеть, или все пропало.

— Я не понимаю. Джо...

— Если будешь держать рот на замке, я, возможно, смогу объяснить тебе, что к чему.

В ее глазах застыла обида.

— Я уеду послезавтра. Как положено, выпишусь из отеля и поеду в Нью-Йорк. Остановлюсь к какому-нибудь отелю под вымышленной фамилией.

— Какой?

— Пока не знаю. Это неважно. Связываться со мной тебе не придется. Я сам тебя найду. Ты же не дергайся. Веди себя так, словно ничего не произошло. Твой муж по-прежнему добряк Кейт, а меня ты знать не знаешь. Поняла?

Мона кивнула.

— Ни на секунду об этом не забывай. Повторяй снова и снова, чтобы не выдать себя даже словом. Ты — жена Кейта. Со мной у тебя ничего не было. Ты вернешься к Кейту и будешь вести себя точно так же, как и до приезда в Атлантик-Сити. В ваших отношениях ничего не должно измениться. Ты должна спать с ним. Я... Деваться некуда, пусть мне это и не нравится.

— Мне тоже.

Я поискал взглядом пачку сигарет. Ей тоже захотелось закурить, чтобы снять напряжение. Я дал ей сигарету, вторую взял себе, чиркнул спичкой. Минуту-другую мы молчали, глубоко затягиваясь, выпуская струи дыма.

— Мона, мне нужны деньги, — первым заговорил я.

— Деньги?

— Чтобы оплатить счет в отеле. Незачем сажать полицию себе на хвост. И мне нужно забрать героин из сейфа.

— Сколько с тебя возьмут?

— Не знаю. И в Нью-Йорке мне понадобится какая-то сумма. Мне не хочется просить тебя, но...

— Не говори ерунды.

— Так сколько ты можешь мне выделить?

Она задумалась.

— У меня есть несколько сотен. Я тебе их отдам.

— А как объяснишь?

— Если он спросит, скажу, что потратила на драгоценности. Но он не спросит. Он не из таких. Ему все равно, сколько я трачу и на что. Он не будет меня ругать, даже если я скажу, что потеряла эти деньги.

— Ты уверена, что у тебя не возникнет проблем?

— Абсолютно.

— Положи сколько сможешь в конверт. Обычный конверт. Ничего на нем не пиши. Вечером пройди мимо двери моего номера. Она будет закрыта, но не заперта. Приоткрой дверь, брось конверт в щель и топай дальше. Не останавливайся, чтобы перебраться со мной парой слов.

— Я все сделаю. После обеда?

— Как получится. Я буду в номере, пока не получу конверт. А в Нью-Йорк уеду послезавтра. Не хочу суетиться. Не возражаешь?

— Тебе виднее.

— Одевайся. Увидимся в Нью-Йорке.

Мы оба торопливо оделись. Я подошел к двери, приоткрыл ее. Горничная неспешно шла по коридору. Я подождал, пока она не свернет за угол, потом прижал Мону к себе и нежно поцеловал. Мгновение спустя она шагала к лифту, а я, закрыв дверь, возвращался к кровати.

В бутылке еще оставался бурбон, два-три глотка, не больше. Я выпил, и настроение у меня заметно улучшилось.

Глава 4

Деньги я получил в начале седьмого. Лежал на кровати при выключенном свете. Мягко жужжал кондиционер. Внезапно дверь приоткрылась на шесть дюймов, на пол упал белый конверт, и дверь закрылась.

Я поднял конверт, тряхнул, чтобы купюры сдвинулись к одному торцу, разорвал противоположный. Достал купюры по десять, двадцать и пятьдесят долларов. Пересчитал дважды. Всякий раз получалось триста семьдесят.

Деньги перекочевали в мой бумажник, конверт отправился в мусорную корзину.

Я принял душ, оделся, побрился и пошел пообедать в соседний отель. Не хотел столкнуться нос к носу с Моной и Кейтом. Не готов я был к этой встрече.

Когда я возвращался к своему отелю, мне на глаза попался выходивший из него мужчина, показавшийся чем-то знакомым. Жизнь уже сталкивала нас, но я не помнил, ни кто он, ни где и когда могли пересечься наши пути. Невысокого роста, смуглый, тощий. С густыми, темными волосами. Аккуратной полоской усов. Хорошо одетый, с быстрой, пружинистой походкой.

Я очень надеялся, что меня он не только не узнал, но и не заметил.

Увидел я его и на следующий день.

Я проснулся около десяти, надел брюки и рубашку с отложным воротником и спустился в кафетерий, позавтракать. Нашел столик под зонтиком. С веранды набережная смотрелась, как на ладони, зато мой интерес к прогуливающимся по ней мог заметить только очень внимательный наблюдатель. Подошел официант, и я заказал чашку черного кофе, чуть не упустив тех, кого высматривал. Лишь уголком глаза я поймал белокурые волосы Моны, а уж потом рассмотрел и ее спутника.

Низкорослый, толстый, старый. При этом стопроцентный бургер из Уэстчестера, так что я уже не удивлялся, как это ему удалось заморочить Моне голову. Некоторые честные люди выглядят, как преступники, а некоторые преступники смотрятся, как честные люди. Л.К.Б. относился к последним.

Решительный, честный подбородок, тонкогубый, честный рот, водянисто-синие честные глаза, седые волосы. Такая седина могла быть только у достойного человека.

Я наблюдал за этим седовласым честным стариканом и думал, как же нам его убить.

— Еще кофе, сэр?

Я вскинул глаза на официанта. Уходить мне еще не хотелось, но и кофе больше в глотку не лез.

— Пока не надо.

— Как скажете, сэр. Может, желаете что-нибудь съесть? Я принесу меню.

— Мартини, — сдался я. — Очень сухой, с ломтиком лимона.

Он поклонился и отбыл. Вскоре вновь возник у столика, со стаканом мартини на подносе. В нем плавали две оливки вместо одной, и официант, в отличие от многих его коллег, не забыл про ломтик лимона. Может, не хотел, чтобы я дулся на него.

Я остался за столиком и смог еще раз, уже с более близкого расстояния, взглянуть на Л. Кейта Брассара.

Не знаю, как он попал на веранду. Однако, повернувшись, я увидел, что он сидит в трех столиках от меня, а официант, почтительно согнувшись, выслушивает заказ.

Я жевал первую оливку, когда за столик к Л.К.Б. присел мужчина. Он был невысок ростом, худощав, хорошо одет. С длинными черными волосами и полоской усов. Тот самый, с кем я столкнулся накануне вечером, возвращаясь в "Шелбурн". Тогда мне показалось, что мы с ним где-то встречались. Теперь я его вспомнил.

И чуть не подавился оливкой.

Его звали Реджи Коул. Работал он, как и половина Нью-Джерси, на Макса Треджера. Треджер, милый такой старичок, контролировал практически все, что происходило в штате Нью-Джерси по другую сторону закона. Треджера я знал

только понаслышке. А вот с Реджи Коулом однажды оказался на одной вечеринке, несколько лет тому назад. Тогда Реджи был мелкой сошкой, но со временем Макс Треджер приблизил его к себе, и теперь, если верить слухам, он сидел по правую руку от него.

А за столик он сел по правую руку от Л. Кейта Брассара, лицом ко мне. Меня это встревожило. Да, знакомство у нас было шапочное и давнее, но я его узнал. С тем же успехом он мог узнать и меня. Но он был полностью поглощен разговором с Брассаром. Очень мне хотелось знать его содержание. Тема сомнений не вызывала: Брассар вез такое количество героина, что его надолго хватило бы всему штату Нью-Джерси. Героин таинственно исчез. Так что поговорить было о чем.

Вторую оливку я проглотил целиком. Положил купюру под пустой стакан, чтобы не унесло ветром, и уже начал подниматься, когда маленькие глазки Коула уперлись в меня. В них мелькнуло недоумение, думаю, точно так же прошлым вечером оно мелькнуло и в моих глазах. Он понимал, что уже видел меня, но не помнил, где и когда.

Подумав, он бы, наверное, вспомнил. Но я надеялся, что разговор с Брассаром слишком серьезен, чтобы отвлекаться по пустякам.

Я изо всех сил старался идти, а не бежать. Очень надеялся, что они не сомотят мне вслед. Рубашка от пота прилипла к спине, а ведь день выдался не слишком жарким.

Дальнейшее промедление с отъездом потеряло всякий смысл. Я получил даже больше, чем хотел: не только посмотрел на Брассара, но и узнал, с кем он водит компанию. Ситуация во многом прояснилась. Брассар привез в Атлантик-Сити героин. Он не был простым курьером, героин принадлежал ему, он его купил и подготовил для перепродажи. Никто не собирался обвинять его в том, что он решил надуть компаньонов и нажиться за их счет. Финансовые потери понес только он.

И если кто выглядел в этой истории некрасиво, так это Макс Треджер. С точки зрения Брассара, украсть его чемоданы мог только тот, кто знал, что в них лежит. В криминальном мире Треджер всегда имел репутацию честного партнера, однако речь шла об очень большой сумме, поэтому у Брассара не могло не возникнуть подозрений. Я надеялся, что его возмущение выведет кого-нибудь из себя, и он получит пулю в голову, избавив меня от лишних хлопот.

Я рвался из города, но предстояло решить еще одну очень важную задачу: избавиться от чемоданов. Из номера я позвонил на железнодорожный вокзал и узнал, что поезд на Филадельфию отправляется в половине восьмого утра. Второй поезд следовал тем же маршрутом во второй половине дня, но я полагал, что уезжать надо утром. Во-первых, все спят, во-вторых, ни у кого не возникнет подозрений, даже если я выпишусь из отеля в четыре или пять утра. Чем меньше людей увидят меня с этими чемоданами, тем мне будет спокойнее. Чем меньше шансы столкнуться нос к носу с Брассаром, тем лучше.

Я позвонил портье и попросил разбудить меня в шесть утра, чем сильно их озадачил. Потом позвонил в бюро обслуживания, заказал еще бутылку "Джека Дэниелса" и провел остаток дня и вечер в легком алкогольном тумане.

Утром оделся и спустился вниз. За стойкой стоял другой портье, но такой же услужливый, как и первый. Никаких проблем у меня не возникло. Он вручил мне "дипломат", а я одарил его улыбкой. Коридорный понес мои чемоданы к ожидавшему у подъезда такси, а я вышел через боковую дверь.

На железнодорожном вокзале я купил билет до Филадельфии. Сам занес свои вещи в вагон. "Дипломат" пришлось зажать под мышкой. Кондуктор проверил мой билет, я занял свое место, и вскоре поезд, набирая ход, покатился по рельсам. Наконец он прибыл на Северный вокзал, и я вышел из вагона. Спустился по лестнице, миновал тоннель и поднялся на другую платформу. Нужный мне поезд подъехал через четыре минуты. Я вошел в вагон, поставил чемоданы на багажную полку, сел и облегченно выдохнул. Подошел кондуктор, и я взял билет до Бостона. Возможно, я и перестраховывался, но исходил из принципа, что бережного Бог бережет. Этот раунд я выиграл вчистую.

Оставался суций пустяк — убить Брассара и не навлечь подозрения на себя.

Глава 5

Я поселился в отеле "Коллингвуд", назвавшись Говардом Шоу. Мой номер, чистенький и уютный, обходился мне в тридцать два доллара в сутки. Отель располагался практически в центре Манхэттена, но здесь, в сравнении с отелями Таймс-сквер, у меня было куда меньше шансов столкнуться с каким-нибудь знакомцем.

В пятницу я попытался отыскать телефон и адрес конторы Брассара. Мне это удалось. Располагалась она в доме 117 по Чамберс-стрит. Имелся и телефон: 964 6363. Я вышел из отеля, в аптечном магазине на углу нашел телефон-автомат. Набрал номер, опустил трубку на рычаг после восьмого гудка. Прогулялся до Шестой Авеню, откуда поезд подземки доставил меня на Чамберс-стрит. Поиски дома 117 много времени не заняли.

Именно в таком доме и мог держать контору торговец героином. Кирпич, когда-то красный, выцвел. Стекла покрывал толстый слой грязи и пыли. Фирмы, арендующие помещения, писали свои названия на окнах. Девять этажей клетушек, девятиэтажный оплот свободного предпринимательства. С одной стороны, он мог бы позволить себе более солидный офис. С другой, я сомневался в том, что он вообще в нем бывал.

Его фамилия значилась в списке арендаторов, вывешенном в холле. На лифте я поднялся на пятый этаж. Вышел из кабины, нашел дверь с надписью "Л.К. Брассар". Матовое стекло не позволяло заглянуть вовнутрь, а дверь была плотно закрыта. Спросил себя, а сколько дают в Нью-Йорке за взлом.

Лезвие моего перочинного ножа справилось с замком менее чем за двадцать секунд. Я переступил порог и закрыл дверь за собой.

Кабинет не произвел впечатления. В углу стоял один из немногих оставшихся в Америке столов со сдвижной крышкой. На нем — чернильница и с полдюжины кожаных папок. Я просмотрел все, но ничего нового не почерпнул, то есть зря потерял время. В ящиках стола обнаружились какие-то счета, чеки, банковские поручения. Похоже, Брассар занимался и законным бизнесом, который использовал для прикрытия операций с наркотиками. Как я выяснил, он импортировал всякую японскую ерунду: зажигалки, игрушки, бижутерию и тому подобное. Здравое решение, подумал я. Героин поступал в Японию из Китая, Гонконга или Макао, а оттуда заодно с игрушками переправлялся в США.

Я уселся в кожаное кресло, барабанил пальцами по столу и думал, а каким ветром меня занесло в контору Брассара? Что я мог здесь найти? Я лишь хотел убить Брассара и увести его жену. Так что же я здесь делал?

По пути в отель я купил несколько пар брюк и нижнее белье. Выбрал костюм и пиджак спортивного покроя и попросил доставить их в "Коллингвуд".

Покупки обошлись мне в сотню с небольшим, так что денег у меня оставалось все меньше.

Суббота пришла и ушла, не принеся ничего нового.

В воскресенье, во второй половине дня, я пошел на Пенн-Стейшн и искал Брассаров в телефонном справочнике Уэстчестера. Жили они на Розкоммондрайв. Номер я запомнил наизусть и вечером позвонил.

Послышался гудок, потом мужской голос.

— Алле?

— Джерри дома?

— Боюсь, вы не туда попали.

— Разве это не телефон Джерри Хиллмана?

— Нет, — ответил мужчина. — Извините.

Я повесил трубку и вышел из будки. Они дома. Я понимал, что надо связаться с Моной, но не знал, как. Вдруг телефон прослушивается? Через некоторое время я снова позвонил. На этот раз трубку взяла Мона.

— Джерри Хиллман дома?

— Он тут не живет. Должно быть, вы не туда попали. — Она узнала мой голос. Тут сомнений быть не могло.

— Я набрал 155 2504.

— Нет-нет, это другой телефон, вас неправильно соединили.

В будке я просидел пятнадцать минут, одной рукой держа трубку у уха, а другой нажимая на рычаг. Как только раздался гудок, я отпустил рычаг и сказал: "Привет".

— Джо! — воскликнула она. — Привет, Джо!

— Как дела?

— Нормально. Насколько возможно. Я скучаю по тебе, Джо.

— И я тут схожу с ума. Не терпится тебя увидеть. Я боялся, что ты не запомнишь номер. Откуда ты звонишь?

— Из аптечного магазина. Я... я ждала твоего звонка. Первый раз к телефону подошел Кейт и сказал, что ошиблись номером. Но я знала, что это ты.

Я глубоко вздохнул.

— Нам надо увидеться. Сможешь завтра приехать на Манхэттен?

— Думаю, что да. Он собирается на работу. Я поеду с ним и скажу, что мне надо кое-что купить. Я буду на Манхэттене от девяти до десяти. Тебя это устроит?

— Более чем.

— Где ты остановился?

— В отеле. "Коллингвуд".

— Мне прийти туда?

— Пожалуй, нет. На Тридцать четвертой, между Шестой и Седьмой авеню есть кафе-автомат. Встретимся там.

— Тридцать четвертая между Шестой и Седьмой. Найду. Я люблю тебя, Джо.

В трубке раздались гудки отбоя, а я еще долго стоял, сжимая ее в руке. Меня била дрожь.

Глава 6

В кафе-автомат я пришел ровно в девять. Девушка, сидевшая за кассовым аппаратом, поменяла мне долларовую бумажку на пригоршню пятицентовиков, и я начал обход автоматов. Вскоре на моем подносе стояли стакан апельсинового

сока, большая миска овсянки и чашка черного кофе. Компанию им составляла пара рогаляков. Потом я нашел столик, с которого открывался прекрасный вид на входную дверь, и принялся за завтрак.

Она вошла, когда я уже выпил половину второй чашки кофе. Я посмотрел на нее, и голова у меня пошла кругом. В простеньком серовато-синем летнем платье с вертикальным рядом пуговичек на груди, такая красивая! Я с нетерпением ждал, что она бросится к моему столику, обнимет меня и поцелует. Но она так холодно глянула в мою сторону, что у меня внутри все похолодело. Затем чуть улыбнулась и проследовала мимо. Разменяла четвертак на пятаки, взяла чашку кофе и пончик в глазури. С подносом в руках огляделась, выискивая свободное место. Наконец, подошла к моему столику, села напротив и прошептала:

— Меня это очень увлекает.

Я затушил сигарету.

— Добралась без проблем?

— Естественно. Приехала с Кейтом на электричке. Сказала ему, что мне надо пройти по магазинам. Кстати, надо действительно заглянуть хоть в один, купить пару туфель или что-нибудь еще.

— С деньгами и жизнь в радость. — Но я сразу же пожалел о том, что произнес эти слова.

— Джо...

— Что?

— Я вот подумала... может, не стоит нам убивать его?

— Не так громко!

— Никто меня не слушает. Мне кажется, есть другой путь. Если все получится, нам не придется убивать его.

— Дала слабинку?

— Да нет.

— Тогда в чем дело?

— Может, испугалась. Как я понимаю, в Нью-Йорке убийц сажают на электрический стул. Я... я не хочу умереть на электрическом стуле.

— Сначала тебя должны приговорить к смертной казни.

Ее глаза сверкнули.

— У тебя такой голос, словно ты ненавидишь Кейта. Похоже, главное для тебя — его смерть, и ты не хочешь даже думать о том, что есть другой способ избавиться от него.

— А по твоему голосу чувствуется, что ты пытаешься дать задний ход. Может, ты этого и хочешь? Может, нам следует обо всем забыть? Ты пойдешь своим путем, я — своим. купишь себе новые туфли. И что-нибудь меховое. А...

— Ты все неправильно понял, — перебила меня Мона. — Я не пытаюсь дать задний ход. Тебе-то легко так говорить. Ты с ним не живешь. Тебе не надо...

— Ближе к делу.

Она отпила из чашки, затем глубоко вдохнула.

— Героин. Он еще у тебя?

Я кивнул.

— Мы можем им воспользоваться.

— Продать его и убежать? — Я уже собрался объяснить ей, почему из этого ничего не выйдет, но она меня опередила.

— Спрятать его в автомобиле или где-нибудь в доме. Потом позвонить в полицию. Анонимно. Они проведут обыск, найдут героин и арестуют Кейта.

В голове у меня звякнул колокольчик тревоги, но я его проигнорировал.

— Только и всего? Подложить героин, позвонить копам, и твой муж отправится в тюрьму?

— Почему нет?

— Потому что не получится. Допустим, мы так и поступим. Полиция отреагирует на наш звонок и найдет героин. Спросят Кейта, как он туда попал, а тот ответит, что не имеет ни малейшего понятия. Они его арестуют и посадят в камеру. По обвинению в хранении наркотиков с целью последующей перепродажи. Но через десять минут стараниями адвоката его выпустят под залог. Десять месяцев спустя состоится суд. Он заявит, что ни в чем не виновен. Адвокат доложит суду, что его клиент — уважаемый бизнесмен, никоим образом не связанный с криминальным миром, которого подставили зловредные конкуренты. И присяжные, и судья ему поверят. Кейта оправдают.

— Но ведь наркотик найдут!

— И что? Вероятность того, что присяжные признают его виновным, ничтожно мала. А если и признают, то адвокат подаст апелляцию. И выиграет повторный процесс. Но дело-то в другом. Все это время, а речь идет не о днях, а о месяцах, он будет на свободе. Ждать нам придется слишком долго. И кто даст гарантию, что за эти месяцы он не сообразит, кто навел на него полицию. Тогда он наймет опытного киллера, который всадит пулю в твою очаровательную головку. Вот почему мы должны его убить.

— Я этого не хочу, — выдохнула Мона.

— Ты можешь предложить альтернативный вариант?

— Я думала... но ты прав. Ничего другого не остается. Мы должны... его убить. Но как?

— Помолчи, — оборвал я ее. — Мне надо подумать. — Я уперся локтем в стол, пальцами обхватил лоб. Закрыв глаза и действительно попытался что-то придумать. Ничего не получилось. Брассар, деньги, Мона, героин... Все смешалось, не желая выстраиваться в единый план.

— Как все-таки ты собираешься его убить? — Ты — не мы. Но тогда я не обратил внимания на этот нюанс.

— Я ничего тебе не скажу, Мона.

— Не скажешь?

Я покачал головой.

— Не доверяешь мне?

Я не мог не рассмеяться.

— Если бы я тебе не доверял, не имело смысла и начинать. Разумеется, я тебе доверяю.

— Тогда расскажи.

— Не могу.

— Почему?

Частично потому, что еще сам не знал, как я это сделаю. Но об этом я говорить ей не собирался. Тем более, что свое нежелание посвящать ее в подробности моего плана я мог объяснить другой причиной.

— Полиция будет допрашивать тебя. Делать они это умеют. Конечно, твой социальный статус и деньги не позволят им слепить тебя ярким светом и лупить резиновыми дубинками. Уэстчестерская полиция отнесется к тебе с должным уважением. Но он — богатый человек, а ты — молодая жена. Поэтому ты неизбежно окажешься под подозрением.

— У меня будет алиби.

— Естественно. У тебя обязательно будет алиби. Это полицейские выяснят сразу. И займутся поисками бой-френда, который и уколошил богатенького му-

женька. Чем меньше ты знаешь, тем легче тебе будет отвечать. Поэтому и буду рассказывать тебе как можно меньше.

— Джо... Я волнуюсь. Я старалась не думать об этом раньше, но ты прав. Они, конечно, будут допрашивать меня.

— Разумеется, будут.

— Я могу сломаться.

— Не говори глупостей.

— Может...

— Не волнуйся, Мона. Сильно они на тебя давить не будут. Ты же ничего не знаешь. Скажешь им то же самое, что говорила мне при нашей первой встрече. Ты не знаешь, как зарабатывает Кейт на жизнь. Врагов у него не было. Ты не знаешь, почему кому-то приспичило его убить. Ты и представить себе не можешь, в чем причина. Он был твоим мужем, ты его любила. С рыданиями и заламыванием рук не переусердствуй, держись естественно. Возможно, ты действительно полюбишь его. Это же нормальная человеческая реакция. Выкажи ее, но не более того.

Она кивнула.

— И сохраняй хладнокровие. Это очень важно.

— Когда?

Я посмотрел на нее.

— Когда это случится?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь или не хочешь мне говорить?

Я пожал плечами.

— И то, и другое. Скорее всего, на этой неделе, в один из дней, когда он ходит на работу.

— В его конторе?

— Может — там, а может, и нет. Не выходи из дома, пока он не уйдет на работу. Понятно?

Она кивнула.

— В доме есть служанка?

— Две. А что?

— Рассуждаю вслух. Будь у них на виду, когда он уходит на работу. И не волнуйся. Это очень важно. Он уходит на работу, обычное дело, поводов для волнения тут и быть не может. — Я раздавил окурок, как клопа, и глубоко задумался. Мозг заработал, как часы. Разрозненные мысли начали выстраиваться в затылок друг другу. Я превратился в машину, отчего все стало гораздо проще. Машина, которую звали "Джо Марлин", думала. — Очень важно не терять бдительности и потом. Если все пройдет гладко, они не будут прижимать тебя к стенке. Но и не забудут про тебя. Преступление перейдет в разряд нераскрытых, но дело они не закроют. Я не могу переселиться к тебе в тот день, когда его заруют в землю. Это опасно.

Она вновь задрожала.

— Репортеры будут досаждать тебе вопросами. Какое-то время ты посидишь дома, а потом пойдешь к риэлтеру. Скажешь, что больше не хочешь жить в Чешир-Пойнт. Тебе, мол, тут некомфортно. Пока хочешь поездить по белу свету, а потом подумать о новом доме.

— У нас такой хороший дом...

— Слушай и не перебивай. Ты попросишь риэлтера продать дом вместе с обстановкой. Не заламывай высокую цену. Денег тебе и так хватит. Скажешь ему,

что полностью полагаешься на его мнение. Пусть запросит за дом сколько считает нужным. При этом с продажей его не торопи. Потом пойдешь в туристическое агентство и забронируешь билет до Майами.

— Майами?

— Точно. Ты улетишь в Майами через неделю после убийства. Может, дней через десять. Денег тебе хватит. Страховка, остаток на банковском счете. Полетишь первым классом, остановишься в "Эдем Рок". Ты — вдова, из-за смерти мужа попавшая в центр скандала. И теперь хочешь обо всем этом забыть.

— Понятно.

Я закурил очередную сигарету и посмотрел на Мону. Женщина она неглупая и запомнит все, что я ей говорю. Меня это радовало. Если бы она что-то забыла, у нас могли возникнуть неприятности.

— Я тоже буду в Майами. Сниму номер в "Эдем Рок". Видишь ли, после убийства я сразу уеду из Нью-Йорка. Может, в Кливленд, может, в Чикаго. А уже оттуда отправлюсь в Майами. Со стороны все будет выглядеть так, что мы случайно оказались в одном отеле. Приедем из разных городов, в разное время. Встретимся, познакомимся, сошлись. Всем известно, как быстро развиваются отношения на курорте. Поговорили, пообщались, влюбились. Никто не сможет связать нас с Кейтом или Нью-Йорком. Для нас все начнется в Майами-Бич.

— Жизнь заново.

— Именно. Оттуда мы поедем, куда захотим. Может, посмотрим мир. Европа, Ривьера, далекие острова. Мы будем вдвоем, а денег нам хватит на две жизни.

— Звучит неплохо.

— Жалеть тебе не придется. А теперь повтори все, что я тебе сказал.

С этим она справилась не хуже магнитофона. Я внимательно выслушал ее, сделал пару незначительных уточнений, а потом сказал, что ей пора уходить.

— Тебе понадобятся деньги, — медленно протянула Мона, и в ее голосе не слышалось вопросительных интонаций.

— Безусловно.

— Мне удалось кое-что сэкономить в Атлантик-Сити. И дома у меня была записка. Я принесла их с собой, но чуть не забыла отдать. Не знаю, сколько ты на них протянешь, но все лучше, чем ничего.

Она дала мне конверт. В левом верхнем углу стояли его адрес и фамилия. Не забыть бы уничтожить конверт, отметил я про себя.

— Больше ты мне не позвонишь?

Я покачал головой.

— И мы больше не увидимся?

— Только после того, как покончим с этим делом.

— А если что-то случится? Как я смогу связаться с тобой?

— Что может случиться?

— Мало ли что.

Я задумался.

— Никаких мало ли что. Так что связываться со мной незначем.

— Ты боишься, что я наведу на тебя полицию?

— Не болтай ерунды.

— Тогда...

— Я не знаю, где буду обретаться. И ничего не случится, во всяком случае ничего такого, что можно предотвратить, связавшись со мной. Выполняй мои указания, и все будет хорошо.

Она переминалась с ноги на ногу.

— Хорошо. Тогда... до встречи в Майами.

Я кивнул, потянулся к ней. Она с готовностью обняла меня за шею. Мы поцеловались. Я не знаю, был ли тот поцелуй знаком любви или скрепил нашу сделку. Потом я отпустил ее, наши взгляды встретились.

— Следующей встречи придется ждать долго. Чуть ли не месяц. — И она ушла.

Несколько секунд я смотрел ей вслед, потом надорвал конверт, вытряхнул из него деньги и сосчитал добычу.

Более семисот долларов. Не так уж и много, учитывая стоимость билетов на поезд до Чикаго и Кливленда и на самолет до Майами. Не так уж и много, учитывая предстоящие расходы. Но все-таки семьсот долларов. Больше, чем обычно.

И тут меня осенило. Второй раз Мона давала мне конверт с деньгами.

Мне это не понравилось.

Глава 7

Во сне один кошмар сменялся другим. Я куда-то бежал, то с Моной, то без нее, но спастись так и не удавалось. Мы мчались по черному тоннелю, но кто-то немолимо настигал нас.

Проснувшись утром в холодном поту и закуривая сигарету, я обдумывал новую любопытную идею. Оставалось только удивляться, что она не пришла мне в голову раньше.

Брассар — преступник.

Мона, кстати, говорила о том, что можно его не убивать. Достаточно подложить в его автомобиль героин и дать знать полиции.

Я еще привел кучу аргументов, доказывая, что из этого ничего не выйдет. Но могло выйти с некоторыми коррективами.

На живого Брассара повесить обвинение в хранении и торговле героином нам бы не удалось. А вот на Брассара мертвого... Это уже совсем другая история.

Я сидел и думал, и чем дольше обдумывал новую идею, тем лучше она смотрелась. Отшлифовал ее, я поднялся с кровати и прошел в ванную, чтобы принять душ и почистить зубы.

Затем надел чистую белую рубашку и костюм. Спустился вниз, в закускойной напротив отеля съел яичницу из двух яиц, выпил две чашки черного кофе. Прогулялся до 34-й улицы, сел в автобус и доехал до Третьей авеню. Народу в автобусе было много, так что всю дорогу мне пришлось стоять. Я ничего не имел против.

Я остановил свой выбор на ломбарде, находившемся на углу 32-й улицы и Третьей авеню, где хозяйничал невысокий, неприметный человек в очках с проволочной оправой и глубокими морщинами на лбу. Звали его Мо Рейдер, и он не брезговал скупкой краденого.

— Мне нужно что-нибудь стреляющее, — обрисовал я Мо цель своего визита.

— Винтовка, дробовик, револьвер?

— Револьвер. Тридцать восьмого калибра или около того.

— У вас, разумеется, есть разрешение на ношение оружия?

Я покачал головой, а он грустно улыбнулся, продемонстрировав золотые коронки.

— Если у вас нет разрешения, я не могу продать вам револьвер.

Я промолчал.

— Таков закон, — добавил Мо.

Я по-прежнему молчал, однако вытащил из кармана бумажник, нашел в нем две купюры по пятьдесят долларов и положил на прилавок. Мо посмотрел на меня, на деньги, снова на меня. Он пытался понять, можно ли иметь со мной дело.

Я решил ему помочь.

— В Нью-Йорке живет много интересных людей. Огги Маннерс, Банни Дифацио, Руби Крейн.

— Вы их знаете?

Я энергично кивнул.

— Расскажите мне о них.

Я назвал два ночных клуба, которыми, пусть и через подставных людей, владел Огюст Маннерс. Сказал, когда Банни Дифацио стал работать в паре с Даннеморром и почему. И уже перешел к Руби Крейну, когда Мо махнул рукой.

— Достаточно. Пройдите, пожалуйста, в подсобку.

Я прошел мимо него в подсобку, а он закрыл дверь ломбарда на замок и опустил жалюзи. В подсобке пошарил на полке, достал револьвер тридцать восьмого калибра, "смит-и-вессон".

— Он не засвечен?

Губы Мо изогнулись все в той же грустной улыбке.

— Не могу знать. Какой-то мальчишка нашел его в бардачке автомобиля и принес мне на продажу. Владелец о пропаже в полицию не заявлял. Мы регулярно получаем перечни краденого, и я их внимательно просматриваю. Так что у меня есть основания полагать, что этот револьвер не зарегистрирован. Вас интересует именно это?

Меня интересовало именно это. Револьвер чист. По нему нельзя выйти на Мо, а уж тем более на меня.

— Мне нужны патроны.

— Коробка?

— Нет, шесть штук.

— Вы хотите воспользоваться оружием только один раз?

Отвечать я не стал. Да он и не рассчитывал услышать ответ. Положил шесть патронов в маленький мешочек, сам мешочек и револьвер — в коробку и протянул мне.

Ушел я, не попрощавшись. Я получил револьвер и патроны, он — две купюры по пятьдесят долларов. И никаких проблем.

В своем номере я ножичком вскрыл ящичек.

Я поднял его, тряхнул, вновь положил в "дипломат" и закрыл его на замок.

У меня поджилки тряслись, пока я вез героин в подzemке, но все обошлось.

На лифте я поднялся на пятый этаж, этакий молодой бизнесмен, спешащий по делам: костюм отглажен, узел галстука затянут, в руке дорогой "дипломат".

С замком в конторе Брассара я справился даже быстрее, чем в первый раз. Переступил порог, закрыл за собой дверь и огляделся. Поначалу мне показалось, что ничего не изменилось. Потом я заметил, что исчез листок с четырьмя телефонными номерами. Подумав с минуту, я решил, что эти номера могут заинтересовать полицию. Поэтому нашел карандаш в одном из ящичков и, стараясь имитировать почерк Брассара, записал их в блокнот, что лежал на столе.

Затем открыл "дипломат". Вытащил ящичек с героином, поставил перед собой. Из ящика стола достал четыре простых белых конверта.

Каждый на треть наполнил героином. Запечатал конверты. Три сунул в средний ящик стола, четвертый подложил под кожаные папки, так, чтобы торчал край. А сам ящичек поставил в глубь нижнего ящика стола.

Я решил, что копам придется немного попотеть, чтобы найти весь героин, но их поиски не могли закончиться безрезультатно. Первый конверт лежал на виду. Самый тупой детектив не смог бы не заметить его. Еще три — в среднем ящике, который копы выдвинули бы первым. А уж после этого им не оставалось ничего другого, как перевернуть весь кабинет вверх дном. В итоге они обнаружили бы основную часть героина, и на том игра бы закончилась.

Вдруг зазвонил телефон.

Я позеленел. Отпрянул от стола. Прижался спиной к стене и начал считать звонки.

Двенадцатый стал последним.

Кто-то пытался связаться с Брассаром. Кто-то знал, что он должен быть в конторе. Если, конечно, не ошиблись номером.

Телефон зазвонил вновь.

В голове промелькнула жуткая мысль: Брассар может в любую минуту войти в кабинет и найти героин. У меня подогнулись колени. Конверты с героином — изрядный ход, но я не мог идти на такой риск. Я выхватил один из-под кожаных папок, три достал из среднего ящика и рассовал все по карманам. Ящичек решил не трогать. С чего Брассару выдвигать нижний ящик стола?

Его выдвинут копы, когда будут проводить обыск.

Подхватив "дипломат", я торопливо вышел из кабинета и направился к лифту.

На другой стороне улицы увидел киоск, где продавали соки. Сел на стул у стойки, заказал хот-дог и стакан кока-колы, ни на секунду не упуская из виду входную дверь административного здания, в котором располагалась его контора. Время близилось к пяти, и я уже отругал себя за то, что поддался панике. Конечно, не следовало трогать конверты. В такой час на работу он не придет.

Но тут к тротуару подкатило такси, из которого вышел Брассар. Он расплатился с водителем и скрылся за дверью.

В конторе Брассар провел пятнадцать минут, затем снова вышел на улицу.

Я видел, как он поймал такси, сел на заднее сиденье и уехал. После чего пересек улицу, вошел в подъезд и в очередной раз поднялся на лифте на пятый этаж.

Перочинным ножом открыл замок. Эта рутинная работа уже начала мне надоедать. Выдвинул нижний ящик стола. Героин он не нашел. Ящичек стоял у дальней стенки.

Напряжение разом схлынуло. Я достал из карманов конверты, разложил их на прежние места. Посмотрел на блокнот. Листок с записанными мною телефонными номерами он оторвал.

Я вздохнул. Повторение — мать учения. Вытащил бумажник, выудил из него листок с телефонными номерами, записал в блокнот.

Стер свои отпечатки пальцев, выскользнул из кабинета и покинул здание.

Отшагал несколько кварталов, бросил "дипломат" в приглянувшуюся мне урну. Он мне больше не требовался. Больше я не собирался таскать героин по городу. Я уже доставил его в нужное место.

Я слишком устал, чтобы спускаться в подземку, поэтому остановил такси и плюхнулся на заднее сиденье. Трудный выдался у меня денек. Очень трудный.

Тут я подумал о телефонных номерах. Этот сукин сын наверняка знал собственный почерк и наверняка помнил, что записывал эти телефоны на листке, а не переписывал их в блокнот. У него, скорее всего, зародились какие-то подозрения. Может, он ударится в панику. Может, позвонит, кому следует, и скажет, что дело нечисто. Это меня устраивало. Полиция через своих осведомителей узнает, что Брассар задержался. Естественно, после его смерти.

Но я точно знал, что в этот вечер он в свою контору не вернется. Он проведет его с Моной. И эти четыре номера останутся в блокноте до следующего утра.

Мне же предстояло позаботиться о том, чтобы Брассар их уже не увидел.

Глава 8

После обеда я запаковал чемодан и выписался из "Коллингвуда". На Гранд-Централ заглянул в камеру хранения, поставил чемодан в ячейку. Заряженный револьвер лежал во внутреннем кармане пиджака. При ходьбе он нелепо оттопыривал пиджак, и его мотало из стороны в сторону. В туалете электрички, идущей в Скардейл, я вытащил револьвер из кармана и засунул за пояс брюк.

Когда электричка подъезжала к Скардейлу, меня начала бить дрожь.

Чистый и свежий воздух разительно отличался от наполненного неприятными запахами воздуха Нью-Йорка. Природа обещала подарить людям прекрасный день.

С главной улицы я свернул на боковую. Потом на вторую, на третью. И попал в тот район Скардейла, где проживал средний класс. Идти мне пришлось долго, потому что многие держали автомобили в гараже. Наконец мои поиски увенчались успехом.

На левой стороне улицы стоял зеленый "меркурий", на правой — черный "форд", модель прошлого года. Я искал именно черный "форд". По той же причине искал бы его и наемный убийца, роль которого я играл. Ординарный, не привлекающий к себе внимания автомобиль, каких много. Если уж надо украсть автомобиль, чтобы кого-то убить, крадут черный "форд". Таково одно из правил игры.

Оставалась, правда, одна неувязка. Владелец "форда" мог в любой момент обнаружить пропажу и позвонить копам. "Форд" сразу объявят в розыск, а мне не хотелось, чтобы копы помешали довести дело до конца.

Вот тут пригодился и "меркурий".

Работал я быстро. Снял номерные знаки с "меркурия", перенес их к "форду", снял номерные знаки с "форда", закрепил на нем номерные знаки с "меркурия", опять пересек улицу, поставил номерные знаки "форда" на "меркурий". Произведенный обмен номерных знаков менял ситуацию в мою пользу. Владелец "форда" сообщит в полицию об угоне, а вот владелец "меркурия" и не заметит, что на его автомобиле стоят совсем другие номерные знаки. Так что полиция ничего не узнает. Копы будут искать "форд" совсем с другими номерами, не обращая на мой ни малейшего внимания. Что очень даже меня устраивало.

Обе пары пластин с номерными знаками я тщательно протер носовым платком, затем натянул на руки обычные резиновые перчатки, из тех, что продаются в аптечных магазинах. После этого огляделся, произнес короткую молитву и открыл дверцу "форда". Сел за руль и занялся проводами, подведенными к замку зажигания. Заводить автомобиль без ключа я научился в четырнадцать лет. Такие навыки с возрастом не забываются.

Мотор замурлыкал. Тихим ходом я подкатил к перекрестку, повернул раз, другой, третий, а потом выехал на шоссе и взял курс на север, в сторону Чешир-Пойнт. Скардейл я покинул без сожаления. Прекрасное место для автомобильных воров, но жить там мне бы не хотелось.

Сравнения с Чешир-Пойнт Скардейл не выдерживал. На участках, площадью в акр и больше, стояли огромные особняки, от которых шел запах денег. Жить здесь могли только богачи.

Покружив по городу, я нашел Роскоммон-драйв. Она была пошире остальных улиц, а посередине тянулась разделительная полоса, пять ярдов зеленой травы и кустов. Поглядывая на номера домов, я добрался до особняка Брассаров. Я и раньше представлял себе этот дом. Но открывшееся моим глазам превзошло все ожидания. В мгновение ока образ Л. Кейта Брассара, наркобарона, стерся из памяти, уступив место образу респектабельного бюргера. Глядя на лужайку, на огромный вяз, я видел перед собой благообразного старичка. С немалым трудом мне удалось избавиться от этой иллюзии. Я напомнил себе, что не такой уж милый этот старичок, а особняк, который я видел перед собой, оплачен сотнями искалеченных женщин. И женат он на женщине, которую я люблю. Я напомнил себе, что он — отвязленный мерзавец, и я намерен застрелить его именно как отвязленного мерзавца, так что совесть моя будет чиста.

Теперь предстояло найти железнодорожную станцию. Мона говорила, что по утрам он шел на станцию пешком, а машину оставлял ей. То есть станция располагалась поблизости, и мне лишь предстояло выяснить, где именно.

Станцию нашел "форд", я не приложил к этому ни малейших усилий. Он ехал и ехал, пока не остановился возле невзрачного, выкрашенного в коричневый цвет здания, мимо которого тянулись рельсы. А затем "форд", демонстрируя великолепную память, быстренько отыскал обратную дорогу к Роскоммон-драйв. На это у него ушло семь минут.

Передо мной встала задача: как убить время. Я подумал о том, чтобы припарковаться у дома Брассара и подождать его. Но он мог выглянуть из окна, увидеть "форд", что-то заподозрить... Поэтому я отправился на поиски закуской.

Естественно, нашел. С автостоянкой, куда я и свернул. Заглушил мотор, снял перчатку, сунул в карман. Кофе мне подали черный, крепкий, горячий.

Вернувшись к "форду", я натянул резиновые перчатки, а уж потом открыл дверцу, сел за руль и снова поехал на Роскоммон-драйв.

Часы показывали половину девятого. Очень хотелось курить. Но я отказал себе в этом удовольствии, помня о том, какие чудеса творят с табачным пеплом полицейские эксперты. Рассудком я понимал, что это не имеет значения. Они могли раскопать все: какую марку сигарет я курю, какой зубной пастой пользуюсь, носу семейные трусы или плашки, но все это не позволит им назвать мои имя и фамилию. Никтоим образом копы не могли связать меня и Брассара. Даже если у них будут все мои приметы.

Но курить я все-таки не стал. Опустил стекло в передней дверце со стороны пассажирского сиденья, расстегнул пиджак и вытащил из-за пояса револьвер. Сжал в руке, положил указательный палец на спусковой крючок. Странные ощущения вызывает револьвер, если держать его в руке, затянутой в резиновую перчатку.

Без четверти девять.

Дубовая дверь распахнулась. Я увидел Брассара, в деловом костюме, с кейсом в руке. Мона провожала его, вся такая домашняя, в бигуди. Он повернулся и они поцеловались. Потом Брассар зашагал к станции, удаляясь от меня, а Мона вер-

нулась в дом. Я тронул "форд" с места, медленно сокращая разделявшее нас расстояние.

Для человека его возраста он шагал очень даже быстро.

Я прибавил скорость, а когда "форд" поравнялся с Брассаром, нажал на педаль тормоза и перегнулся через пассажирское сиденье. На скрип тормозов он повернулся — неторопливо, без малейшего испуга, разве что с любопытством.

Я нацелил на него револьвер и выстрелил.

Абсолютную тишину пустынной улицы разорвало громом. Я даже не ожидал, что выстрел будет таким оглушительным.

Думаю, первой пули вполне хватило, чтобы отправить его на тот свет. Она попала ему в грудь, в паре дюймов пониже сердца, и он рухнул на колени. На лице застыло недоумение, даже обида. Кейс упал на асфальт. Больше мне стрелять не хотелось. Первая же пуля убила его.

Но профессионалы так не работают. Профессионалы исключают малейший риск. Не мог рисковать и я. Поэтому расстрелял все патроны.

Вторая пуля угодила в живот, и Брассар согнулся пополам. Третья прошла мимо, четвертая несла ему полголовы. Пятая и шестая тоже попали в него, но я не помню, куда.

Револьвер я выкинул через окно на тротуар, поближе к телу. Нажал на педаль газа, и "форд", к радости свидетелей, если таковые имели место быть, буквально прыгнул вперед. Два квартала я промчался вихрем, потом резко повернул и тут же сбросил скорость до двадцати пяти миль в час. До станции я ехал положенные семь минут.

Свернул на автостоянку, заглушил мотор, поставил "форд" на ручник. Вылез из машины, захлопнул дверцу, стянул с рук резиновые перчатки, вытер ладони о брюки и пару раз глубоко вдохнул.

Затем направился к станции. В газетном киоске купил утренний выпуск "Таймс", поджидая поезда, заставил себя прочитать заголовки.

Подъехал поезд, и я вошел в вагон. Осторожно осмотрелся, но никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Десятки мужчин в деловых костюмах читали "Таймс", ни один не удостоил меня и взгляда. С какой стати?

Я ничем от них не отличался.

Глава 9

Пригородный поезд доставил меня на Гранд-Централ. Я сложил "Таймс", сунул под мышку и вышел из вагона. Несколько секунд ушло на то, чтобы сориентироваться, а потом я направился к камере хранения. Нашел нужную ячейку, достал из кармана ключ, открыл дверцу, вытащил мой чемодан. Далее мой путь лежал к окошечку кассы. Седовласый старичок в очках с затемненными стеклами продал мне билет до Кливленда. В "Справочном бюро" мне сообщили, что следующий поезд до Кливленда отправляется через тридцать восемь минут с 41-й платформы. Ее я нашел достаточно быстро и скоро уже сидел на скамейке, поставив чемодан между ног.

В Олбани мы прибыли по расписанию. В Утику опоздали на пять минут, в Сиракузы — на семь. Восемь минут растеряли по пути в Rochester, еще пять — добираясь до Буффало. Потом постояли на вокзале в Буффало. И в Кливленд поезд притащился без четверти десять. Я сошел с чемоданом в руке и решил найти сначала отель, а потом ресторан.

Отель находился на углу Тринадцатой улицы и Пейн-авеню. Он знал лучшие времена, но по-прежнему обеспечивал неплохой уровень обслуживания. В номере были и душ, и большая кровать. Я переоделся и пошел пообедать.

Заказал в ресторане стейк, вареный картофель и салат из шпината. Перед едой выпил бурбон с водой, после — черный кофе.

"Кливленд-пресс" об убийстве не написала. На ее страницах господствовали местные новости: коррупция в муниципалитете, пожары, драки в барах. Нашлось место и для колонки стихов местного поэта, от которых меня чуть не стошнило.

Я бросил газету в урну и отправился на поиски газетного киоска, в котором бы продавались нью-йоркские издания. В одном из них я нашел "Телли". Купил, вернулся в отель и внимательно пролистал.

Первая страница меня разочаровала, однако поиски завершились успехом: двадцать вторая страница порадовала меня шестью абзацами в третьей колонке под заголовком аж в две строки:

"МУЖЧИНА ЗАСТРЕЛЕН У СВОЕГО ДОМА В УЭСТЧЕСТЕРЕ

Сегодня грохот выстрелов разорвал тишину раннего утра в Чешир-Пойнт. Стреляли из движущегося автомобиля. Пять пуль оборвали жизнь известного импортера на пороге его дома.

Убитый, Лестер Кейт Брассар, проживал в доме 341 по Роскоммон-драйв. Штаб-квартира компании, принадлежащей 52-летнему импортеру, находится на Манхэттене. Его убили, когда он уходил на работу. Полиция обнаружила угнанный автомобиль, из которого, по мнению экспертов, и стреляли в Брассара, в нескольких кварталах от места трагедии.

Мона Брассар, жена убитого, не смогла сообщить что-либо о возможном мотиве убийства, совершенного в типичной гангстерской манере. "У Кейта никогда не было врагов", — сказала она полиции и репортерам, но признала, что в последнее время он немного нервничал. "Наверное, возникли какие-то неурядицы с бизнесом, — добавила она. — Потому что в личном плане никаких проблем у него не было. В этом я уверена".

Арнольд Швернер, детектив из полицейского участка Чешир-Пойнт, согласился с тем, что убийство выглядит бессмысленным. "Должно быть, его застрелили по ошибке, — предположил он. — Работал, судя по всему, профессионал".

Швернер отметил, что способ убийства — несколько выстрелов из движущегося автомобиля, уже много лет успешно используется в гангстерских разборках.

Расследование убийства полиция Чешир-Пойнт ведет в тесном контакте с полицией Манхэттена".

Последний абзац меня порадовал. Раз подключилась полиция Манхэттена, значит, копы полагают, что убийство связано с бизнесом Брассара, следовательно, обязательно заглянут в его контору. Сомневаться в том, что они найдут героин, не приходилось. В профессионализме копам Манхэттена не откажешь.

Я перечитал абзац, в котором речь шла о Моне, и мои губы непроизвольно разошлись в улыбке. Свою роль она отыграла блестяще, выбрав совершенно правильный тон. У Кейта никогда не было врагов — если не считать его очаровательной жены и ее бой-френда. В последнее время он немного нервничал. Наверное, возникли какие-то неурядицы с бизнесом. Потому что в личном плане проблем у него не было. В этом она уверена.

Мона ничего не старалась им объяснить, но намекала, где и в чем надо искать повод для убийства. И я не подкачал — убийство выглядело типичной гангстерской разборкой. Теперь оставалось ждать, пока полиция найдет героин. На том все и закончится. Копам станет ясно, что преступники что-то не поделили и решили вопрос доступными им средствами. Искать другие мотивы — пустая трата времени.

Я бросил газету в корзинку для мусора. Закурил, сел в кресло. Хотел обдумать планы на будущее, но поначалу ничего не вышло. Я видел перед собой изумленное лицо Лестера Кейта Брассара. Я и не знал, что его зовут Лестер. Не удивительно, что он предпочитал, чтобы его звали Кейт. На его месте так поступил бы каждый.

Я видел его лицо. Слышал выстрел. Потом увидел себя, перегнувшегося через пассажирское сиденье черного "форда", всаживающего пулю за пулей в труп. Если верить газете, полиция полагала, что стрельба велась из движущегося автомобиля. Меня эта версия устраивала. Из нее следовало, что убийц было двое: один стрелял, второй вел машину. Эксперты, конечно, выяснят, что на самом деле все было не так, но к тому времени пыл следователей заметно угаснет. А пока пусть они думают, что убийц было двое. Или пятеро. Хоть целый взвод.

Мы наметили, что Мона улетит в Майами через неделю, максимум, через десять дней после убийства. Сегодня среда. Следовательно, в "Эдем Рок" она должна была приехать не позже следующей субботы. Я сказал ей, что появлюсь там раньше. Естественно, меня здесь ничего не держало. Я мог отправляться в Майами в любой момент, хоть сейчас.

Глава 10

Я попал на первую страницу "Таймс". Не в верхнюю половину, ее отдали очередной склоке в Совете безопасности ООН. И даже не на середину нижней, там речь шла о коррупции в муниципалитете. Однако, по стандартам "Таймс", я получил очень хорошее место: две колонки по десять дюймов в нижнем левом углу. "Таймс" предложила следующий заголовок: "В УБИЙСТВЕ В ЧЕШИР-ПОИНТ ПРОКЛЮНУЛСЯ НАРКОТИЧЕСКИЙ СЛЕД". Детективы обнаружили героин после, как указала "Таймс", "тщательнейшего обыска конторы Брассара в доме 117 по Чамберс-стрит". Лично я не видел необходимости в тщательнейшем обыске: один конверт с героином торчал из-под папок, еще три лежали в среднем ящике. Но я не собирался спорить с "Таймс".

Розничная стоимость перехваченной партии героина, по мнению "Таймс", превышала миллион долларов. Откровенно говоря, я так и не понял, что газета хотела этим сказать. Чтобы попасть в розничную продажу, то есть на улицы, героину предстояло пройти через руки десятка, а то и больше посредников. И никто не мог знать, сколько чистого героина останется в дозе, купленной наркоманом. Поэтому расчет стоимости оптовой партии героина исходя из цены розничной дозы, показался мне полным абсурдом. Но с другой стороны, стоило ли задумываться о такой ерунде?

Обнаружив героин, копы тут же сложили два и два. Естественно, в сумме у них получилось четыре. Телефонные номера, сообщила "Таймс", вывели копов на увеселительные заведения, где всегда продавались наркотики. Тут у меня поневоле возник вопрос: если полиции известно, что в неких увеселительных заведениях продаются наркотики, то почему их до сих пор не закрыли? Ответа в заметке я не нашел. Имея в своем распоряжении героин и телефонные номера, заглянув в бух-

галтерские книги Брассара, полиция смогла сделать вывод, что Лестер Кейт Брассар импортировал не только зажигалки. А уж потом, учитывая механику убийства, копам осталось лишь подвести черту: Брассара убили конкуренты. То ли он им насолил, то ли не захотел делиться. Репортер "Таймс", должно быть, насмотревшийся фильмов о мафии, предположил, что это убийство — последствие встречи главарей мафии в Аппалачах, где те приняли решение взять под свой контроль торговлю наркотиками. Отталкиваясь от этого постулата, репортер сделал вывод, что Лестер Кейт отказался идти под крылышко мафии, и с ним расправились в назидание другим. Мне всегда нравились журналисты с богатым воображением.

Моне в статье уделили три или четыре абзаца, в которых написали именно то, что я и хотел прочитать. Убитая горем вдова пришла в ужас, узнав о находках полиции. Ранее она пребывала в полной уверенности, что ее муж — добропорядочный, законопослушный гражданин. Действительно, она не очень-то представляла себе, чем он зарабатывает на жизнь. Он относился к тем людям, которые занимаются делами исключительно на работе. Знала только одно — зарабатывал он неплохо. Но не могла поверить, что заработки эти связаны с криминалом. Да нет же, Кейт просто не мог быть преступником!

В Моне умерла великая актриса.

Статья мне понравилась. И тем, про что в ней написали, и тем, что осталось за кадром. К примеру, практически полностью ушло в тень само убийство. Несколько свидетелей дали взаимоисключающие показания. Один из них настаивал, что киллеров было трое, и перед тем, как началась стрельба, он услышал крик: "Это тебе за Эла, сволочь". Другие выдвинули более правдоподобные версии, но и они не соответствовали действительности. Но самое важное заключалось в другом: убийство уже никого не волновало. Широкой общественности открылось истинное лицо Брассара, и никто не требовал его отмщения. Полиция сосредоточилась не на поисках убийц или убийцы, а на каналах распространения героина, оставив Мону в покое. Ей могли досаждают лишь несколько очень уж настойчивых репортеров, но я знал, что она сумеет отделаться от них. И теперь никто не удивится, если она выставляет дом на продажу и отправится во Флориду, чтобы прийти в себя от испытанного шока. А уж наша свадьба, которая состоится через четыре или пять месяцев, и вовсе пройдет незамеченной. Нам-таки удалось совершить идеальное преступление. И полиция, и пресса, и публика поверили тому, чего не было и в помине.

— Принести вам журнал, сэр?

Я покачал головой.

— Желаете кофе, чай, молоко?

Я вновь ответил отказом, и стюардесса, очаровательная куколка, двинулась дальше по проходу между креслами, чтобы докучать кому-то еще.

Из Кливленда я улетел в воскресенье утром, прямым рейсом до Майами. Накануне позвонил в "Эдем Рок" и забронировал одноместный номер. В этом мне повезло. Когда-то отели Майами-Бич летом пустовали. Теперь там круглый год полно отдыхающих, хотя зимой цены существенно выше.

— Прошу внимания.

Я прислушался к мужскому голосу, раздававшемуся из динамиков громкой связи, гадая, что случилось. Я вспомнил, что сижу в самолете, а самолеты иногда падают и разбиваются. Неужели это тот самый случай?

Но тот же голос поведал мне, на какой высоте мы летим и какая температура в Майами. Я узнал, что условия для посадки идеальные, и мы прибудем в аэропорт назначения точно по расписанию. Свое сообщение капитан закончил сове-

том и в дальнейшем летать на самолетах именно этой авиакомпании, и я отругал себя за панические мысли. Какой же я идиот!

Мы действительно приземлились в точно назначенное время. Я поднялся, вышел из салона, попрощавшись со стюардессой и отправился в здание аэровокзала дожидаться багажа.

Десять минут спустя я снял с транспортера свой чемодан, предъявил служителю багажный талон и понес чемодан к ожидающему лимузину, одному из тех, что курсировали между аэропортом и Майами-Бич. Высокий, худощавый водитель определенно родился в этом штате. Я это понял по выговору и по полному отсутствию загара. Люди, всю жизнь прожившие в Майами, знают, что нельзя злоупотреблять солнечными ваннами. И целые дни проводят на пляже только заезжие янки.

С автомобилем он управлялся как надо и доставил меня к отелю быстрее, чем я ожидал. Коридорный подхватил мои вещи, и я проследовал за ним к регистрационной стойке. Естественно, они забронировали мне номер и подготовили его к моему приезду. Добро пожаловать в наш отель, мистер Марлин. Пожалуйста, сюда, сэр.

Номер мне отвели на пятом этаже, с огромной ванной и видом на океан. Я взглянул в окно и увидел бронзовые тела на золотом песке.

Тихий день, жаркое солнце, освежающая вода. Что еще можно пожелать для полного счастья. На пляже я задержался надолго. К тому времени ряды загорающих поредели. Толстяки средних лет из Нью-Йорка уже намазались кремом от ожогов, переоделись в кричащие рубашки и шорты и отправились играть в кункен на веранду. Солнце уже зацепилось краем за горизонт.

После обеда я пошел в варьете. Звездой шоу была грудастая певица, которая живую пела еще хуже, чем на пластинках. Но комик действительно повеселил меня, да и музыканты играли вполне пристойно. Спиртное стоило дорого. Но меня это не волновало. Когда придет время платить по счетам, Мона будет со мной. И денег у нас будет выше крыши.

На том суббота и закончилась. За ней последовали воскресенье, понедельник, вторник. Кожа у меня потемнела, мышцы стали еще рельефнее — я много плавал. В понедельник я заглянул в тренажерный зал, поработал на снарядах, потом пошел в сауну. Здоровенный поляк пятнадцать минут делал мне массаж, и с его стола я встал другим человеком. Все у меня было хорошо.

В среду я начал ее ждать. Вторую половину дня просидел в холле, каждые десять минут бросая взгляд на регистрационную стойку. Со дня убийства прошла неделя, и она могла появиться в любой момент. Ее приезду уже ничего не мешало. Пресса об убийстве практически забыла, лишь "Таймс" иной раз давала крошечную заметку о продолжающемся расследовании на одной из последних страниц. Так что я ее ждал.

В четверг она тоже не приехала, и я начал выказывать нетерпение. Я же сказал ей, через неделю, максимум, через десять дней. С устранением Брассара все прошло на удивление гладко. Так чего тянуть? Все ясно и понятно. К черту игры в секретность. Я хотел, чтобы моя женщина была при мне.

Она не объявилась и в пятницу.

Вечером я крепко набрался. Сидел у стойки бара и опрокидывал один стаканчик бурбона за другим. Коридорный помог мне дотянуться до номера, а утром я проснулся с тяжеленным похмельем.

Пошла моя вторая неделя в Майами-Бич. И никаких следов Моны. Я просидел в холле весь день, но так и не увидел ее.

Меня прошиб пот. Я уже встал, чтобы подойти к регистрационной стойке и спросить, не забронировала ли она номер, но в последний момент сообразил, что делать этого никак не следует. Поэтому отправился в ближайший бар и заказал "коллинз". Там же нашелся и телефон-автомат. Я позвонил в отель "Эдем Рок" и попросил соединить меня с миссис Брассар.

— Один момент, — ответила телефонистка. Пауза, потом недоуменный голос. — Извините, но в отеле такая не проживает.

— Если вас не затруднит, узнайте, не забронировала ли она номер.

Ее это нисколько не затруднило. Она связалась с регистрационной стойкой и выяснила, что миссис Брассар номер в отеле "Эдем Рок" не бронировала.

Я вернулся к стойке и опрокинул стаканчик. Потом вновь прошел к телефону. Может, она забыла название отеля? Может, в "Эдем Рок" не нашлось свободных номеров? Я обзвонил полдюжины самых больших отелей. "Фонтенблос", "Американа", "Шерри Фортенак", "Мартиник", названия еще двух забылись. Всякий раз сначала я просил соединить меня с миссис Брассар, потом спрашивал, не забронировала ли она номер.

Но найти Мону мне не удалось.

Я понимал, что все это не случайно, что разгадка этой головоломки есть, надо только хорошенько подумать. Я ломал и ломал голову, но не находил удобоваримого ответа. И внезапно понял, каково быть крысой в лабиринте.

Миновали вечер и ночь, утром я отправился на пляж, чтобы солнце выжгло из меня и горечь, и тревоги. Я плавал, спал, ел и пил. Так прошло воскресенье.

В понедельник встал поздно. Спустился позавтракать и уже направлялся к лифту, когда меня окликнул портье.

— Мистер Марлин...

Я мог бы прикинуться, что не услышал его. Но счет мне все равно вручили бы, так что оттягивать неизбежное на час или день не имело никакого смысла. Я полагал, что денег мне пока хватит. Подошел к стойке. Он встретил меня белозубой улыбкой.

— Ваш счет, — и протянул мне сложенный желтый листок.

Я доказал, что тоже знаком с хорошими манерами, сунув листок в карман, не взглянув на итоговую сумму.

— И письмо, — добавил он, передавая мне конверт. Вот тут сработал рефлекс, потому что и письмо последовало за чеком, хотя мне безумно хотелось разорвать конверт, едва он попал в мои руки.

— Благодарю.

— Как долго вы намерены оставаться у нас, мистер Марлин?

Я покачал головой.

— Трудно сказать. У вас прекрасный отель. С ним не хочется расставаться.

Он просиял.

— Может, побуду здесь еще несколько дней. Может, неделю. А то и две. С другой стороны, могу уехать и завтра. Трудно сказать.

Портье все улыбался. Неприлично, знаете ли, уходить от человека, который так мило тебе улыбается, но и в улыбке надо знать меру. Так что я направился к лифту, предоставив своей спине возможность полюбоваться его улыбкой.

В номере я первым делом развернул счет. Сумма произвела на меня впечатление. \$443.25. Больше, чем я предполагал. Слишком долго я тут жил, слишком хорошо пил и ел. Таких денег у меня не было.

Я сложил желтый листок и нашел для него место в бумажнике. Потом взял конверт и долго вертел в руках, словно ребенок, пытающийся догадаться, какой подарок принес ему Дед Мороз. Пухлый конверт. Без обратного адреса.

Я его вскрыл.

В конверте лежали деньги. Завернутые в лист белой бумаги.

Сотенные.

Я их сосчитал, думая о том, что лишь несколько секунд назад волновался из-за счета, выставленного отелем. Тридцать штук, все новенькие, хрустящие. Тридцать сотенных. Три тысячи долларов.

Огромные деньги.

И все мои тревоги сняло, как рукой, потому что я знал, что теперь тревожиться не о чем. Мона не забыла обо мне. И с наследством у нее полный порядок, иначе она не смогла бы послать мне три "штуки" наличными.

Так что все идет как надо.

Я взвесил купюры на ладони. Не просто деньги — символ. Символ того, что все у меня хорошо и волноваться абсолютно не о чем. Прислав деньги, она извинялась за опоздание и говорила, что разлука скоро закончится. При этой мысли меня обдало жаром. Скоро. Очень скоро.

Ее задержали. Такое случается. А письмо, телефонный звонок, телеграмма — слишком большой риск. Она верила, что я ее жду, вот доказывала это делом. Я почувствовал укол совести: как я вообще мог волноваться?

Я надел плавки, перебросил через плечо полотенце, отсчитал шесть сотенных. Остальные положил в бумажник, бумажник — в ящик комода. Огляделся в поисках корзинки для мусора, но передумал, и конверт лег рядом с бумажником.

В Майами-Бич можно спускаться в холл в плавках. Владельцев отеля заботят не внешние приличия, а наличные в карманах постояльцев.

Портье встретил меня той же улыбкой.

— Решил расчитать по пути на пляж. — Я положил на стойку пятьсот долларов. — Сдачи не надо. Внесите ее в счет. В плавках только один карманчик, и много денег туда не засунешь. Не эстетично. — И уверенной походкой, широко расправив плечи, вышел из отеля.

Погода стояла прекрасная, и я не стал терять времени зря. Расстелил полотенце на песке и бросился в воду. Волны в этот день были сильнее обычного, но меня это не смущало.

Поплавав и позагорав, я поднялся на веранду, заказал "коллинз" с водкой. Потом снова вернулся на пляж, и вытянувшись на полотенце, не заметил, как заснул.

А когда проснулся, солнце уже зашло. И унесло с собой жару. Песок остыл, по моей коже побежали мурашки. Я завернулся в полотенце и потопал в свой номер.

Пусть вам покажется это странным, но с заходом солнца испарилось и мое прекрасное настроение. Вновь появились сомнения, тревога. Мысленно я себя отругал. В чем же дело? В выражении лица Брассара, грохоте и пяти пулях? Я иногда думал об этом, особенно в сильном подпитии. Но сейчас меня занимало не это.

Что-то другое.

Я шагнул к комоду и выдвинул ящик. Взял бумажник, раскрыл, полюбовался на прекрасные зелененькие прямоугольники, прибывшие ко мне из Нью-Йорка. Посмотрел на конверт.

Может, я что-то заметил и раньше. Есть у людей такая особенность — видеть, но не фиксировать в сознании. Однако в подсознании эти видения остаются, а потом начинают рваться наружу.

Или у меня поехала крыша?

Однако что-то не складывалось. Что-то пошло не так, пусть я и старался убедить себя, что все будет хорошо. Может, за несколько часов, которые я проспал на солнце, подсознание нашло способ послать весточку сознанию?

Я пригляделся к конверту, присланному из Нью-Йорка, и мои глаза буквально вылезли из орбит.

На нем стоял почтовый штамп Лас-Вегаса.

Глава 11

Наутро, после завтрака, я выписался из "Эдем Рок". Портье простился со мной с сожалением. Однако улыбка ни на мгновение не покидала его лица.

Он проверил счет.

— Мистер Марлин, на вашем счету остается около тридцати долларов.

— Знаете, я забыл отблагодарить горничных, — ответил я. — Позаботьтесь об этом, хорошо?

Мои слова удивили и порадовали его. Мне же осталось только гадать, сколько денег прилипнет к его рукам. Впрочем, меня это не волновало. Я мог прекрасно обойтись без этих тридцати долларов и знать не хотел, кому они достанутся.

Вообще, в тот момент меня мало что волновало.

Телефон я нашел в баре, не в том, откуда звонил по отелям, разыскивая Мо-ну, но и этот мало чем отличался от первого. Прежде всего я позвонил в Справочную службу Чешир-Пойнт и узнал телефон самой крупной риэлтерской конторы. Связался с ней и спросил, не числится ли в их списках дом 341 по Роскоммондрайв. Не числился. Тогда я спросил, нельзя ли узнать, кто занимается продажей этого дома. Мне ответили, что можно и обещали перезвонить, при условии, что оплачивать разговор буду я.

Я не возражал. Перезвонили мне через несколько минут.

— Продажей дома занимается Луи Пирс. Из риэлтерской фирмы "Пирс и Пирс". — Мне продиктовали телефон, который я аккуратно записал на салфетку. — Начальная цена слишком высока, — поделился со мной мой собеседник. — Если хотите, я найду вам такой же дом, в том же районе, но стоить он будет на пять тысяч меньше. И это не последняя цена. Вас не интересует мое предложение?

Я ответил, что мне надо подумать, и пообещал перезвонить позже. Затем набрал номер "Пирса и Пирса" и попросил соединить с Луи Пирсом. Что было сделано незамедлительно.

— Фред Зиглер позвонил мне. Сказал, что вы положили глаз на дом 341 по Роскоммондрайв. Правильный выбор. Прекрасный дом, чудесный участок. И деньги просят небольшие, — сообщил мне Пирс.

Я чуть не сказал ему, что Фред Зиглер придерживается иного мнения, но вовремя прикусил язык.

— Дом я видел и не собираюсь покупать его. Мне нужна кое-какая информация.

— О?

— О миссис Брассар.

— Слушаю вас. — От былой доброжелательности не осталось и следа. Голос звучал настороженно.

— Ее адрес.

Пауза, очень короткая.

— Мне очень жаль, но миссис Брассар оставила на этот счет четкие инструкции. Строго-настрога запретила сообщать кому-либо ее адрес. Так что, извините.

Я и не ожидал другого ответа. И достойно подготовился к продолжению разговора.

— Да нет, вы меня не так поняли. Она сама написала мне, сообщила, где остановилась. Но я потерял ее невадский адрес.

Он ждал продолжения. Но я держал паузу.

— Она написала вам? Сообщила, где остановилась, но вы потеряли письмо, так?

— Совершенно верно.

— Только прошу вас, не подумайте, что я вам не верю... однако, если бы кто-то упомянул в письме название отеля на Тахо, оно бы не выпало у меня из памяти. С другой стороны, память у меня получше, чем у многих. Но я могу лишь повторить то, что услышал от нее. Она запретила сообщать кому-либо ее новый адрес.

Но он его уже сообщил.

Как положено, я какое-то время еще уламывал его, потом признал, что иначе он поступить не может, поблагодарил и повесил трубку. Судя по всему, Луи Пирс так и не понял, что проболтался.

Я подхватил чемоданы, вышел из бара, поймал такси и попросил отвезти меня в аэропорт.

Удача явно была на моей стороне, когда я упомянул Неваду вместо Вегаса. Наверное, потому, что думал об адресе, а не о городе или штате. Мне ведь и в голову не приходило, что она могла поселиться в одном городе, а письмо отправить из другого. Но результат превзошел все мои ожидания. Я искал ее адрес и заполучил его с первой попытки.

Тахо. Не Вегас. Прекрасное озеро Тахо, на берега которого меня еще не заносила судьба. Но кое-что я о Тахо знал. Курорт этот небольшой, и я мог не сомневаться, что найду ее, пусть риэлтер и не назвал мне название отеля, в котором она остановилась.

Тахо.

И тут же перед моим мысленным взором возникла забавная картинка: Мона Брассар бросает кости в одном из роскошных клубов-казино Тахо и смеется до слез, вспоминая дуралей, который разыскивает ее в Вегасе. Действительно, смешно. Пожалуй, решил я, она удивится, увидев меня.

Прямого рейса до озера Тахо не было. Зато компания "Транс уорлд эйрлайнз" бралась доставить меня в Вегас всего с одной промежуточной посадкой в Канзас-Сити. Меня это вполне устраивало. Я и не собирался сразу лететь на озеро Тахо. К встрече с Моной следовало подготовиться. А временем меня никто не ограничивал.

Мне не приходилось тревожиться из-за следующего шага: я точно знал, что и когда надо сделать. И конечный результат не составлял для меня тайны: и Мона, и деньги будут при мне.

Пилот изумил всех мягкой посадкой в Канзас-Сити. Двадцать пять минут я провел в новеньком здании аэровокзала, еще пахнущем краской и пластиком. Поиграл в китайский бильярд. Сыграл удачно. У меня было в запасе семь бесплатных партий, когда объявили посадку. Я кликнул какого-то скучающего парнишку и сказал ему, что он может сыграть эти партии за меня. Удостоился его изумленного взгляда и ретировался в самолет.

Вторая часть перелета прошла куда как лучше. То ли они поменяли пилота, то ли атмосферу, но до самого Лас-Вегаса самолет даже не качнуло. Я позволил

стюардессе накормить меня вполне сносным обедом и дважды или трижды наполнить мою чашку кофе. Еда легко добралась до желудка и осталась там. Мое отхождение к воздушным путешествиям начало меняться.

В Вегасе я сразу же отправился на такси в "Дюны". Номер я заказал заранее, по телефону, и он уже меня ждал.

Я принял горячий душ, вытерся, оделся, распаковал вещи. Спустился вниз, нашел казино. Там толпился народ: ни в одном городе не встретить столько празднующихся. Женщины, ждущие развода, гангстеры, приехавшие расслабиться...

На рулетке шесть раз подряд шарик остановился на красном. За столом для блэджера какой-то невзрачный мужичонка выиграл семь раз подряд. Толстяк срубил "джекпот" у однорукого бандита, поменял десятицентовики на монеты в полдоллара и тут же спустил все у другого игрового автомата.

Вегас.

Я наблюдал, как люди выигрывали и проигрывали. Игра велась честно. Казино не жульничало. Зачем? С каждой сделки его хозяева имели процент и богатели. Деньги, сделанные на незаконной торговле спиртным, оружием, наркотиками, проституции, легально вкладывались в этот город, ставший памятником человеческой глупости.

Вегас.

Я наблюдал за игроками три часа. Осушил за это время полдюжины стаканов. Ни один человек не подошел ко мне.

А потом я отправился спать. Со всеми своими деньгами. Я не поставил ни цента. Я же не игрок.

Глава 12

Чемоданы я оставил в своем номере в "Дюнах": еще не пришло время выпиваться. В половине четвертого сел в автобус на Тахо. В салоне хватало свободных мест. И на шоссе автомобили не шли в затылок друг другу, поэтому доехали мы быстро. Поездка мне понравилась. Яркое солнце, чистый воздух. Я сидел один, смотрел в окно и курил. В салоне работал кондиционер, и дымок быстро утягивало вверх.

К озеру Тахо мы прибыли аккуратно в обеденное время. Есть действительно хотелось. Но сначала я заглянул в туалет автостанции, бросил четверть доллара в щель автоматически открываемой двери и закрылся в кабинке с чистыми полотенцами и большой раковиной. Помылся, вытерся, оделся, поправил галстук и вновь почувствовал себя человеком.

Победил в первом попавшемся ресторане. Съел много, но вкуса еды практически не почувствовал. Потом вышел из ресторана и отправился на поиски Моны.

Я понимал, что еще очень рано, но хотел ознакомиться с обстановкой. Если она все еще в Тахо, решил я, то обязательно будет играть. Казино, в отличие от Вегаса, тут встречались не на каждом шагу. Так что я не сомневался, что рано или поздно наши пути пересекутся.

В первом казино я постоял у стола для игры в кости и даже выиграл несколько долларов.

Во втором оставил выигрыш в чреве игрового автомата. Моны не было, и я двинулся дальше. Проходя мимо магазина с товарами для мужчин, увидел в витрине шляпу и решил, что она мне очень даже нужна: будет лучше, если я засе-

ку Мону, а вот она меня — нет. А шляпа могла послужить хорошим прикрытием. Благо, в большинстве казино насчет шляп никаких ограничений не было. Даже их владельцы заходили в игровые залы в шляпах.

Я завернул в магазин и купил шляпу. Итальянскую, "борзалино", за двадцать баксов. Глупо, конечно, тратить двадцать баксов на вещь, которая понадобится мне на один вечер, но я напомнил себе, теперь мне нет нужды заботиться о деньгах. Меня вполне устроила бы и шляпа за пять долларов, но в этом магазине продавали двадцатидолларовые. Я заплатил за "борзалино" и вышел из магазина уже в ней.

В начале десятого я наткнулся на них в "Чарлтон-рум". Я пил бурбон, стоя у рулетки, когда увидел их в нескольких рядах от себя, за столом, где играли в кости. Не дожидаясь остановки шарика, я быстренько отошел, прихватив с собой стакан.

Я знал, что она будет не одна. Даже заранее мог описать ее спутника. Черные волосы, черные, не темно-каштановые, широкие плечи, дорогая одежда. Аккуратная прическа, волосок к волоску, костюм, как влитой. Так выглядят только жиголо и геи. Этот геем не был.

Я знал правила игры. Она дает ему определенную сумму, которая останется у него независимо от того, улыбалась ему удача или нет. Разумеется, потом он говорит ей, что все проиграл, а она может поверить этой байке или нет, в зависимости от сиюминутного настроения.

Но вот еще одного нюанса она точно не знала: он имел свою долю от ее проигрышей. Идея эта исходила от казино. Условие ставилось одно: она должна подольше задерживаться у игровых столов. Она не могла этого знать, но проигрыши ее особо не волновали. Денег у нее хватало с лихвой.

Я попытался возненавидеть этого жиголо, но у меня ничего не вышло. Во-первых, он не сделал мне ничего плохого, во-вторых, я так много знал о его способе зарабатывать на жизнь только потому, что и сам время от времени занимался тем же самым.

А вот Мона меня удивила. Вроде бы, она всего добилась, все получила, и теперь ей оставалось только одно: радоваться жизни. Она же откровенно скучала. На своего красавца-жиголо не обращала никакого внимания, кости бросала так, словно они вызывали у нее отвращение.

Я всматривался в ее лицо и пытался понять, как уживаются в одном человеке красота, невинность и черная, как смоль, душа. Пытался представить, как мне жить с ней... без нее. Не получалось ни первого, ни второго.

Я бросил пятицентовик в щель игрового автомата. Медленно потянул за рычаг, потом смотрел, как вертятся диски. Вот они застыли, показав мне колокольчик, вишенку и лимон. Я понял, что играть с автоматами, запрограммированными на пять центов, куда интереснее, чем с долларовыми. Ничего не выиграешь, зато ничего и не проиграешь. Только убьешь время. Именно такая задача и стояла передо мной: убить время.

Вторая попытка. Три лимона. И двенадцать монет, высыпавшихся на поддон.

Я не мог жить с ней и не мог жить без нее. Проблема из проблем. Я уже пытался представить себе Мону в роли жены. Я знал, как устроена ее голова. Кейт умер не потому, что она его ненавидела, не потому, что возжелала меня. Просто она в нем больше не нуждалась. Он превратился в обузу, ненужную вещь. Вот она от этой вещи и избавилась. И мое появление на его месте принципиально ни-

чего не меняло. Может, она не убила бы меня, но бросила бы или сделала так, чтобы я бросил ее. Такая перспектива меня не устраивала.

И я чертовски хорошо знал, что произойдет, если я попытаюсь жить без нее. Каждую ночь, независимо от того, кто будет рядом со мной, я буду думать о ней. Перед моим мысленным взором будет возникать она, ее тело, ее лицо, в голову ползут вопросы: где она сейчас, с кем спит, какие носит наряды...

Нельзя сказать, что я оказался в уникальной ситуации. Куда как часто, убивая женщину, мужчина заявлял: "Она не пожелала стать моей, так пусть не достанется никому". Раньше я не принимал этой логики, но теперь...

Однако я уже решил для себя, что не смогу ее убить.

Я не мог жить с ней и не мог жить без нее. Я не мог ее убить. И уж конечно не собирался свести счеты с жизнью. Задача выглядела неразрешимой.

Я бросил в щель еще одну монетку и подумал о том, что, должно быть, очень умен, раз сумел найти ответ. Потянул за рычаг и уставился на вращающиеся диски.

Из "Чарлтон-рум" они направились еще в одно казино. И вышли оттуда уже за полночь. Потом пропустили по паре-тройке стаканчиков и, как мне показалось, немного захмелели. Я проводил их до "Ройкрофта", лучшего отеля в Тахо. В том, что они остановились именно там, сомнений у меня не было с самого начала.

Я задержался на улице и вошел в отель лишь после того, как они скрылись в кабине лифта. Огляделся. Большими деньгами здесь и не пахло. В сравнении с "Эдем Рок", "Ройкрофт" тянул разве что на ночлежку. Пожалуй, здесь я мог бы расплатиться по счету и сам.

Я нашел взглядом старшего коридорного и направился к нему. Первым делом он внимательно оглядел меня, от новой итальянской шляпы до туфель Кейта, потом встретился взглядом с моим.

— Пара, которая только что вошла в отель. Вы их заметили?

— Возможно.

Я позволил себе улыбнуться.

— Очень симпатичная парочка. Знаете, у меня сложилось ощущение, что вы не очень-то наблюдательный человек. Стоять рядом и не обратить на них внимания...

Он молчал.

— Я даже готов поспорить на двадцать долларов, что вы не знаете, в каком номере они остановились.

Несколько секунд он думал.

— Вы поспорили. В восемьсот четвертом.

Я дал ему двадцатку.

— Вы меня не убедили. Готов поспорить на сотню, что у вас нет ключа от их номера.

Он разве что не просиял.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Коридорный исчез, но вскоре вернулся. И я получил ключ в обмен на сотенную.

— Если возникнут осложнения, ключ я вам не давал.

— Я нашел его под ковриком.

— Вот-вот, — кивнул коридорный. — И, пожалуйста, без лишнего шума.

— Не извольте беспокоиться.

— Не понимаю.

— За сто двадцать баксов вам и не надо что-нибудь понимать.

Он пожал плечами.

— Любопытство-то гложет. Человеческая комедия.

— Любопытство наказуемо.

— Вы — ее муж?

Я покачал головой.

— Я так и думал. Но...

— Этот парень, что поднялся с ней. Вы его видели? С широкими плечами, аккуратно подстриженный.

По выражению лица я понял, что он думает об этом парне.

— Он — ее муж. А я всего лишь ревнивый любовник. Она дважды кинула меня.

— Можете не продолжать. Наверное, лучше смотреть телевизор. Там сюжеты поинтересней.

Я уселся в кресло, чтобы дать им время перейти к очередному номеру их программы. Смотрел на потолок, обитый звукоизолирующими панелями, и считал дырочки.

Потом вошел в кабину лифта. Лифтер внимательно изучал расписание заездов завтрашних скачек. Люди никогда не перестанут удивлять меня: жить в Неваде и играть на скачках! Я печально покачал головой, а он тем временем вскинул на меня глаза.

— Восьмой этаж, — улыбнулся я.

Он молча нажал на нужную кнопку, кибина поплыла вверх, остановилась, двери раскрылись, и я, выйдя, зашагал по коридору. Как скоро выяснилось, не в ту сторону. Развернулся и быстро нашел 804-й номер. На ручке висела табличка с надписью "Не беспокоить". Я чуть не рассмеялся, даже хотел постучаться, чтобы они предложили мне провалиться.

Но не постучался.

Достал из кармана ключ и сунул в замочную скважину. Он вошел бесшумно, так же бесшумно повернулся. Я мысленно поблагодарил старшего коридорного. Конечно, я мог бы обойтись и перочинным ножом. Но ключ — элегантнее.

Отель явно дорожил своей репутацией. Дверь даже не скрипнула. Я открыл ее и увидел их.

Верхний свет они погасили, но оставили лампу на прикроватном столике, так что мне не пришлось даже прищуриваться, чтобы получше их разглядеть. А посмотреть было на что.

Она лежала на кровати. Голова на подушке, глаза закрыты, ноги широко раздвинуты и согнуты в коленях.

Я переступил порог. Не скрипнули и туфли Кейта. Повернулся, закрыл за собой дверь. Они меня не слышали, не замечали.

Занимались своим делом.

Я смотрел на них несколько долгих секунд, потом сбросил оцепенение и ограничился одной простой фразой:

— Привет, Мона!

Глава 13

Они даже не закончили начатое. Замерли оба. А потом он скатился с нее и вскочил на ноги, а она попыталась прикрыться руками. Смех, да и только.

Он мог бы одеться, завязать шнурки и пройти мимо меня. Я не держал на него зла. Конечно, не собирался раскрывать ему объятия, но и не испытывал желания врезать ему по морде. Он лишь выполнял работу, за которую ему платили. Поэтому возможность тихо-мирно уйти у него была.

Но он ею не воспользовался. Я ему помешал, нарушил заведенный порядок, а на такие отклонения от нормы он привык реагировать однозначно. Все это я прочитал в его небесно-синих глазах. И когда он бросился на меня, встретил его во всеоружии.

Должно быть, в молодости он играл в футбол. И прыгнул вперед, наклонив голову, выставив руки перед собой.

Я ударил ему в лицо ногой.

Он отпрянул, плюхнулся на задницу. Удар пришелся в челюсть, и он на мгновение потерял ориентировку, как при нокадауне. Но лишь на мгновение, после чего попытался встать.

Пусть это покажется странным, но я по-прежнему на него не злился. Однако понимал, что должен указать ему на его место. Опять же, мне хотелось, чтобы он отстал от меня раз и навсегда. Мне хватало забот и без этого сукиного сына.

Я позволил ему приподняться, а потом вновь врезал ногой по физиономии. Второй удар получился лучше. Я рассек ему губу и вышиб зуб. Так что красоты в нем сразу поубавилось.

Я не только разукрасил ему физиономию, но и лишил возможности зарабатывать на жизнь. По меньшей мере, на месяц. Потому что следующий удар пришелся ему между ног. Он жалобно вскрикнул, протяжно застонал и отключился.

Я повернулся к Моне. Она уже успела накинуть на себя халатик. Я чувствовал, что она испугана, однако, надо отдать ей должное, старалась не выказывать страха.

Я молча смотрел на нее. Она попыталась улыбнуться, поняла, что не получится, и вздохнула.

— Наверное, я должна что-то сказать. Наверное. Но с чего начать? Мне следовало приехать в Майами. Только я боялась, что...

— Заткнись.

Она уставилась на меня, словно я влепил ей оплеуху.

— Говорить тебе не обязательно. Я сам все скажу. Но сначала мы должны избавиться от твоего дружка.

— Никакой он мне не дружок.

— Несколько секунд тому назад ты придерживалась другого мнения.

Она шумно слотнула.

— Он тебе не ровня. Никто не может сравниться с тобой. Лучше тебя просто нет. Ты...

— Остынь, — оборвал я ее, жутко разозлившись. Не ожидал, что она попытается взять меня лестью. Все-таки это не первая наша встреча, так что она знала, с кем имеет дело. — Сначала избавимся от твоего дружка. Потом поговорим.

Я шагнул к телефону, снял трубку, попросил позвать старшего коридорного. Тут же услышал его голос.

— Поднимитесь вверх. Номер восемьсот четвертый. Для вас есть маленькая работенка.

— Ревнивый любовник?

— Он самый.

— Настроение сорить деньгами не исчезло?

— Отнюдь. Поднимайтесь — не прогадаете.

Короткий смешок.

— Уже иду, — и гудки отбоя.

Я взглянул на жиголо — по-прежнему в отключке.

— Одень его, — бросил я Моне. — Быстро. Натяни на него одежду. Все пуговицы застегивать не обязательно.

Она подчинилась

— Сейчас подойдет старший коридорный, — продолжил я. — И чтоб никаких фортелей. Учти, на электрический стул мы сядем оба.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Ты в этом уверена?

Ответа не последовало. Она одевала жиголо, а я ждал старшего коридорного. Несколько минут спустя раздался осторожный стук, и я, открыв дверь, протянул коридорному вторую сотенную.

— С нашим другом приключилось несчастье. Слишком много выпил, упал, ударился. Его надо отвезти домой.

Он взглянул на жиголо, потом на меня.

— Да уж, не повезло. Впрочем, такая уж у него работа. Не помер?

Я покачал головой.

— Нет. Но притомился. Да и я тоже устал. Сам бы отнес его домой, но пора спать. Вот я и подумал, что вы окажете мне небольшую услугу.

Он улыбнулся.

— И еще, — добавил я. — Эта дама и я хотим побыть вдвоем. Чтобы нам не мешали ни телефонные звонки, ни стуки в дверь. Вы это устроите?

Он посмотрел на Мону, вновь на меня.

— Нет проблем.

Старший коридорный взвалил жиголо на плечо, словно мешок с грязным бельем, грустно мне улыбнулся и вышел в коридор. Я закрыл дверь, запер и на замок, и на задвижку и повернулся к Моне.

Она смотрела на меня. Теперь в глазах отчетливо читался страх.

— Ты убьешь меня, Джо?

Я покачал головой.

— Так чего ты хочешь? Денег? Возьми половину. Их очень много. Мне столько не надо. Половины вполне хватит. И мне, и тебе. Это же справедливо, не так ли? Я дам тебе половину, я все равно собиралась отдать тебе половину, и...

— Не лги мне.

— Это правда, Джо. Я...

— Не лги!

Она замолчала, но в глазах застыла обида.

— Хватит лжи. Мы начинаем новый этап наших отношений. Называется он "Только правда". Как телевизионная передача. — Я закурил, протянул сигарету ей. — Здорово у тебя все получилось. Ты так хорошо провела свою партию, что тебе даже не пришлось затыкать все прорехи своего плана. Ты оставила их на виду, а я решил, что это совпадения. Высший класс, иначе не скажешь. Смотри, что получается. Кейт приторговывал оптовыми партиями героина. Такая вот у него была работа. А ты вроде бы ничего об этом не знала. Концы с концами не сходятся. Не могла ты не знать, чем занимался твой муженек. И почему он взял тебя в Атлантик-Сити? Он же поехал туда не отдыхать, а по делам. Вез товар Максу Трейгеру, о чем тебе было хорошо известно. Не правда ли? А дальше произошло следующее. Ты увидела, как я забираю чемоданы Кейта. Он — нет, а ты увидела. Могла бы сразу остановить меня, но у тебя в голове зародился

другой план. Ты решила, что вор может поработать и на тебя. И не сказала ни слова.

Так что багаж Кейта остался у меня, а я оказался у тебя на крючке. Но за леску ты дернула не сразу. Как бы случайно познакомилась со мной, договорилась о встрече, пришла в полночь на пляж. А потом предоставила мне возможность выяснить, что передо мной — милая, очаровательная женушка Кейта Брассара. Великодушно позволила мне сложить два и два, с тем, чтобы в сумме они дали ровно пять.

— Ты мне понравился.

— Конечно, ты просто влюбилась в меня. И на следующее утро прекрасно исполнила роль служанки. Ты знала, что героин у меня, но ничего больше, поэтому решила его отыскать. И сцену моего пробуждения разыграла, как по нотам. Помнишь, как ты трянула меня за плечо и залепетала о чемоданах Кейта в стенном шкафу. Тебе даже не пришлось изображать замешательство. Ты действительно не понимала, куда подевался этот чертов героин. — Я покачал головой. Одно дело, прокручивать все это в голове, совсем другое — произнести вслух. Если у меня и были какие-то сомнения, то теперь отпали и они. — Если бы ты нашла героин, то, наверное, исчезла бы вместе с ним. Только Господу Богу известно, что бы ты с ним сделала. Может, попыталась продать Кейту. Но героин ты не нашла. И голова у тебя заработала в другом направлении. Почему бы моими руками не убрать Кейта? Неплохая идея, не правда ли? Реализовала ты ее блестяще. Обставила все так, чтобы я озвучил твою идею, да еще решил, что исходит она от меня. Тебе-то он уже изрядно поднадоел. Ты уже давненько подумывала о том, как от него избавиться. Но тебя удерживали деньги Кейта, вот ты и решила, что я смогу помочь тебе завладеть ими. И ты своего добилась, Мона. Молодец!

— Все было не совсем так, Джо.

— Черта с два. Именно так. Простенько и со вкусом. Ты просто вжилась в роль. Даже в постели не позволяла себе ни малейшей фальши. Ты притворялась, что влюбилась в меня. Да так удачно, что провела меня, как последнего идиота.

Продолжать я не стал. Сидел и смотрел на Мону, а она — на меня. Я закурил. А она шепотом заговорила. Я знал, что услышу правду, потому что ей не было смысла лгать. Я все знал, все понимал. Так чего зря сотрясать воздух ложью? Ложь теперь отлетала от меня, как мячик — от стенки.

— Это еще не все, Джо.

— Неужели? Тогда рассказывай. Слушать я умею.

— Тебе хотелось бы верить, что дело только в деньгах. Но это не так. Да, сначала я думала лишь о них. Не могу этого не признать. Но потом... когда мы узнали друг друга... деньги отошли на второй план. Я думала о том, как нам будет хорошо вдвоем, как... — У нее перехватило дыхание. Звенящая тишина наполнила комнату.

— А потом деньги заслонили все остальное. Потому что ты уже могла обойтись без меня.

— Возможно.

— Я что-то упустил?

Ответила она после короткой паузы.

— Потому что ты его убил.

— Не понял.

— Ты его убил, — повторила она. — Да, вина лежит на нас обоих. По закону. Я все это знаю. Но... для себя... я решила, что его убил ты. Если б я приехала к те-

бе, то стала бы соучастницей убийства. А так я могла убедить себя в том, что он... просто умер. Кто-то его убил, но я не имею к этому ни малейшего отношения.

— Убедила?

Мона вздохнула.

— Частично. Не знаю. Потом я подумала о тебе. Я знала, что ты ждешь меня в Майами, волнуешься. И решила, что ты должен что-нибудь получить за... то, что сделала. Тогда я и послала тебе деньги. Три тысячи долларов.

— Вот уж не знал, что у тебя есть совесть.

Она выдавила из себя улыбку.

— Не такая уж я и плохая. Конечно, не ангел, но еще далеко не дьявол. Что теперь, Джо?

Я знал, что за этим последует, но говорить ей не хотел. И не хотел переходить к следующему этапу намеченного плана.

— Джо? — повторила Мона.

Я молчал.

— Ты сказал, что не убьешь меня. Ты не передумал, Джо?

Я подтвердил, что не собираюсь убивать ее.

— Так чего ты хочешь?

Я вдавил окуроч в пепельницу. Глубоко вдохнул. Воздух в комнате стал густым, как сметана.

— Жениться на мне?

Я кивнул.

— Ты хочешь жениться на мне, — в ее голосе зазвенели колокольчики. — Что ж, хорошо. Я... это не очень романтично. Но, если ты этого хочешь, пусть так и будет. Спорить не стану.

Я слышал голос Моны, но ее слова до меня не доходили. Попытался представить себе нашу счастливую семейную жизнь. Не получалось.

Видит Бог, я этого очень хотел, но не получалось. Не получалось без реализации моего плана, пусть он мне уже совсем не нравился.

Поэтому я пододвинулся к ней, нежно улыбнулся. Она улыбнулась в ответ, вновь возвращаясь в привычный ей мир. Мы сидели рядом, улыбаясь друг другу, и она уже не сомневалась, что скоро все образуется, и мое появление не приведет к кардинальным изменениям.

— Извини, Мона, — неожиданно произнес я и ударил ее. Чуть повыше переносицы и не очень сильно.

Я не перестарался: она лишь потеряла сознание и кулем привалилась ко мне.

Несколько минут спустя Мона пришла в себя с кляпом во рту, связанная по рукам и ногам. Глаза ее переполняли ужас.

— Ты к этому привыкнешь. И все поймешь. Разумеется, не сейчас. Но со временем обязательно поймешь.

Из кармана я достал бумажный пакет и "готовальню". Вытащил из пакета маленькую черную капсулу. Открыл "готовальню" и показал Моне ее содержимое.

Она ахнула.

— Смех, да и только, — я покачал головой. — Кейт продавал героин, я его купил. Ты не поверишь, но я заплатил за него хорошие деньги. Выбросил целый ящик героина, чтобы подставить Кейта, а теперь вот покупаю то, что держал в руках. Круг замкнулся.

Из "готовальни" я достал маленькую ложечку. Такой помешивают кофе в Грин-Виллидж. Положил капсулу на ложечку, чиркнул зажигалкой. Подержал ло-

жечку над язычком пламени, наблюдая, как плавится героин. Руки у меня не дрожали.

Посмотрел на Мону. Она не отрывала взгляда от огонька. Смотрела на него, как удав на кролика.

— Ты слишком независима, — поставил я диагноз. — Ни с кем не считаешься. И если берешь на себя какие-то обязательства, то убегаешь, вместо того, чтобы выполнить их. Это нехорошо.

Она, естественно, мне не ответила. С кляпом во рту не поговоришь. Но мне хотелось бы знать, что она думает по этому поводу.

— Теперь независимости у тебя поубавится. Посидишь на цепи.

Я взял шприц, загнал поршень вниз, до упора, сунул кончик иглы в расплавленный героин. Затем потянул поршень, втягивая героин в шприц.

Игла казалась огромной и страшной. У Моны округлились глаза. Она не могла поверить, что все это происходит наяву, а не в кошмарном сне.

— Не бойся, — проворковал я. — Если у тебя есть деньги, все не так уж и плохо. Главное — вовремя сделать укол, а в остальном жизнь у тебя будет, как у любого человека. Знаешь, почему среди наркоманов много врачей? Потому что у них есть доступ к наркотикам. Они, конечно, в основном, морфинисты, но в принципе это то же самое. А в морфии у них недостатка нет. Ломка им не грозит. Так же, как и тебе. А похмелья, в отличие от спиртного, наркотики не дают.

Она меня даже не слышала. И я замолчал.

Нашел хорошую точку на внутренней стороне бедра, нацелил шприц, воткнул иглу и нажал на поршень. Она пыталась кричать, но кляп глушил все звуки. Лишь воздух вырывался из ноздрей.

Потом героин подействовал, и она отправилась в Страну грез.

Глава 14

Прошел час, прежде чем она открыла глаза. Действие наркотика еще не закончилось, поэтому я вытащил кляп. Кричать она все равно не могла. Спросил, как она себя чувствует.

— Нормально, — ответила она. — Наверное.

Несколько минут мы поговорили о пустяках. Потом я вернул кляп на место и спустился вниз. В вестибюле подошел к газетному киоску, купил несколько книг в мягкой обложке. Поднялся в номер и читал, пока не подошло время следующего укола.

На этот раз она практически не сопротивлялась. Так и пошло. В номере мы провели три дня. Лишь изредка я спускался вниз за едой. Остальное время мы проводили вдвоем. Пару раз я развязывал ее, и мы занимались любовью. Особого удовольствия я не получил. Раньше было лучше.

— В Тахо мне обрыдло, — сказал я ей как-то утром. — Мне нужны несколько тысяч. Я куплю автомобиль, и мы поедем в Вегас.

— Трать свои деньги.

— Моих не хватит.

— Тогда катись к черту!

Я мог бы ударить ее, пригрозить, приказать дать мне деньги. Но решил, что все равно придется проводить эксперимент. Поэтому пожал плечами и углубился в книгу. И продолжал читать, когда подошло время очередного укола.

А полчаса спустя она позвала меня.

— В чем дело?

— Я... я хочу, чтобы ты сделал мне укол.

— Прекрасно. А я хочу, чтобы ты дала мне четыре "штуки". Где ты их держишь?

Она скорчила гримаску, как бы говоря, что до моих желаний ей дела нет. Но я видел, что ей не по себе, что она нервничает. Она сказала мне, где лежат деньги. Я их нашел, достал "готовальню" и сделал ей укол. На этот раз очередная доза очень порадовала ее. И укол я сделал в вену, так что героин подействовал быстрее.

За автомобиль я заплатил наличными. Приобрел роскошный "бьюик", с мощным мотором, сверкающий хромом, словно новогодняя елка. Загрузил ее в машину, и мы поехали в Вегас. Всю дорогу она сидела, как мышка. В Вегасе яселся в свой номер в "Дюнах", а тут и подошло время для укола.

Не знаю, сколько нужно времени, чтобы посадить человека на иглу. Не знаю, сколько времени ушло на это у Моны. Наркотическая зависимость — это процесс. И идет он в двух плоскостях — физической и эмоциональной.

— Я ухожу, — заявила она.

Я посмотрел на нее, потом на часы. Пятница, два часа пополудни. Мы по-прежнему обретались в "Дюнах". До очередного укола оставалось два часа.

Она надела красное платье из джерси, черные замшевые туфли на высоком каблуке, из украшений — нитку жемчуга на шею. И сказала мне, что уходит.

Я спросил, что все это значит.

— Ухожу, — повторила она. — Оставляю тебя, Джо. Ты больше меня не связываешь. Я тебе за это очень признательна. Вот я и ухожу.

— И не вернешься?

— И не вернусь.

— Ты на игле, — напомнил я ей. — Ты — наркоманка. Уйти ты можешь, но обратно приползешь. Кого ты пытаешься обмануть?

— Я не на игле.

— Ты действительно в это веришь?

— Я это знаю.

— Тогда мне все ясно. Пытаешься обмануть себя. Счастливого пути.

И она ушла. А я остался ждать ее возвращения. Я знал, что она вернется, если не через два часа, то через два с половиной или три.

И она вернулась.

В номер вошла совсем другая Мона. С белым, как живот дохлой рыбы, лицом, с трясущимися руками. По ее телу то и дело пробегала дрожь. Она влетела в номер и упала в кресло.

— Ты же ушла, — напомнил ей я. — Только не говори мне, что ты уже вернулась. Очень уж коротким оказалось твое путешествие.

— Пожалуйста, — вырвалось у нее. Одно слово — пожалуйста.

— Что-то случилось?

— Сделай мне укол. Не могу без него, черт бы тебя побрал. Ты был прав, а я ошибалась. Сделай мне укол.

Я рассмеялся. Не из жестокости, не для того, чтобы показать, что я очень доволен таким исходом. Я рассмеялся, чтобы она окончательно поняла, что сидит на игле. Чтобы до нее дошло, раз и навсегда, теперь деваться ей некуда.

Я наблюдал, как ее корежит от боли, слушал ее мольбы и притворялся, что ничего не слышу. Смотрел, как она ползает по номеру в поисках шприца. Я его спрятал. И найти шприц она не могла. Потом я сам достал его и сделал ей укол.

Наблюдал, как уходит боль, гладил ее тело, пока она не перестала дрожать. Затем нежно обнял, а она плакала в моих объятиях.

Мировой судья в Лас-Вегасе поженил нас. Он задал нам положенные вопросы, мы оба ответили на них утвердительно, после чего он объявил нас мужем и женой. Из "Дюн" мы перебрались в трехкомнатную квартиру в Северном районе. Мона перевела деньги в банк Вегаса и наняла брокера.

Я налажив контакт с одним здоровяком, который всегда сидит в кафе и пьет кофе. Каждые пять дней я привожу ему сто долларов, получая взамен капсулы героина. Каждые четыре часа делаю Моне укол — шесть капсул в день. Поскольку я — постоянный клиент, здоровяк отпускает мне капсулы по оптовой цене. Постоянным клиентам всегда предоставляются скидки, даже на запрещенные законом товары.

— Тебе тоже следует попробовать, — снова и снова говорит она мне. — Жаль, что я не могу рассказать тебе о своих ощущениях. Это нечто. Словно взрыв бомбы, сечешь? Давай, Джо! Взорви хотя бы одну бомбу счастья. Тогда хоть поймешь, о чем я толкую.

Странная жизнь в странном мире.

А вчера произошло следующее.

В четыре часа я сделал ей очередной укол. Расплавил героин, набрал его в шприц, поднял ее ногу и высматривал вену. Мона была уже на пределе. Еще пять-десять минут, и ее начало бы ломать. Но я нашел вену, вколол ей героин, и по ее лицу расплылась блаженная улыбка. А мгновением позже она отключилась.

Я вымыл ложечку и уже собрался убрать "готовальню", но вдруг неожиданно для самого себя взял капсулу с белым порошком и положил ее в ложечку.

У меня возникло желание уколоться.

Глупость какая-то. Не мог же я поддаться ее словам, ее советам проверить на себе, что же это такое. Я — не мальчишка, охочий до острых ощущений.

Поэтому я вернул капсулу в бумажный пакет, ложечку и шприц положил в "готовальню". Убрал и пакет, и "готовальню" в ящик комода и запер на ключ. Даже в Лас-Вегасе есть копы, ревностно соблюдающие должностную инструкцию. Поэтому я не оставляю героин на виду.

Я убрал все.

На время.

Но мысль эта по-прежнему не дает мне покоя, и боюсь, просто так она от меня не отвяжется. Никуда мне от этого не уйти. Возможно, произойдет это через день, неделю, а то и месяц. Она отправится в "путешествие" с блаженной улыбкой на лице, а я начну мыть ложечку и шприц.

А потом сделаю себе укол.

Не ради удовольствия. Не для того, чтобы наказать себя за содеянное. Не потому, что меня потянуло в наркоманы. Туда меня совсем не тянет.

Причина в другом. Может, я хотел разделить ее ощущения. Может, из-за того, что каждый новый укол героина уводил ее все дальше от меня. Не знаю. Но придет день, когда я уколюсь.

И тогда, думаю, у нас появится что-то общее. Что-то нас объединит. Этого я и хотел, не так ли? ■

Перевод с английского **Виктора ВЕБЕРА.**

журнал
собака

выставка

иллюстрация **Льва Рябины**

День выдался чудесный, и все вокруг были по-праздничному возбуждены: хозяева, собаки, зрители...

Казалось, лишь она одна пребывала в депрессии. Сегодня ей было как никогда одиноко и тоскливо. Проснувшись утром, она вдруг почувствовала, что ей невыносимо оставаться дома, и почему-то особенно остро затосковала по ее давно умершему псу — умнейшему и добрейшему ньюфаундленду — единственному, как ей подумалось, существу, который любил ее в этой жизни.

Она стояла у ринга с ньюфами и не могла оторвать глаз от победителя — огромный мощный кобель, плавно покачиваясь, словно корабль, двигался по кругу изумительно красивой рысью... "Только идеальное сложение — правильный постав конечностей, хорошо выраженные скакательные суставы — может позво-

лить собаке так двигаться...”, — прошептала она про себя, так как понимала в этом толк...

Кобель действительно обладал превосходным экстерьером — прекрасно вылепленная голова с массивным черепом, мощная грудь, крепкий корпус, а шерсть — от нее нельзя было оторвать глаз: темно-шоколадная, переливающаяся на солнце и отсвечивающая золотом на концах, она струилась и колыхалась, словно экзотические густые морские водоросли на нагретом песчаном дне...

Она не могла оторвать взгляд от собаки... Такой же красавец был и ее Джойс — крошечного месячного щенка, похожего на медвежонка, принесли в дом через две недели после того, как она родилась (такова была прихоть ее матери), и он прожил в их семье пятнадцать лет... В такой же ясный весенний день, когда трудящиеся всей земли с ликованием праздновали свою солидарность, его не стало... С тех пор у нее не было собаки, хотя прошло уже много лет. Собаку заводят тогда, когда в семье все благополучно. Она бы даже сказала, что собака — символ благополучия семьи, ведь люди, занятые трудным добыванием денег или междоусобными разборками, не думают о собаке, а если заводят ее, — то лишь нагружают себя дополнительными проблемами...

Лично у нее в семье никогда не было благополучия, вернее даже, у нее толком и не было семьи...

— Превосходный кобель! — обратился к ней мужчина, стоявший рядом, и улыбнулся хорошей доброй улыбкой. Мужчина был высокий, крупный, большой — такими обычно бывают добродушные люди — и молодой (по сравнению с ней). На вид лет тридцать, или около того.

Она потихоньку вздохнула. “Хорошенький”, — подумала про себя.

— Кобель необыкновенный! — ответила она (все собачники — общительные люди). — Я обожаю ньюфов и не представляю себе, как можно держать собаку другой породы.

— А у вас есть собака? — спросил он с оттенком некоторой грусти.

— Нет, сейчас нет. Но много лет назад у меня жил точно такой же. — Она с восхищением взглянула на кобеля, который уже позировал перед фотоаппаратами, демонстрируя великолепную стойку. — Я выросла вместе с ним, он прожил в нашей семье пятнадцать лет, и до сих пор я не могу забыть этого пса, потому что любила его, как родное существо.

— Вы любили его... — то ли повторил, то ли переспросил задумчиво мужчина.

— Да, очень, — подтвердила она и заметила, что едва заметная улыбка, с легким налетом довольства, появилась у него на лице... Они немного помолчали...

— У меня никогда не было собаки, я только собираюсь завести, скажите, с ним было трудно? — спросил он.

— Вообще-то да. Он был умный и дрессированный пес, но когда поблизости оказывалась течная сука — вы понимаете, что это такое, — то приходилось надевать на него “строгач”, иначе невозможно было удержать.

— “Строгач”? — переспросил он.

— Ну, да, это строгий ошейник — металлический, с шипами. Для гладкошерстных собак шипы делают покороче, для длинношерстных — подлиннее. Джойс был настолько лохмат и силен, что мы изготовили ему ошейник на заказ — обычные “строгачи” ему не годились: он их просто рвал, и шипы на него не действовали.

Мужчина как будто вздрогнул и с легким недоумением и даже, ей показалось, с испугом посмотрел на нее.

— Но ведь это больно — врезающиеся в шею металлические шипы... — проронил он и как будто на мгновение ушел в себя.

— У меня был всего один выбор: либо больно его шее, либо больно моим рукам, — ответила она с некоторой жесткостью и, немного заведясь, продолжала: — Течные суки — это одна беда, а другая проблема — это тухлые объедки, которые добрые люди в большом количестве выбрасывают из окон. Он их обожал. Едва почует подгнивший кусок мяса, рыбы или колбасы — рывок был не хуже, чем к призывно благоухающей даме. Приходилось даже его бить!

— А чем вы его били? — живо и с неожиданным интересом спросил мужчина.

— Поводком. Да это не очень больно — поводки у него всегда были брезентовые (последний брезентовый поводок она хранила до сих пор, он всегда висел в коридоре, как память).

Мужчина задумался... Он, казалось, будто отрешился от того, о чем они только что говорили, но через минуту, словно очнувшись, тихо сказал:

— Да, но у брезентовых поводков, как и у всех других, бывают тяжелые металлические карабины...

Она несколько принужденно рассмеялась:

— Знаете, что я вам скажу! Если вы собираетесь заводить собаку, не советую вам брать кобеля. Кобели настолько примитивны! У них преобладают только два инстинкта — половой и пищевой. Кобелей нельзя держать в доме, их место — на улице.

Он с улыбкой и как-то пристально-оценивающе посмотрел на нее:

— Это относится ко всем особям мужского пола?

"Ого! — подумала она. — На что он намекает... А как он на меня посмотрел! Неужели... Неужели... Но, Боже мой, ведь мне совсем скоро — 45! А он — почти мальчик!"

В свои сорок пять, однако, она выглядела превосходно — порой лучше, чем некоторые восемнадцатилетние девочки. На протяжении всей своей жизни она неоднократно выслушивала комплименты по поводу своей фигуры, да и личико у нее было милое — большие глаза, вздернутый носик, пухлые, всегда чуть приоткрытые, губки...

Но, как говорится, не родись красивой, а родись счастливой... Она была мужем три раза, сделала, как шутила ее подруга-адвокат, три "ходки", и каждая очередная "ходка" оканчивалась полным крахом...

С первым мужем она развелась на следующий же день — после первой брачной ночи... Она вышла замуж девочкой, и что он там с ней делал — она не рассказала никому, даже своей ближайшей подруге...

Второй муж был военным. У военных, как известно, свои особенности, даже свой специфический армейский юмор. Она его всегда немножко стыдилась, потому что беспрекословное подчинение вышестоящим накладывает определенный отпечаток, к тому же его рабоче-крестьянские замашки иногда шокировали ее гостей... Она с ним развелась, но когда через несколько лет, после перестройки, случайно узнала, что он бросил военную службу и вместе со своими товарищами-сослуживцами организовал крупную фирму и стал "новым русским", она поменяла свое мнение, но было уже поздно...

Третий муж был "богемным мальчиком". Он был творческой личностью, все его буквально носили на руках, делали комплименты, называли "гениальным"...

Ей это льстило, она вращалась в кругу художников, артистов, музыкантов... Но талант — наверное, как и любовь — может внезапно исчезнуть, исчерпать себя... И ее "гениальный" супруг стал повторяться, его творческая работа перестала интересовать людей... Он, казалось, утратил способность к самооценке, стал обидчивым, нервным, издерганным, и... — ну, конечно же, как вы догадались, — запил...

Она развелась и с третьим мужем... Детей у нее не было, и вот уже три года она жила одна. (Был, впрочем, еще один кандидат в мужа — шестидесятилетний профессор, вдовец, сосед по даче. Однажды он даже сделал ей предложение. Но он казался ей таким старым — даже несмотря на то, что в свои шестьдесят, легко ворочая бревна, сам строил баньку на своем участке.)

Его голос вывел ее из задумчивости.

— Пойдемте в тень, попьем пива, — предложил он, и сердце у нее еще раз дрогнуло: "Неужели..."

Ей было приятно его внимание. И хотя мужчины такого типа ей не особенно нравились — видно было, что человек в изобилии питается качественной пищей и не пользуется общественным транспортом ("гладкий, сытый, лоснящийся" — сказали бы про него в деревне) — в нем было что-то притягивающее. В его движениях, во взгляде, в повороте головы ей как будто мерещилось что-то давно знакомое и забытое.

— Подождите, — сказала она, сунув ему в руки свое пиво, — я хочу сорвать вон ту веточку.

И она, стоя перед ним, стала подпрыгивать на месте, пытаясь достать именно "ту веточку".

Он с улыбкой смотрел на ее усилия, а когда, наконец, вдоволь насмотрелся, слегка потянулся и сорвал эту веточку сам.

— Какая вы стройная, — сказал он.

— Что вы, что вы, — возразила она. — Мне надо худеть. Вам не кажется, что я толстая?

Он, казалось, понял: этот вопрос не задают мужчинам, которые не вызывают определенного интереса.

— Нет, что вы, у вас прекрасная фигура, — сказал он. — Вот мне стоило бы немного похудеть, но все нет времени заняться спортом.

Они стояли друг против друга, пили пиво и почти физически ощущали некое таинственное притяжение, возникшее между ними.

— А вы знаете, — сказал он, — у меня сегодня день рождения. Но я почему-то не захотел отмечать его с друзьями и родственниками: скрылся от всех и сбежал сюда. — Он повел рукой в сторону галдящей, гавкающей, разноцветной и шевелящейся массы. — Почему-то сегодня утром мне стало невыносимо одиноко и грустно.

Он взглянул на нее, а она, словно оцепенев, смотрела на него: сегодня утром она испытывала то же самое чувство.

— Давайте отметим мой день рождения вдвоем, — предложил он.

Она, не раздумывая ни секунды, согласилась.

Они вышли из ворот стадиона и направились к нежно запищавшей при их появлении иссиня-черной, жарко блестящей на солнце машине. "Вот это да! — подумала она про себя. — БМВ! И, видно по всему, еще совсем новенький!"

Он повез ее в самый шикарный ресторан — где под стеклянным полом шевелились изумрудные водоросли и плавали морские рыбы — и заказал самые изысканные, холодные и горячие, рыбные блюда... "Я люблю рыбу, — сказал он, — и ты тоже любишь рыбу..." (они были уже на "ты").

“Как он об этом догадался!” — поразилась она.

Он ел быстро и жадно, но это, что было удивительно, ее не раздражало. Она смотрела на него с чувством удовлетворенного умиления, как смотрят мамы на своих детей, каким бы способом те ни поглощали пищу...

— Я люблю море и все, что с ним связано, — сказал он, довольно откидываясь на спинку стула и глядя на извивающегося под ними черно-желтого полосатого морского угря. — Этим летом мы обязательно вместе поедем отдыхать. Хорошо? — Он ласково и даже как-то заискивающе посмотрел на нее...

— Да, да, конечно, — неожиданно для себя с радостью согласилась она. Ей казалось, что она знает этого человека уже много лет. — Я тоже люблю море: оно для меня — будто родная стихия...

“Как мы с ним похожи, — подумала она. — Может, оттого, что мы с ним оба — Тельцы? Ведь мой день рождения совсем скоро — через 20 дней... Только вот даты рождения разные...”

Когда они вышли на улицу, было уже темно. Он обнял ее за плечи, наклонился и нежно поцеловал в ушко.

— Поехали к тебе домой, — сказал он.

В машине они поцеловались... Его губы были нежные и мягкие, а запах — нет, не дорогого парфюма, — а его, собственный, был до невозможности притягателен. Он почему-то вызвал у нее ощущения детства, дома, семейного очага...

Машина тронулась с места, минут пятнадцать они ехали молча, глядя прямо перед собой, замороженные охватившим их чувством...

— Да, — вдруг словно очнулся он, — ты же не сказала, где живешь... Куда мы едем?

— Нам на Ленинский проспект, дом...

Они, будто сбросив с себя сон, оглянулись по сторонам — справа мелькнули огни универсама “Москва”... До ее дома оставалось несколько минут езды...

В ее квартире было уютно, как бывает уютно в старых квартирах, где за многолетнюю жизнь хозяев набирается множество нужных и ненужных вещей, хранящих на себе отпечаток всех обитателей дома.

Он сел в кресло, откинулся на спинку, хотел было поджать под себя ноги — но не поместился, — и сказал: “Мне здесь так хорошо...”

Она принесла ему кофе, села на ручку кресла и как бы невзначай провела рукой по его ноге, выше колена...

— Не стесняйся, — сказал он. — Делай все, что тебе хочется...

Кофе они не допили. Лихорадочно срывая одежду, они набросились друг на друга порывисто и жадно. Он словно поглощал еду в ресторане — быстро, с напором, изнемогая... Она, к своему изумлению, вела себя точно так же — вся дрожала от желания поскорей насытиться, получить свое...

Когда через пять минут они, изнеможенные, раскинулись на кровати, стараясь больше не дотрагиваться друг до друга, она, улыбаясь, прошептала:

— Какие же мы с тобой животные...

— А разве нам было плохо? — спросил он.

Когда наутро они, похудевшие, похоже, на несколько килограммов, стали прощаться, он, ласково взяв ее за руку, сказал:

— Я хочу, чтобы ты все время была со мной... Мне кажется, мы теперь не сможем расстаться... Ты это чувствуешь?

— Да, — сказала она. Ей хотелось повиснуть у него на шее и никуда от себя не отпускать.

— Выходи за меня замуж... Согласна?

— Да, — сказала она, почти ничего не соображая. А потом, словно во сне, подумала: "Это судьба..."

Он был президентом крупной фирмы и денег ни на что не жалел. Свадьба была роскошной, свадебное путешествие — на один из экзотических островов, где в отеле их ждал номер с прозрачной стеной, открывающей вид на океан.

В Москве она покинула родителей и поселилась у него — в просторной пятикомнатной квартире, сделанной из двух бывших коммуналок. Сначала по инерции она ходила на работу, но как-то раз он ей сказал: "Зачем ты ходишь на работу! Занимайся собой, домом... И кроме всего прочего, я так скучаю, когда нахожусь в квартире, а тебя здесь нет... Иногда это просто невыносимо!..."

Она знала, что это была чистая правда. Разница в возрасте ничуть не мешала их любви. Он был так ласков, так нежен с ней, так грустно смотрел на нее, когда она куда-либо уходила, и так радовался, когда она возвращалась... Он просто любил находиться рядом с ней, сидеть близко, гладить ее плечи, руки, волосы... А когда она, бывало, лежала, раскинувшись на кровати, он не мог равнодушно пройти мимо и подсаживался к ней со словами: "Ах, как хорошо ты лежишь, какой у нас красивый животик, дай я его поглажу... Вот так..."

Он часто клал свою голову ей на колени... А она, в свою очередь, любила перебирать его густые темные локоны...

Им нравилось вместе гулять, бывать на природе, ходить в гости... Ему доставляло заметное удовольствие, когда окружающие обращали на нее внимание. Одну ее он почти никогда не отпускал, а если не мог с ней куда-либо пойти, то очень переживал и волновался. Когда она бывала, например, у своих родителей, он по несколько раз звонил и спрашивал, когда же она придет, иногда вызывая всеобщее удивление тем, что в приказном порядке назначал ей время быть дома, и она, не закончив общего чаепития с родственниками, срочно прощалась и уезжала, чтобы только его не расстраивать.

Он очень переживал за ее здоровье. Стоило ей порезать пальчик или пожаловаться на головную боль, он впадал чуть ли не в панику, начинал пичкать ее лекарствами. Если не знал, — какими, звонил родственникам и друзьям и заклеивал ей пальчик, как бы она этому ни сопротивлялась. Он так нервничал, что долго не мог забыть о ее недомогании, и чуть ли не каждые полчаса спрашивал, как ее пальчик или там голова... Ее это немного обескураживало, но они ведь так любили друг друга, и она просто старалась поменьше заострять его внимание на своем здоровье...

Но вскоре появилась еще одна проблема... Однажды он увидел, как она, остановившись на улице, разговаривает с соседом и весело смеется... В этот вечер он был мрачен, но не говорил, что его расстроило. Через некоторое время в их доме делали ремонт два крепких, средних лет мужика. Она поила их чаем, угощала пивом, что-то помогала подержать, а когда они, немного стеснясь, спросили, можно ли пользоваться душем, она, поразившись на их вопрос, конечно же, разрешила...

Однажды муж пришел с работы пораньше, не как обычно. К этому времени рабочие закончили работу, один из них уже помылся и сидел с ней на кухне, попивая пиво, а другой еще был в душе...

Вечером он с ней не разговаривал и ходил по квартире чуть ли не скрежеща зубами. Она, пораженная, не знала, что и думать. В голову приходили смутные догадки. Но неужели он мог такое подумать — что она... с рабочими... Ночью его будто мучил кошмар, и во сне она услышала фразу: "Конкурентов нельзя

допускать на свою территорию... Они не должны существовать... Все, от кого пахнет спермой, — это враги..."

Он не разговаривал с ней и на следующее утро, но, уже стоя в дверях, чтобы идти на работу, вернулся, взял ее за плечи, посмотрел в лицо и сказал следующие слова: "С этого дня я буду запираю тебя дома. А на улице ты будешь выходить вместе со мной — утром, когда я еще не ушел, и вечером — когда приду с работы".

Целый день, запертая в квартире, она рыдала. Следующие несколько недель пребывала в шоке. А потом привыкла — и ей даже стало хорошо. Живешь, ни о чем не думаешь, муж приносит продукты, покупает для нее одежду, гуляет вместе с ней, любит... Да, любит... Он по-прежнему был страстным любовником... И так же, по-прежнему, страстно, жадно и с неистовым напором почти каждый день удовлетворял свое желание... Ну кто бы еще так заботился о ней! Он обожал даже мыть ее сам, причем обязательно каждый день. Она пыталась прекратить каждодневные купания, так как знакомый врач-дерматолог не так давно просветил ее, что частое воздействие воды, да еще в сочетании с "навороченным" импортным мылом, портит кожу, — но ее усилия были напрасными. Он так любил купать ее! Погрузив в ванну, клубящуюся пеной, он водил мочалкой по ее коже, приговаривая: "Давай помоем теперь эту ручку, а теперь давай помоем эту ножку, а какую же попку ты отъела! Как же я тебя раскормил, крошка моя! — И в довершение: — Какая же ты красивая!"

Со временем тема "отъеденной попки" все чаще и чаще стала появляться в его разговорах, и в один прекрасный день он сообщил ей, что сажает ее на диету.

— Как?! — возмутилась было она. — А если я не хочу!

— Крошка моя! Это надо! Для твоего же здоровья! — ответил он тоном, не терпящим возражений.

И теперь по утрам и вечерам, когда они сидели вместе за столом, она грустными глазами наблюдала, как он поглощает свою любимую осетрину, крабовый салат, жареную картошку, французские пирожные и прочие вкусности, а сама изо дня в день пила кефирчик, грызла морковку и ела противный — жидкий, кислый — диетический творожок, который прилипал к нёбу. Своих денег — чтобы хоть тайком купить себе что-нибудь — у нее не было.

Так прошел год. Нравилась ли ей такая жизнь — трудно сказать, но она уже не представляла себе, как можно каждый день ходить на работу, проводить там восемь часов, а потом еще ломать голову, где подзаработать денег — на новое пальто, на запчасти для машины, на лекарства для родителей, на дачный хозблок... Теперь, чего бы она ни захотела — она это получала, стоило ей лишь об этом сказать... "Это судьба..." — думала она, когда в очередной раз как по маговению волшебной палочки получала то, что хотела.

Однажды вечером он пришел домой заметно простуженный. "По-моему, я заболел", — сказал он. Они поставили градусник — тридцать восемь и пять. Он наглотался каких-то супердорогих чудо-таблеток, изготовители которых обещали наутро возродить его из пепла, и лег в постель.

Была середина апреля, весь день солнце ярко светило в окна, сквозь открытые форточки доносился веселый щебет птиц и счастливые крики детворы... Она с нетерпением ждала его целый день, чтобы пойти погулять, и вот...

— Можно, я пойду одна? — робко спросила она.

— Нет, ни в коем случае, — ответил он. — Уже темнеет, мало ли кто повстречается тебе на пути.

— Ну, пожалуйста, — продолжала упрашивать она, — ведь сейчас еще светло, на улице так хорошо, земля уже подсохла, где-то уже травка растет. Ну, пожалуйста, — на ее глазах блеснули слезы... — У меня целый день так болела голова, мне нужно подышать свежим воздухом...

Ее головная боль, видимо, была для него решающим аргументом.

— Ну, ладно, иди, только не долго, я тебя очень прошу, крошка моя, — сказал он и, включив телевизор, прилег на диван...

На улице было действительно хорошо. Сначала она медленно прохаживалась вокруг дома, потом пошла в сторону метро. У входа в толпе мелькнуло знакомое лицо — она узнала бухгалтершу со своей последней работы. Они даже немного дружили — болтали друг с другом о своем, о девичьем... Оказалось, что бухгалтерша недавно переехала в этот район и живет неподалеку.

— Зайдем ко мне, попьем чайку, — предложила бухгалтерша, и она, немного поколебавшись, согласилась: ведь целый год не виделись, есть о чем поговорить.

Когда пили чай и болтали, она несколько раз порывалась ему позвонить и сказать, где она находится и с кем, но каждый раз останавливалась, зная, что он в ультимативной форме прикажет ей сейчас же возвращаться. А она хотела посидеть еще...

Домой она вернулась через три часа. Было около десяти вечера. Она с опаской открыла дверь, готовясь либо к зловещему молчанию, либо к бурным объяснениям... Его нигде не было видно... Ни в одной комнате... На кухонном столе стояла бутылка водки, с едва различимой на дне полоской жидкости...

Он стоял на балконе и смотрел на улицу... Услышав, видимо, что в доме кто-то есть, он повернулся, шагнул в комнату, зацепившись ногой за бортик и чуть ли не упав, и направился к ней шатающейся походкой... Ни слова не говоря, он схватил ее за плечо и, сдернув со стены собачий брезентовый поводок, который висел в коридоре, как память о давно умершем ньюфе, ударил ее... Казалось, он совсем не заметил, что тяжелый металлический карабин, коснувшись ее тела, причинил ей сильную боль...

— Что ты делаешь! Прекрати! — закричала она, пытаясь вырваться из его рук. Ее охватил ужас, она поняла, что сильные лекарства в смешении с водкой дали непредсказуемый эффект — он был словно невменяемый.

— А ты... ты... — словно рычал он, — ты разве не помнишь, как избивала меня, когда я хотел поиметь ту красавицу-овчарку, а в тот раз, когда я чуть было уже не проглотил тот дивный протухший кусочек говядины...

— Ты сумасшедший! Что ты говоришь! Что ты делаешь! — еще раз закричала она, закрывая лицо руками.

Он остановился, словно в прострации, и замер с поводком в руках...

Надвое разорванный халатик упал с ее плеч... Она боялась пошевелиться, сделать какое-либо движение, потому что боялась его — словно не человек стоял перед ней, а разъяренное животное... Шли минуты, они стояли друг против друга, и она потихоньку, стараясь не делать резких движений, стала двигаться в сторону комнаты...

Войдя в нее, медленно опустилась в кресло. Съежившись, поджав под себя ноги, она не выдержала, и слезы брызнули у нее из глаз...

Он вошел вслед за ней. Теперь вид у него был жалкий и дрожащий.

— Что я сделал с тобой! Что?! — вскричал он, опускаясь перед ней на колени. — Прости меня, прости, я... нет, это не я... — Он уткнулся головой в ее колени и стал рыдать...

Она, как бы машинально, стала гладить его по голове, по вздрагивающим плечам...

— Мы так с тобой хорошо жили, так хорошо жили — все пятнадцать лет, — продолжая рыдать, говорил он. — Спасибо тебе, спасибо, — он стал целовать ее руки, — что ты сделала из меня человека... Ведь только благодаря радости, которую я приносил тебе, я стал в следующей жизни человеком, и если бы не ты — может быть, перевоплотился бы в какую-нибудь жабу...

Она в ужасе смотрела на него. Тридцать лет назад умер ее любимый ньюф... И тридцать лет назад, в этот же день, родился ее нынешний муж...

— Но ты не всегда была права! — внезапно, подняв голову, с обидой в голосе вскричал он. — Тебе нравилось со мной гулять, тебе нравилось, что люди любят тебя мной, но ты гуляла со мной мало! Мало! Мало! Утром и вечером — по полчаса! Это же не гулянье, а издевательство! Я целыми днями сидел дома, ждал тебя, мучился, ловил каждый звук, доносившийся из-под двери... Ты сажала меня на диету, кормила каким-то отвратительным сухим суррогатом, а мне хотелось обедков, которые валялись на улице. Тебе что, было их жалко для меня! А сама ела вкуснейшую копченую колбасу, конфеты, тортики и говорила, что для меня это вредно! Ты мыла меня в ванной раз в месяц, а это очень вредно для собаки: я терпеть не мог мыться, у меня от этого портилась шерсть! А ты этого не понимала!

Он замолчал, дрожа и утирая слезы, а затем, с неожиданной обидой и злостью добавил:

— И если я перевоплотился в человека, неизвестно еще, кем ты станешь в следующей жизни. Может быть, за свои грехи будешь, как я, собакой!

Она замерла, в ее подсознании всплыло труднопроизносимое и малопонятное для нее слово "метемпсихоз"...

— Но нам все же было хорошо вместе тогда, ведь правда? — сказал он. — И мы должны быть снова вместе — теперь уже в этой жизни... Это судьба...

Ночью он спал, как убитый, и утром продолжал спать непробудным сном. Она его не будила: ничего, если один раз проспит на работу... Она ходила по квартире на цыпочках — тихо, как мышка, — и собирала вещи — ее личные вещи, самые необходимые, без которых нельзя было обойтись... Сложив вещи в сумку, она написала записку — самую необходимую, без которой нельзя было уйти: "Ключи оставила в почтовом ящике", — и закрыла за собой дверь.

Приближался ее день рождения... и она поехала к родителям — на дачу. Сосед-профессор, казалось, уже все знал...

— Здравствуйте, — приветливо поздоровался он с ней. — Я слышал, вы снова свободны, как птица... Может, зайдете вечером ко мне на огонек? У меня сегодня почему-то очень грустное настроение. В этот день, ровно сорок шесть лет назад, умерла моя любимая болонка... Я иногда так тоскую по ней...

— Что?! — воскликнула она. В голове, как молния, пронеслись мысли: "Сегодня ей сорок шесть... Ровно сорок шесть лет назад умерла ее любимая болонка... Неужели в прошлой жизни она была... его собачкой?"

— Ну нет, с меня хватит! — ледяным голосом произнесла она. А затем, окончательно взяв себя в руки, добавила: "Пошли вы все на фиг!" — и, провожаемая удивленным взглядом профессора, ушла к себе в дом. ■

Череп, яд и труп под дверью

Совсем не страшная новогодняя история

Произошло все это незадолго до Нового года. Должна особо подчеркнуть, что этот незабываемый декабрьский вечер поначалу ничем не отличался от остальных вечеров. Мы с мужем мирно сидели в своей квартире на шестнадцатом этаже панельного дома и занимались каждый своим делом. Муж смотрел телевизор, я раскладывала пасьянс. Диссонанс в эту идиллию вносило только странное поведение моей любимой домашней кошки Мисюсь. Около десяти часов она начала царапаться во входную дверь, скулить и вообще вела себя как собака, которой приспичило.

Пару раз я подходила к двери, прислушивалась, выглядывала в глазок, но ничего подозрительного не обнаружила. Соседи слева в очередной раз сдали свою квартиру, но пока еще неизвестно — кому. Посему апартаменты временно пустовали. А соседи из квартиры напротив начинали семейные разборки не раньше часа ночи, так что и там пока не могло быть ничего интересного, о чем Мисюсь знала не хуже меня.

Наконец мое терпение лопнуло.

— Ну, вот что, киса, — заявила я своей любимице. — Сейчас мы пойдем и посмотрим, что ты там нанюхала, и если это — очередной бродячий кот, я тебя для начала выдеру, а потом дам таблетку "антисекса". Ты меня достала, боевая подруга.

Я взяла Мисюсь на руки и приоткрыла входную дверь. Прямо перед дверью в неестественной позе лежал человек, а вокруг его головы расплывалось густо-красное пятно.

Мне удалось сделать одновременно четыре действия: захлопнуть дверь, уронить кошку на пол, наступить ей на хвост и издать полузадушенный вопль. Последний, правда, был перекрыт мощным протестом Мисюсь, которая до смешного бережно относится к своему хвосту. После этого я бросилась в комнату, где мой супруг смотрел какой-то гангстерский сериал, и прошептала:

— У нас на площадке, кажется, лежит труп.

— Кажется — лежит, или кажется — труп? — невозмутимо потребовал уточнений мой драгоценный. — И вообще ты, по-моему, сегодня ничего уже писать не собиралась.

— Вызови милицию! — наконец вернулся ко мне голос. — За нашей дверью какой-то мужик плавает в крови.

Супруг понял, что это — не плод моего буйного воображения, незаменимого, кстати, при написании детективов, чем я, собственно, и занимаюсь. Во всяком случае, он встал с кресла и пошел лично убедиться в том, что труп действительно есть. Мисюсь, естественно, увязалась за ним. Тридцать секунд спустя раздался звук резко захлопнувшейся двери и... истошный кошачий крик. Определенно, киска сегодня останется безхвостой.

Супруг набрал "02". Я насчитала всего-навсего десять гудков, когда там наконец-то сняли трубку. Правда, потом дело пошло веселее. Минут через двадцать мы услышали характерный шум лифта, остановившегося на нашем этаже, и бросились встречать милиционеров.

Их оказалось трое, все с автоматами, а один еще и с рацией.

— Где труп? — деловито спросил, видимо, старший по наряду.

Я посмотрела вниз. Труса не было. Вообще никого и ничего на лестничной площадке не лежало, не валялось, не сидело и не стояло. Правда, густо-красное пятно оставалось на прежнем месте, и его — о ужас! — увлеченно лизала моя драгоценная киска.

— Брысь отсюда, зар-р-раза! — зашипела я. — Труп, то есть тело, то есть ОНО лежало вот тут. И кровь вокруг головы.

— Я видел, — поддержал меня супруг. — Сразу пошел звонить вам, ничего не трогали. Мне показалось, мужик это был.

Один из милиционеров отошел в сторону и начал какие-то переговоры по рации. Взгляды, которые он при этом бросал в нашу сторону, были не слишком дружелюбными, отчего у меня противно засосало под ложечкой. Сейчас решат, что был ложный вызов, и отношения с родным отделением милиции станут напряженными. Они и так далеки от идеала, правда, не по нашей вине.

По другую сторону от лифта, в точно такой же квартире, как наша, проживает местная достопримечательность — Алевтина. Ей около шестидесяти, но отчества ее никто не знает. Знаменита она не только тем, что никогда не бывает трезвой, но и тем, что одевается всегда по последней моде. Если учесть, что синяки с физиономии практически не сходят, появляясь на самых разных местах, то эффект получается дивный.

Так вот эта самая Алевтина милицию вызывала как минимум раз в неделю. То под ее дверь кто-то подкладывал взрывчатку, то пытались изнасиловать прямо в подъезде, то, воспользовавшись недолгой отлучкой хозяйки в магазин, сменили замок на входной двери, и она не могла попасть в собственную квартиру. В последнем случае выяснилось, что дверь она пыталась отпереть ключом от почтового ящика. Все остальное было примерно в такой же степени достоверно, так что наша лестничная площадка у милиции уже сидела в печенках.

В тот самый момент, когда я тоскливо размышляла о будущих с ней взаимоотношениях, на лестничной площадке появилась сама Алевтина и с ходу включилась в расследование. На сей раз она была одета с изысканной простотой: закутана в махровое полотенце, бывшее когда-то белым. Новым синяком она еще не обзавелась, зато забыла вставить челюсти, что было не менее эффектно. Самый молодой милиционер даже покачнулся.

— Я слышала, как тут стреляли! — заявила Алевтина. — Два выстрела было. Пистолет с глушителем, стреляли от лифта, а тот, который упал, он хотел пустую квартиру вскрыть.

— С чего вы это взяли? — поинтересовался старший по наряду.

— Да он минут десять около двери вертелся.

— Вы все это из своей квартиры видели?

— Естественно.

— Но если тот, кого вы видели, упал, то куда же он потом делся?

— Уполз по лестнице, — мгновенно ответила Алевтина.

— Писаренко, проверь, — приказал старший, и молоденький милиционер припустил вниз прежде, чем мы с мужем успели вмешаться.

Дело в том, что архитектура нашего дома — это отдельная сказка. Строился он когда-то для элитных жильцов, в трех стеклянных подъездах-холлах были посты для вахтеров и фikusы в кадках. Помимо двух лифтов имелись еще и две лестницы, каждая — с отдельным выходом на этажах. Забыли только пустяк: сделать выходы с этих лестниц в холл первого этажа: там осталась монолитная бетонная стена. Обнаружила это комиссия по приемке дома. Был грандиозный скандал, наскоро прорубили выход на волю с одной из лестниц, а второй поклялись сделать чуть позже. И вот уже тридцать лет одна из лестниц ведет в никуда, точнее, упирается в тупик. Та самая, которую избрал милиционер.

Тем временем на нашей площадке стало еще оживленнее. Лифт привез трех мужчин в штатском плюс одного — в милицейской форме со здоровенной овчаркой на поводке. С собаками у меня отношения сложные, поэтому я попыталась тихо улизнуть в квартиру. Но мне не удалось. Во-первых, потому, что опять вмешалась Мисюся. Будучи кошкой абсолютно домашней, собак она видела один или два раза в жизни, причем издали. И сейчас ей безумно захотелось познакомиться с песиком, у которого она поместилась бы в пасти, даже стоя на задних лапах. А во-вторых, потому, что во главе следственной группы приехал Владимир Иванович, наш с мужем давний знакомый. Когда-то именно он вел дело об ограблении нашей квартиры... Впрочем, к данной истории это отношения не имеет.

— Ну, и что у вас произошло? — поинтересовался Владимир Иванович.

Муж четко доложил обо всем.

— Ах, вы тоже своими глазами это видели? — спросил следователь. — Значит, это не только версия вашей жены? — И добавил: — Пятно мне не нравится, — произнес Владимир Иванович. — Пятно проверим, а пока пусть собака поработает. Давай, Савушкин, пускай Матильда.

Матильда, разумеется, потащила проводника к "нормальной" лестнице, то есть к той, с которой есть выход в вестибюль. Впрочем, они быстро вернулись: тремя этажами ниже "кто-то" пересел в лифт. Причем этот "кто-то" действительно побывал на нашем этаже: красные капельки кое-где отмечали его путь. Но — не более того.

В это время с другой лестницы послышались какие-то невнятные крики.

— Там же Писаренко! — вспомнил кто-то из милиционеров, а проводник мгновенно спустил Матильду с поводка и что-то ей скомандовал.

Матильда помчалась спасать Писаренко, за нею кинулись оба его коллеги с автоматами. Минут через пять из лифта вышла живописная группа: те же и два новых персонажа — хорошо одетые мужчина и женщина с ошалелыми лицами.

— Вот, товарищ майор, — доложил Писаренко Владимиру Ивановичу. — Эти двое отказались предъявить документы и вообще оказали сопротивление...

— Где вы их обнаружили?

— На лестнице. На десятом этаже сидели.

— И что вы там делали, граждане? — поинтересовался Владимир Иванович.

— Ну, майор, — укоризненно проговорил мужчина. — Что могут делать мужчина и женщина вечером в подъезде?

— Что угодно! — невозмутимо ответил майор. — Граждан обыскивали?

— Не имеете права!

— Имеем, имеем. Надо было не спорить с милицией, а предъявить документы. И занимались бы дальше, чем собирались. А так — сопротивление властям. Так что давайте, выкладывайте все из карманов.

Парочка не шлохнула. Поверхностный обыск выявил: набор ключей и отмычек у дамы, газовый пистолет и отлично отточенный нож — у кавалера. А вот документы как раз отсутствовали.

— Это они министершу хотели ограбить, — безмятежно сообщила Алевтина, о которой все успели позабыть. — На десятом этаже больше некого, только ее. Ее муж-покойник, все знают, картины собирал и монеты. Теперь она одна живет. А соседи по этажу — все до единого гольфба, то есть пенсионеры. Спать с петухами заваливаются. Если на десятом этаже, то даже не сомневайтесь, товарищ начальник: попытка ограбления гражданки Фомичевой.

— А ведь какой приличный дом когда-то был, — заметил с невольной тоской в голос Владимир Иванович. — Ладно. Эти граждане поедут с нами, а вас, Светлана Игоревна, попрошу с супругом завтра утречком пожаловать к нам. Адрес знаете. Можете, кстати, и киску прихватить: похоже, они с Матильдой подружились. Поглядите.

Я поглядела, и у меня подкосились ноги. Глупая кошка обнюхивала лапы и хвост огромной овчарки, а та разглядывала ее, явно прикидывая: проглотить целиком или сначала перекусить пополам. Вмешаться я не успела — Матильда сомкнула челюсти на кошачьем загревке и мгновение спустя... положила Мисюся на коврик около входной двери. Живую и невредимую, только притихшую. И отошла к проводнику, неся на морде надменно-презрительное выражение: дескать, путаются тут всякие под лапами.

— А можно я вашу собачку чем-нибудь угощу? — заискивающе спросила я проводника.

— Она на работе не закусывает, — серьезно ответил тот. — Пошли, Матильда, ты у меня молодец.

Вся милицейская компания плюс двое арестованных загрузились в лифты и отбыли в отделение. А мы вернулись к себе. На часах было уже около полуночи.

— Из-за этих бегущих трупов я пропустил хоккей, — недовольно произнес мой муж. — Если бы не видел собственными глазами, всыпал бы вам с кошкой по первое число. Одна изображает из себя сторожевую собаку, другая за кошкой уследить не может...

Супруг ворчал, кошка орала, требуя рыбы: от пережитого у нее разыгрался аппетит. Пока я успокоила одного и накормила другую, стрелки часов переползли за час. Я это отметила чисто машинально — и тут же получила весомое подтверждение: в квартире напротив что-то со страшным грохотом разбилось, и раздался истошный женский вопль: "Ублюдок!" Жизнь на нашей лестничной площадке вошла в привычную колею.

На следующее утро я отправилась в отделение милиции. Супруг вручил мне листок бумаги со своими показаниями и объяснил, что ради неопознанных блуждающих покойников не собирается отменять свое присутствие на каком-то там совещании. По-моему, там прекрасно обошлись бы и без него, но, наученная многолетним опытом, я не стала вступать в дискуссию, заведомо обреченную на поражение.

В отделе Владимир Иванович сообщил, что меня жаждет видеть сам начальник — Николай Александрович. Ну, "жаждет" было, конечно, сильно сказано. Просто полковник хотел услышать оригинальную версию событий, а главное, как выяснилось, посмотреть в мои глаза после того, как сам мне кое-что сообщит.

Должна сказать, что у нас с Николаем Александровичем сложились взаимно теплые отношения. Начались они с того, что несколько лет назад мне приспичило прописаться в квартиру к мужу, а не просто жить там "на птичьих правах". Не помню уже, с чем конкретно это было связано, но решение созрело, и я отправилась в отделение милиции, — в абсолютно приемное, замечу, время, — и почти полчаса мыкалась там по пустым коридорам у запертых кабинетов, пока, наконец, не встретила спортивного вида милицейского чина средних лет.

— Что желаете, сударыня? — доброжелательно поинтересовался он.

Не "женщина", не "гражданка", не "товарищ" и даже не "девушка", а "сударыня". Это обращение — да еще и из уст полковника милиции — сразило меня наповал. И я начала бормотать что-то о желании прописаться к законному мужу на законных основаниях. Вот, мол, мои документы, а тут ни одной собаки нет, и вообще...

— А зайдём-ка ко мне в кабинет, — предложил полковник. — Что в коридоре разговаривать? — И галантно открыл передо мной дверь, на табличке которой значилось: "Начальник отделения милиции". — Прописаться, значит, желаете, — приговаривал он, усаживаясь за внушительных размеров письменный стол. — Ну что ж, сударыня, вы к нам пришли, а мы вот вас возьмем, да и пропишем! Укрепим тем самым семью. Ваш-то супруг, небось, думает, что мы откажем, а мы возьмем, да и разрешим.

Николай Александрович развил бурную деятельность, чуть ли не собственноручно оформив мне все документы, а напоследок предложил "заходить запросто, но только с приятными делами". В общем, очаровал меня совершенно, и когда несколько месяцев спустя нашу квартиру ограбили, то поход в милицию позволил мне совместить приятное с полезным: заявить о краже и возобновить знакомство с душкой полковником.

Дело об ограблении Николай Александрович поручил вести, как он сказал, лучшему следователю — Владимиру Ивановичу. Тот мне дал понять, что пропавший магнитофон и старая шуба — вполне умеренная цена за разгильдяйство: дверь нужно запирать как следует и вообще поставить нормальную, а не из картона.

— Посудите сами, Светлана Игоревна, — сказал он тогда. — У нас за прошлую неделю два убийства, три ограбления со взломом и нанесением увечий, три перестрелки на улице, семь изнасилований. А уж краж... Хотите — оставляйте заявление, но я вас честно предупреждаю: займемся, если руки дойдут. Поймите и нас тоже.

В общем, мы друг друга поняли. Мы с мужем поднатужились — и поставили стальную дверь.

Вот к нему-то меня и направил Владимир Иванович, причем выражение лица у него было довольно загадочным.

Николай Александрович сидел у себя в кабинете. Внешне он мало изменился и вообще выглядел молодцом, о чем я ему и сообщила.

— Ладно, сударыня, комплименты вы мужу говорите. А мне скажите, что у вас вчера было на обед или на ужин.

Лучше бы он спросил меня, какая погода была в этот день год назад. Это я, возможно, и вспомнила бы. Но есть две вещи, которые я не забываю принципиально: кто во что был одет (включая меня самое), и что я в последний раз ела, будь то хоть полчаса назад. Наверное, на моем лице отразилась целая гамма переживаний, потому что полковник уточнил:

— Хорошо, поставим вопрос по-другому: вы покупали вчера какие-нибудь продукты?

— Да, — честно призналась я. — Около метро купила пачку пельменей. Хлеба, конечно. А потом на лотке около дома увидела говяжью печенку, недорого. Ну и взяла кусок. А что?

— А куда вы ее положили? Печенку, то есть?

— Обычно я кладу продукты в хозяйственную сумку, — доброжелательно сообщила я. — Привыкла, знаете ли. Всегда ношу с собой штуки две. Наверное, туда и положила. А что?

— А протечь у вас в сумке она не могла?

— Могла. И протекла. Хлеб немножко испачкался. Да скажите, наконец, в чем дело? Сразу признаюсь: испачканный кусок хлеба выкинула, сумку вымыла горячей водой с мылом и повесила сушить, печенку положила в холодильник... А, печенку мы ели на ужин, вот теперь вспомнила.

— Дело в том, сударыня, что кровавое пятно у вашей двери идентично крови, которая содержится в говяжьей печени.

Несколько мгновений я просидела с открытым ртом. Потом все-таки обрела дар речи.

— То есть вы хотите сказать, что я пришла домой, поставила сумку на пол, и пока открывала дверь, из сумки натекла лужа? Кровавая?

— Ну, допустим.

— Не годится! — я уже села на любимого конька. — Во-первых, муж вернулся позже меня, и если бы пол был испачкан, мне бы как минимум "поставили на вид". У нас с этим строго. А во-вторых, даже если он каким-то чудом эту лужу проглядел, то получается, что загадочный тип улегся около нашей двери мордой в эту самую лужу?

— Действительно, странно получается, — согласился полковник. — А вы уверены, сударыня, что этот тип вам не померещился? Придумывали очередной сюжет, увлеклись...

— Иногда я и правда увлекаюсь, — отпарировала я с холодным достоинством, — но кошка моих увлечений обычно не разделяет. А тут она от волнения прямо на стенку лезла. Наконец, мой муж тоже видел этого типа...

— Потому-то мы и беседуем, — вздохнул полковник. — Может быть, кто-то решил вас разыграть? Или напугать?

— Маловероятно. Среди наших знакомых розыгрыши не в ходу. А чтобы меня напугать, достаточно подойти сзади и хлопнуть в ладоши. Обморок гарантирован, и никому не надо валяться на грязном полу.

— Резонно. Как бы то ни было, вчера арестовали парочку, которая за прошлый год обчистила несколько квартир. Так что не было бы счастья... Не смею задерживать вас, сударыня. Привет супругу.

— Слушай, — спросила я вечером свою лучшую половину, — а может, это тебя кто-то хотел разыграть? Ты в этом доме сто лет живешь, сам рассказывал, как у вас тут забавлялись.

Я имела в виду хрестоматийный случай из "золотого века" этого дома. Тогда этажом ниже моего супруга жил не кто иной, как Олег Попов, а этажом выше — Игорь Кио. Оба еще молодые, но уже известные. И вот однажды вечером они одновременно вернулись домой, причем в одинаково веселом состоянии. Вахтерша — а тогда еще в каждом подъезде в окружении фикусов сидели бдительные тетеньки — сделала им замечание за слишком шумное поведение. И тогда Кио проделал одну из своих "коронок" — дохнул на тетку огнем. Пока та приходила в себя, оба проказника шмыгнули в лифт и благополучно разошлись по кварти-

рам. Но через сорок минут за ними обоими явилась милиция: по роковому совпадению в подъезде загорелся мусоропровод, и вахтерша указала на "поджигателей". Весело было!

Любимый только махнул рукой.

— Ты все-таки ненормальная. Здесь остались одни пенсионеры да алкоголики. И вообще был один шанс из ста тысяч, что я выгляну из квартиры. Это вы с Мисюсь любопытные, как...

— Кошки, — услужливо подсказала я. — Что же делать, такие уродились. Она, кстати, и сейчас под дверью крутится, что-то вынюхивает. Может, опять труп пришел?

— Слушай, оставь меня в покое! — разозлился супруг. — Мало тебе вчерашнего — иди, посмотри. Только потом не жалуйся, что по ночам кошмары снятся.

Между прочим, кошмары чаще снятся ему. Ну да разве мужчину переспоришь?

Я пошла на кухню попить чаю. В коридоре Мисюсь буквально распласталась на входной двери и прямо-таки стонала от возбуждения.

— Имей в виду, — строго указала я кошке, — папа обещал нас с тобой поставить в угол, если мы не угомонимся. Что ты там опять учуяла, несносное создание?

Мисюсь на секунду замолчала, а потом опять начала издавать нечленораздельные звуки и царапать дверь.

— Последний раз иду у тебя на поводу, — вздохнула я. — Если опять труп, показания в милиции будешь давать ты. Непосредственно своей подруге Матильде.

Я открыла дверь, и... Мисюсь молнией метнулась на площадку, и через несколько секунд я обнаружила, что она с упоением лупит по морде огромного черного кота, который даже не сопротивляется, а только пятится от нее к лестнице и орет благим матом. Моя дорогая питомица тоже разоралась. Ключья черной шерсти летели во все стороны, я уже не могла понять — чьей. Наконец кот вырвался из ее когтей и сиганул на лестницу, откуда тут же раздался новый вопль — на сей раз явно человеческий.

Я бросилась за ним. На лестничной площадке корчилась фигура мужчины с... котом вместо головы. Пока я пыталась сообразить, что сие означает, фигуре удалось отодраться от себя кота и швырнуть его вниз. Я мельком увидела окровавленную, с безумными глазами физиономию молодого мужчины. Кот прилично располосовал ему лицо, чудо еще, что глаз не задел.

— Идите сюда, я вам помогу! — закричала я и сделала несколько шагов к незнакомцу.

Но тот отшатнулся, погрозил мне кулаком и с криком: "Я тебя еще достану, чертова алкоголичка!" — побежал следом за котом. Через минуту на лестнице стало тихо.

Я вернулась к лифту. Около него с невинным видом сидела Мисюсь и приводила в порядок свою шкурку. А в дверях квартиры стоял мой муж и с интересом разглядывал что-то свисающее в дверном проеме на уровне его головы. Будучи довольно близорукой, я не могла различить детали.

— Ничего особенного, девочка отлупила очередного Филимона, — сообщила я от лифта. — Ложная тревога. А у тебя что?

— Посмотри, какая прелесть! — услышала я в ответ.

С Мисюськой на руках я подошла к родимому порогу и почувствовала, как пол уходит у меня из-под ног. Супруг разглядывал подвешенный к притолоке... человеческий череп!

Очнулась я на диване как раз в тот момент, когда супруг собрался вылить мне на голову вторую половину чайника.

— Лучше дай попить, — попросила я. — Ты что, перепутал меня с кактусом? Зачем ты меня поливаешь?

— А как еще прикажешь приводить тебя в чувство? Сто раз говорил: купи нашатырь. Вот, пожалуйста, теперь претензии.

— Надо было не сто раз говорить, а один раз купить. Принеси лучше полотенце, голову вытереть.

Пока супруг ходил за полотенцем, я вспомнила, из-за чего хлопнулась в обморок, и поискала глазами жуткий предмет. Или мне все померещилось? Похоже, что так: ничего подобного в комнате не наблюдалось.

— Поздравляю тебя, у меня глюки, — сообщила я мужу. — Мне привиделось, что у нас над дверью висит череп.

— Это не глюки. Действительно висит. Сейчас пойду и сниму. Вот здорово, я лет десять мечтал о такой игрушке...

— Нет, ты положительно сошел с ума, — вздохнула я. — Не смей ничего трогать, я сейчас позвоню в милицию. И вообще не позволю держать в доме такую гадость.

После десяти минут ожесточенной перебранки сошлись на том, что я звоню не просто в милицию, а лично Владимиру Ивановичу, и дальше мы будем поступать исключительно по его указаниям.

Нам повезло: Владимир Иванович еще был на месте, но как раз собирался уходить. Сообщение о кошках и изодранном субъекте он как бы пропустил мимо ушей, а вот череп его явно заинтересовал. Он сказал, что будет через четверть часа.

Владимир Иванович приехал, и кое-что из тайны, покрытой мраком, начало превращаться в более или менее связную картину. Как ни странно, благодаря этому самому кошмарному черепу, ибо, к неопишуемому горю моего супруга, на внутренней стороне сего предмета была прикреплена бирка: "Первый медицинский институт".

— Три недели назад обокрали одну из лабораторий первого "меда", — рассказывал Владимир Иванович, любовно разглядывая жутковатый "вещдок". — Увели компьютер, кое-что из оборудования, ну и, разумеется, такие вот наглядные пособия. Сторож клянется, что никого не видел и ничего не слышал. Дверь в лабораторию не взломана, а отперта. Значит, сделал кто-то из сотрудников, возможно, из бывших. Есть там пара-тройка подозрительных. А вот зачем нужно было вам эту игрушку подсовывать, ума не приложу.

— Не подсовывать, а подвешивать, — мрачно ответила я. — Хорошо, что Мисюсь меня отвлекла своими брачными играми, и в дверь я прошла, считайте, на четвереньках. Если бы в полный рост, поцеловалась бы с этой образиной... Б-р-р!

— Подождите, какие брачные игры? — изумился Владимир Иванович.

О Мисюсь, черном коте под дверью и пострадавшем неизвестном типе я рассказала с огромным удовольствием, не упуская ни единой подробности.

— Фиктивный труп, черный кот, череп... — задумчиво суммировал Владимир Иванович. — Во всем этом есть что-то общее, вы не находите?

— Основная связующая черта — идиотизм, — как всегда точно определил мой муж. — Кто-то развлекается.

— У вас есть соображения — кто?

— Скорее всего те, кто читает детективы, написанные моей супругой. Прочел парочку — и готово, крыша поехала.

— Ты их все читаешь и ничего, нормальный, — обиделась я. — Может, это кто-нибудь из твоих клиентов резвится? Отклонил статью очередного сумасшедшего изобретателя — вот он и пытается тебе отомстить.

— Подвесив череп? Да если бы это было так, я бы любую его галиматью опубликовал вне очереди.

— Стоп-стоп-стоп! — замахал руками Владимир Иванович. — Боксировать будете по выходным дням. Светлана Игоревна, вы лицо этого типа не запомнили?

— Запомнила только глаза: светлые, навывкате, вот-вот вывалятся, и здоровые, как блюдца. Может, он их от страха выкатил.

Наши дедуктивные изыскания прервал звонок во входную дверь. Муж пошел открывать, а следователь неуловимым движением скользнул в коридор и встал сбоку от двери с пистолетом в руке.

— Ух ты! Как в кино! — шепотом восхитилась я.

В ответ мне очень невежливо погрозили кулаком. И зря. Пришла всего-навсего Алевтина. На сей раз — в полупрозрачном нейлоновом пеньюаре дико-лилового цвета, в бигуди и с бутылкой в руке.

— Это у вас под дверью стоит, — сообщила она. — Вам что, не нужно? Так я заберу. Моя любимая марка.

Любимым напитком соседки, как выяснилось, было пойло под названием "Аг-дам". Если не пробовали или хотя бы не нюхали, то даже объяснять бесполезно, что это за "нектар". Непонятно только, откуда он взялся у нас под дверью. Именно этот вопрос читался в глазах Владимира Ивановича.

— Уж точно не наши поклонники, — ответила я вслух. — Супруг предпочитает пиво, я — джин с тоником, в баночках таких, зелененьких.

— Тогда я заберу, — обрадовалась Алевтина. — Как раз к Новому году!

— Нет уж! — поставил точку Владимир Иванович. — Заберу я и отдам на экспертизу. Вместе с черепом. Пальчики посмотрим, то-се. А то что-то слишком много подарков вам преподносить стали. Даже если к Новому году...

Общими усилиями мы избавились от огорченной Алевтины, потом ушел и Владимир Иванович, пообещав позвонить и рассказать о результатах.

Позвонил он через день. И предложил нам прийти для личной беседы. Не столько с ним, сколько с начальником, потому что полковник проявил к этой истории самый живой интерес.

— Теперь иди ты, — сказала я мужу. — А я свои мысли изложу в письменном виде. Иначе опять ничего не напишу, и меня выгонят с работы. Год, между прочим, кончается. И вообще, я не выспалась.

В последнем, кстати, ничего странного не было. После истории с черепом я проснулась на рассвете от каких-то странных звуков. Что-то потрескивало, похрюкивало, постукивало... Звукоизоляция в квартире у нас нормальная (сосед чихнет — мы ему "Будь здоров!" говорим), так что шуметь могли где угодно. Искать источник странных звуков я не пошла, но заснуть так и не удалось. А минувшей ночью выть, стучать и трещать начало с полуночи. Просто нашествие барбашек какое-то!

Супруг, однако, идти один категорически отказался. Точнее, отказался оставить меня одну в квартире.

— Уйду, а тебя тут напугают до полусмерти каким-нибудь скелетом. Или привидения защекочат. Нет уж, пойдем вместе. Мисюсь отобьется, она у нас никого не боится.

Так что к Николаю Александровичу мы явились дружной супружеской четой и застали его в непривычно хмуром расположении духа. К тому же он был не один:

в его кабинете, кроме Владимира Ивановича, сидели еще два оперативника помо-
ложе.

— Шутки, похоже, кончились, — заявил начальник после официальной цере-
монии приветствия. — Бутылочку вам подкинули занятную. Хорошо, что вы такие
напитки не уважаете.

— В бутылке была взрывчатка! — обрадовалась я и тут же сникла под укориз-
ненным взглядом супруга.

— Нет, сударыня, ошибаешься. Яд оказался в бутылочке.

— Цианистый калий, да? С запахом горького миндаля?

На меня напала беспричинная веселость. В конце концов, это уже перехо-
дило границы приличия! Пачкают мне пол кровью от печенки, подкидывают
живые трупы, котов, экспонаты из анатомички. А теперь еще винцо отравлен-
ное...

— Должен вас огорчить: всего-навсего крысиный яд. Зато — лошадиная доза.

— Ну, уж это слишком! — возмутилась я. — Цианида пожалели, жлобы гнус-
ные!

— Соображаешь, что ты несешь, лапушка? — одернул меня муж. — Перестань
прикидываться идиоткой! Все это уже становится серьезным, полковник прав.

— Вот именно, — поддержал супруга Владимир Иванович. — Тем более, что и
на бутылке, и на черепе отпечатки пальцев одного и того же человека. А теперь
давайте думать, у кого могут быть к вам такие претензии? Череп — это ерунда, а
вот яд...

— Если бы кто-то затеял отравить нас, то выбрал бы другие напитки, — возра-
зила я. — Меня лучше всего отправить на тот свет отравленным апельсиновым со-
ком. Я его всегда на ночь пью. А мужу — в пивко сыпануть. Но "Агдам"... Этим
только нашу Алевтину можно соблазнить. Неувязочка получается.

— А больше никаких сюрпризов не было? — поинтересовался один из опера-
тивных.

— Если не считать барабашек... — неопределенно протянула я.

Но от меня потребовали деталей, и я их выдала, включая точную имитацию тех
звуков, которые выслушала за истекшие ночи. Похоже, я была достаточно убедит-
тельна, потому что оба молодых сотрудника не выдержали и ушли. А Владимир
Иванович, как более закаленный, остался. Полковник же вообще находился в сво-
ем кабинете, и деваться ему было некуда.

— Я хотел спросить вас, уважаемые, — зашел с другой стороны полковник, —
ведь у вашего тамбура есть дверь? Почему она всегда нараспашку? Заприте, и ни-
кто не будет подбрасывать к порогу всякую дрянь.

Мой супруг обреченно махнул рукой.

— Раньше эта дверь запиралась, а в последние годы это просто мартышкин
труд — через день надо замок чинить. Напротив нас парочка живет, то он клю-
чи потеряет, то она... И начинают трезвонить к нам среди ночи. Или замок ло-
мают.

— А другие соседи?

— Те давно сдают квартиру. Одно время там фирма была, пока не запретили.
Потом какие-то армяне жили. Сейчас пусто, но, наверное, кому-то еще будут сда-
вать или уже сдали. Но вообще-то вы правы. Нужно будет замок починить, хоть на
какое-то время. А то мне из жены неврастеничку сделают.

Тут вернулись двое ушедших следователей.

— Все правильно, товарищ полковник, — ответил один из них на немой во-
прос начальника. — Старо, как мир, но действует безотказно. Динамик в венти-

ляционной шахте, магнитофончик на чердаке. Этажом выше в квартире ремонт, внизу — два глуховатых пенсионера, да у них еще собака, тоже старенькая, то плачет, то воет. А на чердак надо группу посылать, там следов — как грязи.

— Ну вот, с барабашкой вашим все ясно, — повернулся полковник к нам с мужем. — Теперь осталось вычислить, кому вы так насолили. И починить замок в тамбуре. Если что подозрительное, немедленно звоните.

— Что именно прикажете считать подозрительным? — уточнила я. — Потусторонние звуки, черных котов, лужи крови?

— Да нет, какого-нибудь незванного водопроводчика, например. Или цыганку. В общем, что я вас учу? Это вы детективы пишете, а не я...

Замок мой супруг починил в тот же вечер. Ночь прошла тихо и спокойно, как в раю. Наутро супруг собрался идти к себе в редакцию, а я позвонила в свою и отпросилась. Идти с пустыми руками не имело смысла, а за день в одиночестве я рассчитывала хоть что-нибудь написать, чтобы встретить праздник с чистой совестью и честно заработанной монеткой.

Написать я действительно успела... две страницы. Потому что около полудня в дверь позвонили. И я, высунувшись в шелку, увидела за стеклом запертой (слава Богу!) тамбурной двери три фигуры с черными прозрачными чулками на лицах!

Врать не буду: не помню, как мне удалось вызвать милицию, а не упасть в очередной обморок. Потом я какое-то время высовывала голову в коридор, кричала грабителям (а кто еще это мог быть?): "Сейчас, сейчас, ключи найду!" и снова пряталась в квартире. Наконец кошмар кончился: одновременно открылись двери обоих лифтов, а с лестницы ворвалась великолепная Матильда, волоча за собой проводника. Тут я вышла из квартиры.

С появлением милиции грабители разметались по стенам, подняли руки вверх и что-то тоненько заголосили. Милиционеры же, наоборот, сначала как бы застыли в ступоре. Первым очнулся Владимир Иванович и, увидев меня, поманил рукой. Я смело открыла дверь: чего бояться-то, если их шестеро с автоматами, не считая Матильды? Мимходом бросила презрительный взгляд на горе-налетчиков и... тоже опешила. Чулки на головах мне померещились с перепугу. Просто это были индийцы. Смуглые, естественно, что меня с толку и сбilo.

— Светлана Игоревна, — окликнул меня Владимир Иванович, — вы какой язык в школе учили?

— Английский, — машинально отозвалась я. — Но это было давно.

— Неважно. У меня вообще был немецкий. Так что попробуйте первоначально прояснить у этих граждан, чего они здесь потеряли.

Как ни странно, индийцы меня понимали. Еще более странным оказалось то, что их понимала я — с американцами, а тем более с англичанами, у меня такой номер не проходил. Вдохновленная успехом, я довольно быстро выяснила, что это — новые квартироръемщики, для которых запертая тамбурная дверь оказалась полной неожиданностью. Они сняли квартиру на год и вот сегодня как раз приехали...

Милиционеры наблюдали за нами с интересом и даже расслабились. Не нравилось все это только одному действующему лицу — Матильде, которая порывалась подойти поближе к одному из туков, составлявших багаж индийцев. В конце концов ее маневры привлекли внимание Владимира Ивановича.

Тюк пришлось развязать — к восторгу Матильды. Там было несколько блоков каких-то странных сигарет.

— Марихуана, — определил один из милиционеров.

Несчастных индийцев — жертв в кои-то веки заработавшего замка — погрузили в лифт со всеми их пожитками. Владимир Иванович обещал похлопотать перед начальством, чтобы мне дали почетную грамоту: за систематическое содействие милиции в поимке всяких нарушителей, и тоже отбыл.

Ушла в квартиру и я, хотя Мисюсь рвалась вдогонку новой подруге. Абсолютно сумасшедшая кошка: котов лупит, с собаками заигрывает...

Вернувшийся с работы муж долго и злорадно смаковал историю об аресте представителей международного наркобизнеса, попутно выражая надежду, что это происшествие отобьет охоту у наших соседей сдавать квартиру абы кому. Но в остальном день прошел без приключений, и я даже успела кое-что написать, так что собиралась наутро с чистой совестью ехать на работу.

Увы, меня определенно преследовал злой рок! Сначала я вышла из подъезда и обнаружила, что под ногами — лужи, а сверху — льет. Это в декабре-то, накануне Нового года! Пришлось вернуться назад, надеть непромокаемые сапоги, взять зонтик. И ведь знаю же приметку: нельзя возвращаться, пути не будет. Как только я вышла из лифта на первом этаже, передо мной возник молодой мужчина с большими светлыми глазами навывкате и довольно свежими царапинами на лице. На мгновение я застыла от неожиданности, но быстро сориентировалась и рявкнула страшным голосом:

— А ну, стой на месте! Тебя вся милиция неделю ищет!

Лупоглазый, не будь дурак, повернулся и кинулся к выходу. Я побежала за ним, крича на ходу:

— Я тебе покажу "алкоголичку"! Я тебя отучу котов подбрасывать! Я тебе такое устрою за шуточки с черепами, покойник ходячий!

Сам лупоглазый меня вряд ли слышал, зато прохожие на улице замирали от восторга. Еще бы, такое не каждый день увидишь: бежит тетка с зонтиком за мужиком и что-то орет истошным голосом. Но ли за жуликом гонится, то ли законного мужа пытается в семью вернуть. А он рвался к остановке троллейбуса, куда как раз подходила соответствующая транспортная единица.

"Уйдет ведь, мерзавец! — подумала я. — Ему до троллейбуса метра три осталось, а мне — все десять. Да и моложе он. Ну, за-р-раза!"

И я запустила в него свернутым зонтиком, как городошной битой. Мой злодей как раз схватился за троллейбусный поручень — и рухнул на тротуар, словно подкошенный.

Мгновенно собралась небольшая толпа. А я пошла к ней на ватных ногах. Один раз в жизни попала, куда целилась, — и на тебе, убила! Зонтиком!

— Позвоните в милицию, — обратилась я какому-то мужчине в военной форме. — Это убийство. Я все расскажу.

Мужик посмотрел на меня безумными глазами, но спорить не стал и отошел — то ли милицию вызывать, то ли от греха подальше. Мне было уже все равно, лишь бы скорее приехали.

Не знаю, сколько прошло времени, мне показалось — вечность. Наконец из переулка одновременно выехали "скорая" и милицейский "мерседес". К моему неопишуемому облегчению, Владимира Ивановича в милицейской машине не было, равно как и других знакомых. Я решительно подошла к тому, кто производил впечатление старшего по группе, хотя и был весьма молод. Санитары уже клали неподвижное тело на носилки.

— Вы будете искать убийцу? Так это я его... зонтиком.

— Какое убийство, гражданка?! — взвился милиционер. — Его током ударило, троллейбус же "по колено" в воде. И не насмерть, это шок. При чем тут вы? Су-масшедшая...

— Не исключено, — покладисто согласилась я. — Только этого типа ваше отделение неделю ищет. Спросите у Владимира Ивановича...

— Ах, вот как? Ну, тогда ему особое внимание нужно. Извините, мне некогда.

И он побежал к машине "Скорой помощи", на ходу подзывая к себе коллег из "мерседеса".

А я побрела домой. На полпути обнаружила в луже свой зонтик, который не только не долетел метров пять до цели, но еще и ушел метра на три в сторону. Слава Богу, меткость у меня сохранилась прежней! Зонтик в грязи, сапоги промокли, сама растрепанная, как черт... Не поеду никуда, пусть хоть уволят!

Не уволили. Праздники мы провели нормально, а главное — спокойно. А в начале января нас пригласили в милицию к начальнику.

— В общем, обыкновенная квартирная афера плюс наше традиционное российское разгильдяйство, — рассказывал Николай Александрович нам с мужем.

Мы чинно сидели в креслах для посетителей и слушали полковника.

— Нацелились не на вашу квартиру, а на квартиру соседки, Алевтины. Тоже двухкомнатная, той же планировки, тоже окнами во двор. Предлагали ей за доплату поменяться на однокомнатную на окраине — ни в какую. Все варианты перепробовала — она уперлась, и ни за что. Тогда решили припугнуть или даже напугать до полусмерти.

Заказчик, богатенький такой буратино из коммерсантов, хотел тут свою любовницу поселить, подарок ей к празднику сделать. А то ему неудобно было на окраину мотаться. Ну и нанял двух человек, задешево нанял. Авансом каждому дал по полтиннику, да обещал по сотне зелененьких в случае успеха. Этого, лупоглазого, и дружка его — бывшего лаборанта из той лаборатории, чей череп... А они с похмелья перепутали, где право, где лево. Им сказали: справа от лифта тамбур всегда открыт. Они и рады стараться: повернулись лицом к лифту и пошли вправо.

Сначала рассчитывали, что Алевтина увидит "труп в крови", и ей станет плохо. Тогда можно будет поговорить. Кот тоже для нее предназначался — она женщина суевренная, а от сочетания кота с черепом на веревочке вообще помереть могла. Кто же мог предположить, что ваша киска этого котяру так напугает, что он своему же кормильцу-благодетелю всю морду обдерет? Кошка, кстати, у вас правильная: котик-то кастрированный оказался, на кой ей такой нужен? Но это так, к слову.

Отравленная бутылка — это у них был последний козырь. Что бы они там дальше удумали, неизвестно, похоже, и у них фантазия иссякла. Этот, лупоглазый, шел с Алевтиной "по душам" поговорить, бутылку нес. На сей раз нормальную, без отравы. И нарвался на такой прием внизу у лифта. Нападения не ожидал, испугался, кинулся бежать. Ну, и один случай на миллион — дернуло током, когда в троллейбус запрыгивал. Хорошо, не насмерть. Вот, собственно, и все. Следствие закончено, остальное решит суд. Думаю, там обойдутся без ваших показаний, я похлопочу.

Молодой милиционер оказался благородным человеком и умолчал о моем "боевом зонтике". Я тоже никому ничего не говорила, даже мужу. Он и так до сих пор не может мне простить, что я не дала ему хотя бы поиграть настоящим черепом. Милиция могла бы денек подождать.

А я считаю, что к милиции нужно относиться уважительно и помогать ей по мере сил. Мало ли что...

МЕСТЬ

Эта история, случившаяся в момент, когда смертная казнь у нас еще не была отменена, но на нее уже наложили мораторий, потрясла Саратов. Моя командировка подходила к концу, пора было уезжать, но то, что пересказывали друг другу саратовцы, ужасало, казалось неправдоподобным, хотя местные газеты подтвердили: нет, это не додуманный вымысел, виновник жуткого преступления не отпирался, приняв как должное решение суда о высшей мере. И я попросил разрешения увидеть этого человека. Тюрьма, где он содержался, оказалась почти в самом центре Саратова. И вот я там.

Дети снятся...

...Его вводят в следственный кабинет в наручниках — черная щетина на впалых щеках, тусклый взгляд. Ведут в отгороженный решеткой угол. Беседовать с ним мне позволили только через решетку. На всякий случай — приговоренные к высшей мере бывают неуправляемы, им уже терять нечего. Но у него вялый вид и тихий голос. Коридорная дверь приоткрыта, и негромкие слова его тонут в гулких звуках — топоте, окриках, лае собак. Там, в коридоре, кого-то куда-то ведут. Этот тюремный этаж особенный — с камерами смертников. Почти не слышу ответов, подхожу с диктофоном вплотную к решетке¹.

Спрашиваю, почему не писал ходатайства о помиловании? Не хочет. Как себя чувствует? Почти не спит, а если засыпает, снятся дети. Его дети. Убитые им.

Он роняет голову, будто проваливается. Звякают не снятые даже там, за решеткой, наручники. Наконец, поднимает давно небритое лицо — оно мокрое от слез.

Как снятся?

Да так, как в жизни. То он играет с ними, то катает в своих "Жигулях". Везет по городским улицам, по шоссе, через золотеющие стерней, убранные поля, через мосты над узкими речками. А проснется — видит тусклый свет в решетчатом окне, серые стены. На

соседних нарах еще двое, тоже смертники, тоже ворочаются, и что-то бормочут во сне.

Говорит ли с сокамерниками о своем преступлении?

Нет. Зачем? Только душу травить.

Как все случилось? Он ведь никогда прежде не был злодеем, и состояния аффекта у него не установлено. Так что же было? И как это происходит, когда в человеке вдруг просыпается чудовище?

...Признаюсь, я сомневался — стоит ли вникать в подробности этого жутковатого превращения. Но подобные ситуации, оказывается, не редкость: "неожиданные" преступления совершают люди вполне обычные. В том-то и трагедия, что они живут, не догадываясь, какая жестокая сила таится в них и только ждет своего часа.

У жены было алиби

У него тогда пропала жена — вместе с детьми. Николай Бессонов искал их по всему Саратову, мотаясь на "Жигулях" целых пять дней. Юлии нигде не было — ни в родительском доме, ни у подруг.

Раньше, исчезая, она хотя бы оставляла детей. Он гулял с ними, кормил, укладывал спать, а днем сажал в автомобиль — и ездил, как таксист, по городу. Пассажиры не очень удивлялись ребятишкам на заднем сиденье — времена трудные, каждый подрабатывает, как может.

Однажды он вот так, с ними, пустился на розыски, нашел Юлию у подруги, где она праздновала сдачу экзамена. Жена вышла к автомобилю, веселая, с распущенными волосами, пахнущая вином и сигаретным дымом, вынесла два апельсина детям — подарок друзей. И Николай сорвался — обвинил жену в изменах, услышав в ответ:

— А ты меня хоть раз застал?

У нее всегда было алиби, подруги подтверждали — допоздна готовилась к экзаменам. Телефона дома нет, не телеграфировать же. Когда ссорились, грозила уйти с детьми — насовсем.

И вот — ушла. С детьми.

Он решил подстеречь ее возле университета. Раньше приезжал сюда за женой часто. Юлия занималась на вечернем — последний курс мехмата. Он был не против высшего образования, ему только не нравилось, что жена здесь курит. Как-то застал ее с сигаретой и, вызвав в коридор, отвесил оплеуху.

Главным для женщины считал — заботу о детях, остальное — суета. Увидев однажды кучу нестиранного белья и груды невымытой посуды, подошел к жене, сидевшей у зеркала, сгрел ее косметику и выкинул. Он не умел хитрить, не терпел двуличия и был несговорчив, если речь шла о чем-то серьезном.

Как они, такие разные, оказались вместе?..

Шесть лет назад он, водитель такси, в первом часу ночи подвозил с вокзала подгулявшую компанию. Последней оказалась девчонка с распущенными волосами. Стали встречаться. Николай не знал, что там, где она работала — оператором на ЭВМ, ее не раз лишали премии "за явку в нетрезвом виде", грозили сократить. Конечно, догадывался — она из тех, кто живет легко, но его тянуло к ней, и он убеждал себя, что рядом с ним она изменится.

И ее тянуло к нему — он со своей крестьянской обстоятельностью обещал быть надежной опорой. Николай и в самом деле был надежен: спиртным не баловался, жил экономно, купив автомобиль, неплохо зарабатывал частным извозом. Любил на своей машине возить ее и детей в рязанскую деревню, к родителям, за 600 километров. Когда стали ссориться, увозил туда детей без нее.

Пока ждал возле университета, к нему подходили, просили подвезти. Отказывал. А один парень оказался настырным, и Николай кивнул: "Садись". По дороге тот втянул его в разговор — о заработках, о семье. Когда заговорили о детях, сдержанный Николай, по свидетельству пассажира, заволновался. И пассажир вдруг признался — знает, где его дети, но покажет, если Николай пообещает "все вопросы решать мирным путем". Николай пообещал. Они свернули в Весенний проезд, вошли в дом № 2, и пассажир по имени Тельман открыл своим ключом дверь.

В комнате Николай увидел Юлию с трехлетней Аленой и пятилетним Алексей.

В гостях у "дяди" Тельмана

Тельман оказался сокурсником Юлии. Все эти дни и ночи она жила с детьми у него, пока он не понял — это надолго. Заявив ей, что "семейные проблемы нужно решать мирным путем", он сам стал искать ее мужа, "чтобы поговорить". "...И мне интересно было, — пояснил он потом, — что это за человек". В университетском коридоре он наткнулся на подругу Юлии — Светлану, она показала ему "Жигули" Бессонова.

Так они познакомились. Тельман успокоил Николая. Он, по его словам, просто отдал на время его жене пустующую квартиру, а сам жил у приятеля.

Но на другой же день, утром, Юлия, сказав мужу, что едет в университет, снова оказалась в квартире Тельмана.

...Николай не поверил жене. Как не поверил и словам Тельмана о его житье у приятеля, потому что знал от детей правду — "дядя" Тельман все эти дни жил с ними.

У Николая был выбор: скандал с неизвестным исходом или развод с попыткой сохранить — ради встреч с детьми — хоть какие-то отношения. Николай выбрал скандал. Он хотел, наконец, "застать" жену, уличить, унижить. Хотя, казалось бы, понимая бессмысленность такого (взаимного!) унижения, должен подавить в себе мстительные чувства.

Он приехал на знакомую уже улицу, постучал в квартиру Тельмана. Ему не открыли. Стал — монтировкой — взламывать дверь. Только тогда Тельман впустил его, но наставить на "мирный путь" уже не успел. Николай, обнаружив жену на кровати за занавеской, потребовал — "Собирайся!", и на ее "нет" — взмахнул кухонным ножом.

Он попал ей в ладонь, и, увидев кровь, кажется, опомнился. Он даже, до просьбы Тельмана, намочил под краном полотенце, чтоб перевязать рану. Тельман и тут продолжал свою "мировую линию", сказав уходящему Николаю: "Если хочешь доброму, отремонтируй дверь до 18.00, а в остальном разбирайся сам". Он все еще не понимал, какую в действительности роль играл в "личном деле" четы Бессоновых. Вызвал "скорую", отвез Юлию в больницу и там вдруг услышал от нее просьбу — съездить к ней домой, потому что "муж может что-нибудь сделать с детьми".

Оказывается, жена, догадываясь, чего можно ждать от мужа, все-таки не смогла отказать себе в тайном свидании. Догадывалась потому, что дети, за которыми ей не хватало времени ухаживать, были ее сильнейшим аргументом в супружеских ссорах. Она категорически не соглашалась в случае развода отдавать их или тем более делить. "Ты их вообще не увидишь", — кричала она. Николай, вспливав, отвечал: "Это ты не увидишь, когда я увезу их в деревню". И тут же понимал: она придет туда с судебным

исполнителем не потому, что соскучится по детям, а чтобы лишить его единственной опоры в их борьбе. Решения судов — он знал — выносятся обычно в пользу женщин. Даже в пользу тех, кто тяготился материнством.

Мне приходилось видеть, что происходит с иными отцами в такой ситуации. Как-то в редакцию из другого города явился аккуратный молодой человек, в очках и при галстуке, держа за руку семилетнюю девочку, свою дочь, которую он выкрал у бывшей жены. За ними устроили погоню — ему удалось уйти. Он прятался с дочерью у знакомых, пока однажды не обнаружил, выйдя на улицу, милицмейские листовки на стенах — “Разыскивается преступник”, с собственным фотоснимком и описанием особых примет.

Он был вполне нормальным в психическом отношении человеком, но его отцовская любовь, обостренная запретами жены, мешавшей ему видеться с дочерью, приняла уродливую форму.

А не так давно Московскую мэрию ликетировала группа разведенных отцов — требовала в воспитании детей равноправия. Возможно ли оно в распавшихся семьях? И правы ли суды, почти всегда отдающие детей при разводах матерям? Проблема отнюдь не частная, ведь судебная несправедливость порождает ответный произвол. Причем иногда, как в истории Бессонова, с трагическим исходом.

“Мне не нужны свидетели...”

После инцидента у Тельмана Бессонов приехал домой в лихорадочном состоянии. Подруга его жены Светлана (она гостила у них с ребенком) видела, как он зачем-то достал сапоги жены и ходил с ними по комнате, повторяя:

“Я убил Юлю”. Даже показал бурые пятна на рукаве.

Он ждал прихода милиции, бормоча — “не даст себя посадить на 5 лет, не оставит жене детей на это время”. Значит, все-таки не убил, поняла Светлана, но бред его продолжался: из комнаты, где после обеда спали его дети, он принес игрушечное ружье и пачку денег, объяснив: собирается убить себя и детей, а эти деньги — на похороны. “Мне было страшно, — вспоминала потом Светлана. — Я стала убеждать его...”

Убеждения не действовали. Ушел к детям. Заглянув туда, Светлана увидела — он, закатав рукав, что-то делает ножом в локтевом сгибе... Вскрывает вены?.. В панике она стала собирать своего ребенка. “Ты никуда не уедешь”, — сказал он. Затем, через минуту: “Уходи, мне не нужны свидетели”.

Она кинулась к родителям Юлии, это в пяти минутах ходьбы — тех не оказалось дома. Вернулась. У подъезда — только что приехавший Тельман, вызвали милицию. И уже, с группой захвата, Светлана долго звонит, потом стучит в дверь. Тишина. Стучит снова, кричит. Наконец — слабый голос Николая. Он просит оставить его в покое, дать умереть. Она спрашивает о детях. “Поздно, — прошелестел голос за дверью. — Я убил их”.

Что это было — временное умопомешательство? Состояние аффекта? Ни того, ни другого судебно-психиатрическая экспертиза не установила: “...Полностью ориентирован в месте, времени и собственной личности”.

Но если так, что же происходило с ним? Ведь он никогда до этого не был жесток с детьми. Мало того, его поведение свидетельствовало об обратном — он любил детей.

Любил? Да не кощунственно ли сейчас говорить такое? А, может, в самом деле заботясь о них, он любил их как часть самого себя, любил в них

собственное отражение? Такой вид эгоистической любви не редок, он особенно свойствен деспотическим натурам.

С этой точки зрения логика его преступления ясна — убивая себя, он должен убить и принадлежавшую ему часть. "Когда я решил уйти из жизни, — объяснил он потом, — я испугался мысли, что дети вырастут похожими на мать, поэтому решил уйти вместе с ними..." Он не хотел, чтобы они стали ее отражениями, и мстил ей, лишая детей, обрекая на позор, на осуждающие взгляды вслед.

Он потерял много крови, неудачно вскрыв вены. Кружилась голова. То проваливался куда-то, то приходил в себя. И чувствовал — его волей "будто бы кто-то управляет". Им управляла собственная, выверенная в супружеских ссорах, программа тотального мщения жене.

Когда именно эта страшная, не знающая пощады программа начала овладевать им? Там, у тех дверей, которые он взламывал монтировкой? В момент, когда ударил жену по лицу, увидев ее курящей? Или во время ссоры, когда впервые, чтобы припугнуть, пригрозил расправой ей и детям в ответ на обещание отнять их у него?.. Может быть, именно та его угроза стала роковой — подействовала на него самого гипнотически?.. Ведь люди деспотического склада поразительно самовнушаемы.

Жутковатый парадокс: тираны в своем своеволии кажутся себе и окружающим абсолютно независимыми, хотя по сути своей часто похожи на биороботов с жестко заданной программой. В ней, разумеется, нет места любви. Потому что истинная любовь — это умение прощать, это готовность к жертве ради любимых существ, это осознание их отдельности, их единственности и неповторимости.

"Я решил попрощаться с детьми, — вспоминал потом Бессонов. — Они

спали. Я обнимал детей, поэтому, видимо, испачкал их кровью..."

Затем он взял игрушечное ружье, приспособленное им для стрельбы мелкокалиберными патронами (намеревался защищаться от бандитских нападений, когда работал таксистом) и выстрелил в упор — в голову сына. Перезарядив, также выстрелил в дочь.

Тут у него случился очередной провал в сознании. Очнувшись, он стал искать бумагу. Нашел промокашку. Оставляя на ней ржавые пятна крови, написал: "...Похороните вместе с детьми". Еще раз зарядил ружье, подошел к убитым. Ему нужно было лечь рядом — так он решил. Для этого чуть-чуть пододвинул дочь к сыну и лег. И повернув короткое ружье дулом к груди, выстрелил себе в сердце. И — промахнулся. Он понял, что промахнулся, но еще надеялся, что умрет. Пуля была где-то рядом с сердцем, и ему казалось — она движется внутри него, постепенно отнимая жизнь...

Суждено было выжить... Зачем?

Ему суждено было выжить. Зачем?.. Чтобы снова в ночных своих кошмарах метаться по всему Саратову в поисках жены и детей?.. Взламывать монтировкой дверь?.. Заряжать ружье?.. И, отодвинув тело дочери, ложиться рядом и стрелять, и стрелять, и стрелять в себя?..

А, может, он выжил для того, чтобы понять, наконец, как идея мести вытеснила из его души способность сострадать и прощать, а значит — жить. Ведь жизнь невозможна без такой способности, и чем меньше ее в человеческих отношениях, тем больше отчуждения и злобы, тем ближе к каждому из нас грань, за которой "не — жизнь".

Почему все-таки идея мести, овладев его сознанием, победила идею прощения?

Да не потому ли, что много лет мы жили в иной системе ценностей: в наших бедах всегда был виноват кто-то другой, только не мы сами. Чувство собственной вины считалось признаком слабости, а не силы. Образ врага был жизненной необходимостью, он объединял и сплачивал — казалось, на века. Каким монолитом представлялась "семья народов", скрепленная идеологией враждебного противостояния, и вот распалась на удельные княжества...

Такова логика непощения. И нам суждено ходить по кровавому кругу, пока не поймем; ошибка в том, что мы исключили из своего обихода чувство вины. В отношениях человека с человеком. В отношениях одного народа с другим.

Ведь мы все друг перед другом в чем-нибудь да виноваты и потому должны учиться прощать. Идея прощения должна если не вытеснить, то хотя бы уравновесить идею мести, иначе не остановить процесс человеческого одичания.

Мог ли Бессонов, пропитанный духом непощения, осознать весь ужас своей вины?

На суде он признал вину частично, хотел разделить ее с женой — она, по его трактовке, толкнула его на преступление. Он даже написал об этом кассационную жалобу — коллегия Верховного Суда оставила приговор без изменения. Но ходатайство о помиловании писать не стал.

Я попросил показать камеру, где Бессонов ждал исполнения приговора¹. Сопровождавший меня работник тюрьмы прошел вперед по гулкому коридору, показал в нише металлическую дверь — здесь. И — откинул шторку глазка.

Я взглянул. Увидел нары, Бессонова с сигаретой — он нервно дымил после нашего разговора. Напротив него — сокамерник с фиолетовыми от наколок руками, сцепленными на коленях.

Над нарами Николая, в углу — икона Божьей Матери с Младенцем.

О чем он думает, когда поднимает к Ней взгляд?

...А во сне он, судя по его признанию, снова и снова едет с детьми по городским улицам, по шоссе, через золотеющие стерней, убранные поля, через мосты над узкими речками. Чем дальше едет, тем сильнее чувство тревоги. Но дорога не кончается, голоса детей слышны отчетливо, а он везет и везет их... Куда?.. ■

¹ Сейчас этот этаж уже переименован в "пожизненный".

² Цитаты из материалов уголовного дела.

³ Ему заменили смертную казнь на пожизненное заключение.

ВСЕ предусмотрено

— Дорогой, когда мы поженимся? — спросила Мирей.

Андре с трудом сдержал раздражение. Этот вопрос она задавала каждый раз, когда оставалась у него ночевать. Он наизусть знал последовательность событий: какое-то время после ласк Мирей лежала молча и неподвижно, потом с глубоким, удовлетворенным вздохом переворачивалась на живот, по-кошачьи потягивалась и... спрашивала:

— Дорогой, когда мы поженимся?

— Когда я буду достаточно зарабатывать, — терпеливо ответил Андре и в этот раз. — Такая прелестная крошка, как ты, не может жить в нищете. Ты достойна только самого хорошего.

Какая женщина найдет возражение против такого довода? Андре потянулся за сигаретой и вдруг услышал нечто нетрадиционное:

— А если я помогу тебе разбогатеть?

— Каким образом, черт побери?

Андре резко повернулся к своей подруге и встретил странный, немигающий взгляд темных, как патока, глаз. Это длилось долю секунды, затем Мирей взмахнула длиннющими ресницами и ее прелестная кошачья мордочка приняла обычное глуповатое выражение.

— Знаешь, у меня есть тетка... — произнесла она.

— У меня их с полдюжины, — отозвался Андре, закуривая. — Если бы каждую удалось загнать хотя бы по цене подержанной машины, ты могла бы уже заказывать подвенечное платье. Жаль, покупателей что-то не видно.

— У меня есть очень богатая тетка. И очень одинокая.

— И что? — лениво поинтересовался Андре. — Твоей тетке сколько лет?

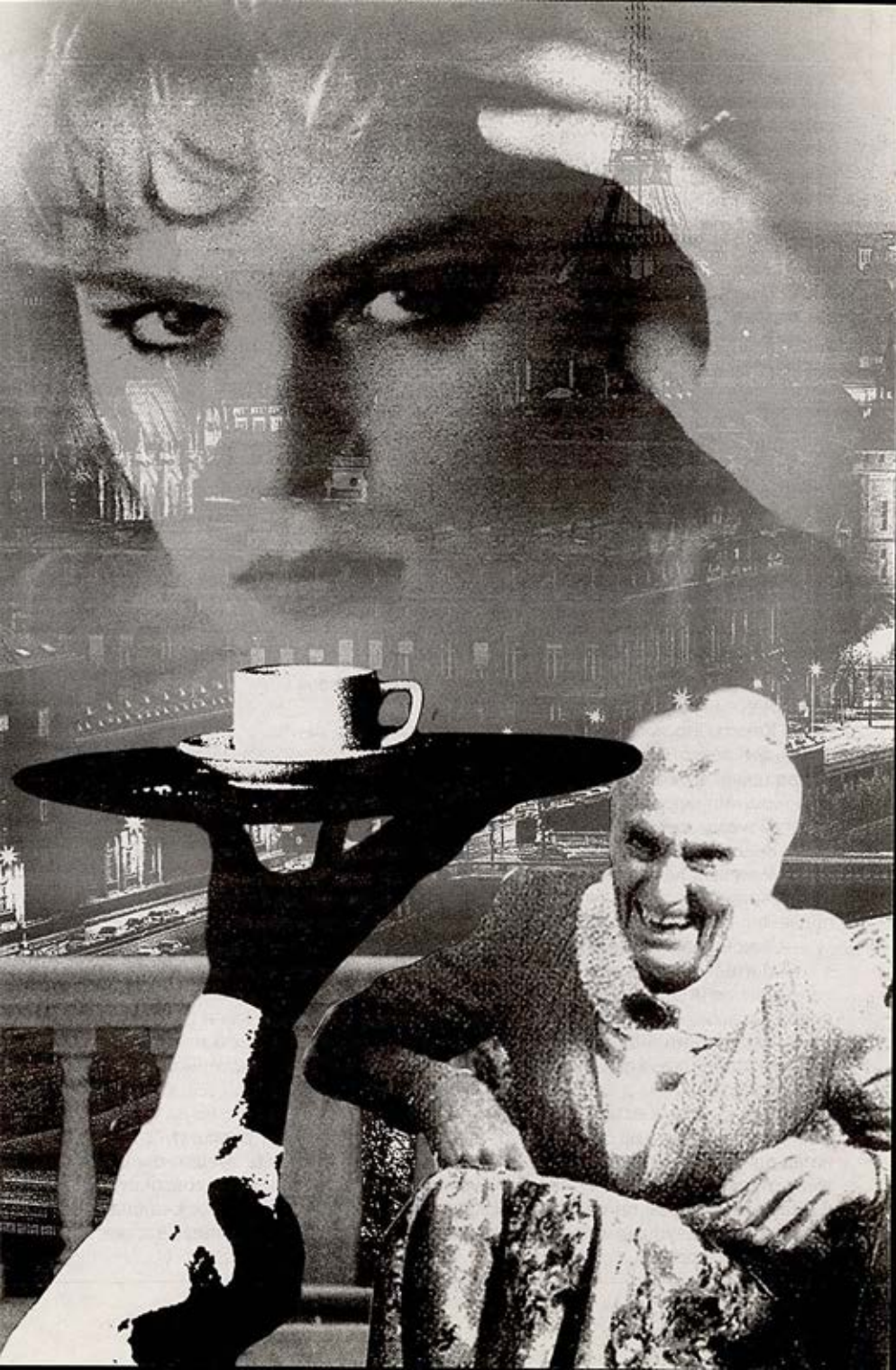
— Она не родная моя тетка. Она двоюродная. Кузина моей матери, а они не ладили.

— Как романтично! Старинная семейная вражда. Слушай, детка, принеси лучше пива из холодильника. Ты вымотала меня так, что нет сил шевелиться.

Мирей фыркнула и выскользнула из постели. Андре проводил ее взглядом: хорошо, конечно, но жениться... Нет, на этот крючок его не поймает, не на того напала. Но и горячку пороть не обязательно, избавляться от женщин нужно с умом. Пару лет назад одна из его подружек вот так же лепетала что-то о браке, он ее послал. Так она то ли отравилась, то ли из окошка прыгнула. В общем, плохо дело кончилось.

Так что с Мирей он рвать не собирался. Пока. Просто потом можно будет сделать так, что девушка сама его бросит. Мало ли какие случаи бывают: застанет, например, его с другой. Или он исчезнет на пару недель. Андре давно бы так посту-

иллюстрация Александра Кима

пил, но... Уж очень хороша была его нынешняя подруга, всем хороша... в постели. Потому и встречался он с нею уже полгода: своего рода личный рекорд. Но все должно быть предусмотрено.

Мирей вернулась в комнату с двумя банками пива. Протянула одну Андре, вторую открыла сама. И продолжила так, будто не прерывалась:

— У тетки полно денег. И шикарная квартира, просто целый этаж, даже зимний сад на крыше. Вот бы там поселиться...

— Почему бы не в Лувре? — саркастически осведомился Андре. — Там еще шикарнее.

— Лувр мне никто не завещает.

— Сколько лет тетке? — быстро спросил Андре.

— Да какая разница? Сколько бы ей там ни было лет, мне от нее ничего не достанется. Она меня терпеть не может. И дочь у нее была — та еще стерва. Но эта умерла два года назад, с тех пор тетушка ударилась в религию, наверное, все по-прежнему достанется.

— Досадно, — отозвался Андре, не страдавший излишним благочестием. — Для них несколько сотен тысяч франков погоды не сделают, а есть люди...

Мирей внезапно посмотрела на него в упор и тихо спросила:

— Несколько сотен тысяч? Да там минимум миллионов пять...

Наступившую тишину длительное время никто не нарушал.

— Ты ведь художник, — осторожно сказала наконец Мирей.

— Да уж точно не банкир.

— Ты не понял. Ты ведь художник-график, правда?

Андре резко сел в кровати и закурил очередную сигарету.

— Какое отношение к нашему разговору имеет моя работа?

— Непосредственное. Ты можешь подделать почерк?

— Я?!

— Ты, ты. Это не сложнее, чем подделывать документы...

Андре оцепенел. Он был уверен, что эта страница его жизни навсегда осталась в прошлом. И вот, оказывается, обольстительная глупышка Мирей... Нет, это слишком неправдоподобно!

— Почему же? — прочитала она его мысли. — Мне был нужен именно такой человек, как ты. И я тебя нашла. А ты женишься на богатой наследнице, так что наша маленькая сделка и тебе выгодна.

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем тебе был нужен такой человек, как я?

— Слушай, милый, для того, что я задумала, нужен специалист по подделке почерка... У меня есть письма, всевозможные документы, написанные рукой тети. Ты подделываешь ее почерк и пишешь записочку типа "Жизнь меня тяготит, я ухожу за своей дочерью. Простите меня за все". У нее умерла дочь, это может стать прекрасной причиной для самоубийства. А я — единственная наследница по закону. Все чисто.

— Я все еще не понял...

— Записку кладем аккуратно в конвертик, стараясь не оставлять отпечатков пальцев. Потом мы приходим к ней в гости под каким-нибудь предлогом, пьем кофе, а в чашку тети подсыпаем яд. Она умирает, мы оставляем записочку где-нибудь на видном месте и замечаем следы. И все! Можно готовиться к свадьбе.

— Или к нескольким десятилетиям за решеткой. Ты с ума сошла! Это же убийство!

— Его еще нужно будет доказать. А ты предпочитаешь сесть за подделку денег?

— Я... почему деньги?.. Я имел дело с фальшивыми документами...

— Не пыли, милый, — насмешливо сказала Мирей. — Документы — это одно, а деньги — совершенно другое. Между прочим, мое расследование обошлось мне недешево. Но я считаю это неплохим вложением капитала. Кстати, почему тебя все-таки поймали на подделке документов?

— Чистая случайность, — поморщился Андре. — Нужно было предъявить подлинник, а потом подменить его фальшивкой. А я волновался и перепутал...

— Ну, теперь не нужно волноваться. Все предусмотрено.

— Хорошо, я помогу тебе написать записку. Но почему я должен еще на тебе жениться?

Мирей расхохоталась и потянулась за валявшимся на полу халатиком.

— Подумай, дорогой. Действительно, почему? Да потому, что свидетельство супруга в суде не учитывается. Я-то не волнуюсь и должна учесть любые случайности. А на кону — пять миллионов...

Андре молча встал и вышел из комнаты. Вернулся он с новой банкой пива в руке. Прошло не менее пяти минут, пока он, наконец, медленно произнес:

— Где бумаги с ее почерком? Пожалуй, я готов продаться за эту цену.

Это был один из новомодных домов Парижа — небоскреб из стекла и металла. Лифт бесшумно вознесся на самый верх, и Мирей с Андре оказались в холле пентхауса.

— Послушай, — вдруг сказал Андре, — а твоя тетка ничего не заподозрит? У вас же семейная вражда — и вдруг ты сваливаешься, как снег на голову.

— Во-первых, потише, — отрезала Мирей, — а во-вторых, я все предусмотрела. Пару раз ей позвонила, напела, что собираюсь замуж за очень богатого молодого человека, что хотела бы вас познакомить, единственная родственница, то да се.

— Она поверила?

— Да тише ты! Старая карга проглотила все, как есть. Она слишком одинока, а я же не деньги у нее просить пришла...

В этот момент двустворчатая лакированная дверь распахнулась. На пороге стояла высокая седовласая дама в черном с несколько деланной приветливой улыбкой на лице.

— Мирей, дорогая! Как мило с твоей стороны... А это, конечно, Андре. Проходите.

Мирей вдруг почувствовала, как Андре весь напрягся и взглянула на него с изумлением. Она слегка толкнула его локтем, но он лишь нервно мотнул головой.

— Проходите в гостиную, — сказала тетя. — Что будете: чай или кофе или что-то покрепче?

— Кофе, — в один голос ответили молодые люди.

— Приятно видеть такую умеренность. Кофе — это эликсир жизни, вы согласны? Моя горничная сегодня выходная, я сама приготовлю.

Мирей незаметно подмигнула Андре и нежно взяла старую даму за руку:

— Лучше поболтайте с Андре, а кофе приготовлю я.

Операция чуть было не сорвалась, когда тетя стала решительно отказываться от услуг Мирей ввиду того, что племянница не знает, что где лежит и что подавать к кофе. Но девушка все-таки настояла на своем, а пока она хлопотала на кухне, тетя буквально закидала Андре вопросами. Когда они познакомились с ее племянницей, насколько серьезны их чувства, чем он занимается и какими средствами располагает.

Андре отвечал твердым уверенным голосом, но выглядел скованно и даже неуверенно, сидел в кресле, скрестив руки на груди. Через пять минут появилась улыбающаяся Мирей с подносом в руках. На нем дымились три чашки кофе.

— Андре сказал, что вы любите друг друга, дорогая, — произнесла тетя, сделав первый глоток. — Очень вкусный кофе, даже я не смогла бы сварить лучше.

Мирей просияла:

— Как чудесно, правда, тетя? Я даже не мечтала о таком...

— Когда свадьба?

— Как только Андре закончит важное дело... Скоро. Но это пока секрет.

— Ну, что я могу вам сказать? Только пожелать счастья! Жаль, что моя девочка...

Старая дама порывисто встала и вышла из комнаты. Молодые люди переглянулись.

— Все идет по плану, — прошептала Мирей. — Пойдем на террасу, покурим. Тетя не выносит табачного дыма.

С террасы открывался потрясающий вид на Париж с птичьего полета. Машины внизу казались муравьями, а люди — черными точками.

— А неплохо было бы здесь пожить, — мрачно произнес Андре, затягиваясь сигаретой. — И ведь я вполне мог еще тогда... Черт, черт, ну надо же было так нарваться!

— В чем дело? Что ты злишься? Кстати, почему у тебя так вытянулось лицо, когда ты ее увидел?

— Дело именно в ней, — зашипел он, воровски озираясь на дверь в гостиную. — Понимаешь, я ее знаю! Знаю твою тетку!

— Как это знаешь?!

— Нам нужно скорее убираться отсюда!

— Да что с тобой, наконец?!

— Послушай, у твоей тети была дочь, так ведь? Мы об этом еще в письме написали. А она ведь покончила с собой где-то два года назад, так?

Мирей медленно кивнула.

— Да... но... откуда ты знаешь, что она покончила с собой? Я тебе этого не говорила.

— Ее дочь была когда-то моей девушкой. Потом... черт... я ее бросил, и она покончила с собой. Наверно, из-за меня. То есть точно из-за меня. Я отказался на ней жениться. Она была такая скромная, простенькая. Мне и в голову не пришло...

— Что она — дочь миллионерши?

— Вот именно, черт побери! Я и не подозревал до сегодняшнего дня..

— Что?

— Да, именно так. Я надеюсь на одно — что твоя тетка меня не узнала. Хотя наверняка не узнала — она меня никогда в глаза не видела.

— А ты-то как ее узнал?

— Когда мы с Марианной встречались, она мне показывала ее фотографию, — ответил Андре.

Он бросил недокуренную сигарету вниз и тут же взял новую.

— Ладно, какая теперь разница, кто она. Скоро вообще все закончится. Как ты думаешь, кофе подействовал? Как только она умрет, мы смоемся.

— Должен подействовать. Я узнавала: срок полчаса. Значит, минут десять еще осталось.

— Скорее бы. Знаешь, я уже начинаю нервничать.

— Перестань! Все будет именно так, как мы задумали. Не паникуй. И дай мне записку.

— Держи.

Андре протянул девушке небольшой белый конверт. Мирей опустила его за вырез платья.

— Что-то тети не видно. Пойду посмотрю, может, уже поддыхает. А ты пока пожди меня здесь.

Когда через несколько минут сзади стала открываться балконная дверь, Андре, не оборачиваясь, спросил:

— Все кончено?

— Все только начинается, — ответил ему сдавленный женский голос.

Андре резко обернулся. Перед ним стояла старая дама. На ее пепельном лице не было и намека на улыбку.

— Я потратила большие деньги, чтобы найти тебя, — продолжила она, медленно приближаясь к нему. — Но дело того стоило. А теперь — отправляйся в ад где тебе самое место!

Она внезапно схватила Андре за ноги и, не дав ему опомниться и ухватиться за что-то, что есть сил толкнула через перила...

— Славно поработала, — сказала дама, усаживаясь в кресло в гостиной. — Не зря я всегда тебя любила... почти как Марианну.

— Он узнал вас, — сказала Мирей.

— Откуда? Он же меня никогда не видел.

— Марианна показывала ему вашу фотографию.

— Ах, вот почему он так странно смотрел на меня. Но сейчас это не важно. Я наконец-то отомстила за мою девочку. Он получил по заслугам! Внизу, наверное, уже полно полиции.

— Они могут подняться сюда...

— Вряд ли. Ко мне, видишь ли, не ходят молодые люди. А ты — моя единственная родственница и наследница, скоро, возможно, будешь здесь жить.

— Надеюсь, — усмехнулась Мирей. — Уже скоро.

— Мне не нравится твой тон. Что ты имеешь в виду?

— Только то, что осталось несколько минут. В кофе был яд.

— Хватит шутить, Мирей! Ты заигралась.

— Я не шучу! Видите этот конверт? В нем ваша путевка в ад. Вы забыли, что Андре профессионально подделывал почерк? Ваша предсмертная записка. Хотите послушать?

Мелкие капельки пота выступили у тети на лбу. Она только смотрела на улыбающуюся племянницу и больше ничего не могла ни сделать, ни сказать, только задышалась.

Мирей кончиками пальцев вытащила из конверта листок бумаги и внезапно сама переменялась в лице.

— Что за бред? — прошептала она. — "Если со мной что-то случится, прошу спросить о причине у Мирей Декло". Мерзавец! Он решил подстраховаться! Но тогда значит у него осталась предсмертная записка тети. Боже! Он опять все перепутал!

Она взглянула на тетку, но та уже не дышала.

Во входную дверь резко позвонили:

— Именем закона!

Перевод с французского **Виктории МУРАШОВОЙ.**

ПОХМЕЛЬЕ

иллюстрация **Лья Политина**

"Я очень смутно помнил этот рассказ, опубликованный много лет тому назад, и меня постоянно удивляло, что мои читатели всегда выделяли его из сотен, написанных мною. Он не привязан к определенному времени, и, наверное, каждому из нас, кто хоть раз выпивал лишнего, приходилось вспоминать, что произошло с ним накануне". /Джон Д. Макдональд/

Му снилось, будто он что-то уронил, что-то ценное упало в камин, и теперь он лежит на боку, пытаясь сквозь пламя заглянуть в черные глубины, понять, чего же лишился. Но яркое пламя слепило глаза, обжигало лицо, выпаривало слюну, а в ушах что-то надсадно скрежетало.

Он проснулся, но ощущения остались. Горло пересохло от дикой жажды, глаза болели от ярких огней, горевших под веками. Когда же он открыл их, утреннее солнце просто ослепило его, и их пришлось срочно закрывать.

В это утро он так дурно себя чувствовал, что не мог думать ни о чем, кроме как о реакциях собственного организма. Голова и тело требовали неусыпного внимания. Сердце отрывисто стучало, и каждый удар молоточками отзывался в висках.

К чудовищной жажде добавлялась тошнота, которая то и дело подкатывала к горлу изнутри. Кисти рук и стопы заledenели, тогда как бедра, там, где он их касался, вспотели. Все тело, казалось, покрывала корка, и он понял, что вечером сильно потел, а потом пот высох, сильно стянув кожу. Боль под веками пульсировала в такт биению сердца.

Он сел, наклонился вперед, плотно сжав веки, и положил холодные, трясущиеся пальцы на голые колени. От слабости не мог пошевелиться, тошнота не уходила, к ней прибавилась еще и депрессия.

Конечно, он понимал, что с ним происходит. Похмелье. Крайне нежелательное последствие весело проведенного вечера. "Утренняя смерть".

Он поднялся и на подгибающихся ногах доплелся до ванной. Включил холодную воду, наполнил стакан и жадно выпил его. Когда набирал второй, желудок конвульсивно сжался. Он повернулся к унитазу, упал на колени, больно стукнувшись ими о плитки пола, схватился за края, завис над унитазом, голый, несчастный. В раковину продолжала бежать вода, а его все выворачивало наизнанку. Наконец он поднялся, вытер лицо влажным полотенцем, вновь принял пить воду, теперь уже не спеша, растягивая каждый глоток.

Поставив стакан на полку, он посмотрел на себя в зеркало. Глянул коротко, мимоходом, как смотрят на незнакомца, потом посмотрел вновь, словно первым взглядом утолить любопытство не удалось. Кожа посерела, глаза припухли, на щеках щетина, но в принципе лицо осталось прежним, на нем никоим образом не отразилась боль, мучившая тело.

Взгляд на собственное отражение стал первым шагом к установлению личности. Ты — Хэдли Парвис. Тебе тридцать девять. Твои волосы седеют с невероятной, наводящей тоску быстротой.

Он повернулся спиной к пустому, бесстрастному лицу, отказывающемуся оценить и выразить его мучения, и внезапно перед его мысленным взором возник низенький стаканчик, до краев наполненный темно-коричневым бурбоном.

Невероятным усилием воли он сумел отогнать это видение. Ему надо ехать на работу, поэтому первый "мартини" ждал у "Марио" лишь в половине первого.

Если кто и волновался об его пристрастии к алкоголю, так это Сара, и лишь потому, что не понимала специфики работы, которой он занимался, и предъявляемых ею требований. Если человек пил двадцать один год, его тяга к спиртному не должна внезапно вызывать озабоченность, которую в последнее время проявляла Сара.

По вечерам, одни, они выпивали перед обедом, и Сару это несколько не тревожило. Она, как и любой нормальный человек, любила пропустить стаканчик-другой. Но потом каким-то образом узнала, что он, уходя на кухню, чтобы наполнить стаканы из графина с "мартини", стоящего в морозильнике, не отказывал себе в длинном глотке ледяной жидкости. А застав как-то на месте преступления, заявила, что его желание выпить тайком говорит о многом. Он попытался объяснить, что его порог чувствительности к алкоголю значительно выше, чем у нее, и ему проще выпить на кухне, чем выслушивать ее жалобы на то, что он слишком часто наполняет свой стакан.

Стоя в ванной, он слышал звуки пробуждающегося города. Слух его стал неестественно острым. Он понял, что это абсурд, стоять столбом, мысленно спорить с Сарой и злиться на нее. Подошел к душевой кабине, отрегулировал температуру воды, сделал ее чуть теплой, только потом встал под струю и надолго застыл, подставив лицо под водяные капли.

Стоя в душевой, Хэдли начал осторожно вспоминать прошлый вечер. Опыта по этой части ему хватало. Он трудолюбиво рылся в памяти, заранее зная, что его ждут угрызания совести и отвращение к себе.

Первая часть вечера, как обычно, вспомнилась легко. Предстояло решать важные вопросы, и вчера утром он тщательно оделся, зная, что не успеет забежать домой после работы: надо было сразу ехать в отель на презентацию продукции одного из главных клиентов агентства, с коктейлями, обедом, речами, показом роликов, озвучиванием планов продвижения на рынок новой модели. Важность события заставила его не налегать на спиртное у "Марио". Он ограничился лишь двумя "мартини". Но все испортил Билл Хантер, который заглянул в его кабинет в три часа дня, чтобы с облегчением и одобрением сказать: "Рад, что ты в очередной раз не устроил себе трехчасовой ленч, Хэд. Старик сомневается, следует ли тебе идти на вечернее мероприятие".

Внезапно Хэдли Парвис жутко разозлился. В принципе он хорошо относился к Биллу Хантеру, несмотря на его умение четко держать нос по ветру, несмотря на ловко скрываемое честолюбие, что позволило ему за очень короткое время втереться в доверие к главе агентства.

— Ты ему, естественно, сказал: "Мистер Дрисколл, если Хэд Парвис не может идти на презентацию, я тоже не пойду". И он, конечно, дал задний ход.

Под его взглядом Билл Хантер покраснел.

— Нет, конечно, Хэд. Но я расскажу тебе, что за этим последовало. Он спросил меня, будешь ли ты вести себя пристойно. Я ответил, что безусловно, пото-

му что ты понимаешь значимость предстоящей презентации, и напомнил ему, что детройтцы тебя любят, так как ты прекрасно организовал им весеннюю кампанию. Поэтому, если вывести тебя из игры, моя задача только усложнится.

— И это, разумеется, твоя главная забота.

Хантер зло посмотрел на него и вздохнул.

— Черт побери, Хэд...

— Можешь не волноваться. Налегать на спиртное не буду.

Билл Хантер вышел. Хэдли попытался убедить себя, что все это ерунда, обычный рабочий момент, но не смог. Негодование осталось, вызванное тем, что к нему относятся, как к ребенку. И он подозревал, что Хантер сам поднял эту тему, мимоходом сказав Дрисколлу: "Надеюсь, Парвис не устроит сегодня очередного шоу".

Нет, старик никогда не заговорил бы об этом первым. Хэдли знал, что старик искренне его любит. Они через многое прошли бок о бок. И то были серьезные испытания, которые еще не по плечу бойскаутам вроде Хантера.

В пять часов он вышел из кабинета, спустился вниз и взял такси на пару с Дэйви Тидмаршем, единственным из молодых, кого пригласили на презентацию. Дэйви подпрыгивал от восторга и раздувался от гордости. Хэдли он нравился. Дэйви хотелось узнать, что их ждет, и Хэдли не счел за труд рассказать ему поподробнее о предстоящем событии.

— Нас будет гораздо меньше. Из Детройта прибыл целый батальон, будут также и банкиры. Все очень серьезно, вкладываются большие деньги. Презентация закрытая, только для своих. Возможно, они привезут макет. Идея в том, чтобы новая модель произвела наилучшее впечатление на дилеров. У нас есть два, как нам представляется, неплохих предложения. Сначала устроить карнавал, на котором новую модель будут покупать только дилеры. А уж потом развернуть кампанию по продажам потребителям. Презентация будет окружена завесой секретности, Дэйви. В Детройте на этом помешаны. У дверей будут дежурить вооруженные сотрудники охранного бюро.

Все было, как он и предполагал, только роскошнее, чем в прошлом году. Собственно, роскоши прибавлялось с каждым годом. Проходила презентация на верхнем этаже отеля, в большом конференц-зале. Каждого тщательно обыскивали при входе, каждому выдавали по бирке с номером, которую следовало прикрепить к лацкану пиджака. Левую стену занимал бар длиной в шестьдесят футов. Вдоль правой стены стоял длинный стол для закусок. Под потолком медленно покачивалось голубое облако дыма, в зале стоял гул мужских голосов. Хэдли кивал и улыбался людям, которых знал, держа курс к бару. Со стаканом в руке прошел в следующую комнату, пройдя проверку у порога, где выставили макет.

Он не мог не признать, что все сделано по высшему классу. Макет, в треть натуральной величины, медленно вращался на возвышении — красно-белый автомобиль с откидным верхом. Рядом с ним красовался женский манекен в купальнике. И макет, и манекен заливал искусственный солнечный свет. Хэдли отметил, как здорово имитирован загар девушки. Ее фигура напомнила ему о Сарре, и по телу прокатилась волна нежности. С Сарой ему повезло, он никогда бы не нашел лучшей жены.

Он смотрел на вращающийся автомобиль, восхищаясь плавностью его обводов, а в голове уже выстраивались рекламные слоганы. Оглядевшись, увидел, с каким восторгом смотрят на новую модель те, кто видел ее впервые. Допил

стакан и вновь направился к бару. Злость на Хантера бесследно исчезла. Получив полный стакан, он отыскал Билла.

— После нашего разговора я сильно на тебя надулся.

— И напрасно, — держался Билл отстраненно. — Извини, Хэд, я хочу поздороваться с одним человеком.

Хэдли устроился у стойки. В одиночестве он пробыл недолго, через десять минут его окружили шесть или семь человек. Вот эти моменты он ценил на презентациях больше всего. Спиртное быстро позволило обрести отменное красноречие. Остроумные фразы сыпались, как из рога изобилия. Стоявшие вокруг радостно смеялись. Он чувствовал, что его ценят и любят.

Вроде бы в этот момент внутренний голос начал посылать предупреждающие сигналы, но Хэдли их проигнорировал. Сам знал, когда нужно остановиться. Он рассказывал скабрзную историю о Джимми и Джекки и чувствовал, что рассказывает ее хорошо, что все прекрасно, а главное, под контролем.

Но вот после этого момента память начала давать сбои. Целостность исчезла, остались отдельные эпизоды, пусть и очень яркие, но разделенные промежутками серой пелены, за которую заглянуть не удавалось.

Хэдли все еще сидел в баре. Аудитория уменьшилась до одного человека, худенького, невысокого росточка, который раскачивался, ухватившись руками за стойку. Он старался что-то объяснить недомерку, но тот продолжал лишь качать головой. Подошел Хантер, взял его за руку.

— Хэд, ты должен что-нибудь съесть. Они скоро унесут закуску.

— Спасибо, коллега, что не забываешь про меня.

— Сядь, я принесу тебе тарелку.

— Никто никогда не говорил, что Хэдли Парвис не сможет своими ногами дойти до того места, где раздают еду.

Хантер дергал его за руку, но он осушил стакан до дна, аккуратно поставил на стойку и двинулся к столу с закусками, вырвав руку из пальцев Хантера.

Другой эпизод. Он стоит с полной тарелкой. Оглядываясь, замечает, как Хантер отчаянно машет ему рукой. Не реагирует, направляется к столику, за которым Дрисколл сидит с какой-то шишкой из Детройта. Его позабавила тревога, проступившая на лице Дрисколла. Но он сел за столик, и Дрисколлу пришлось его представить.

Чуть позже. Он что-то уронил с вилки, поднял, поймал неприязненный взгляд детройтской шишки, лысого, с мясистым лицом и маленькими синими глазками. Вспомнил, как начал размышлять об этом неприязненном взгляде. Другие разговаривали, он ел. "Они думают, что я — клоун. Я могу их развлекать, но не более того. Они и представить себе не могут, что мне по плечу и глубокий анализ, и серьезные выводы".

Хэдли вспомнил, как нахмурился Дрисколл, когда он влез в разговор, обратившись непосредственно к лысому из Детройта, стараясь не позволить языку заплетаться и четко выговаривать каждое слово.

— Очень симпатичный макет. Благодаря этой модели многие машины устареют раньше своего времени. Как я понимаю, мы вступили в период искусственно ускоренного старения имеющихся на рынке товаров. Качество более не является визитной карточкой американского продукта. Наш нынешний бог — оборот. Поэтому все производители стремятся выбрасывать на рынок товар, который изнашивается, ломается, обладает малым ресурсом или, как ваш автомобиль, меняет моду. Потому что за все платит потребитель. Вы держите руку в его кармане, а мы — в вашем.

Хэдли очень живо вспомнил свою коротенькую речь, от первого до последнего слова, и помертвел от ужаса. Возможно, он говорил правду, но крайне неудачно выбрал время и место, такие речи не произносились на празднике, где все поздравляли друг друга с представившейся возможностью продавать первоклассный товар. Он почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Как можно сказать такое в присутствии Дрисколла. Да уж, теперь придется ползать на пузе и извиняться.

Он не смог вспомнить ни реакции детройтца, ни Дрисколла. Что происходило за столиком дальше, кануло в серой мгле. Он вновь сидел у стойки, со стаканом в руке. Хантер стоял рядом, на его глазах блестели слезы.

— Святой Боже, Хэд! Что ты ему сказал? Что ты сделал? Я никогда не видел его таким расстроенным.

— Если что и сказал, то правду, и ничего кроме правды. А теперь я собираюсь вдохнуть жизнь в этот маленький оркестрик.

— Оставь музыкантов в покое. Пожалуйста, поезжай домой. Поезжай, Хэд.

Вновь провал в памяти, и теперь он уже спорил с барабанщиком. Тот решительно отказывался уступить ему место за барабанами. Официант ухватил его за руку.

— В чем дело? — зло спросил он. — Я пытаюсь научить этого клоуна держать темп.

— С вами хочет поговорить какой-то господин. Он в гардеробе. Попросил меня привести вас к нему.

В гардеробе его подждал Дрисколл.

— Не открывай рта, Парвис. Слушай внимательно, если только ты на это способен. Ты меня понимаешь?

— Разумеется, по...

— Заткнись! Благодаря тебе, мы, возможно, потеряли самого выгодного клиента. А причина тому — твоя убедительная речь. По его словам, он понятия не имел о том, что у меня работают коммунисты, и ему становится дурно, когда кто-то критикует американский образ жизни. Знаешь, что я скажу ему, как только вернусь за столик?

— Нет.

— Что вызвал тебя сюда, уволил и отправил домой. Понял? Это попытка спасти контракт. Но если бы такой необходимости не было, я бы все равно уволил тебя и сделал это лично. Я думал, что у меня не повернется язык, все-таки мы давно работаем вместе. Но, как выясняется, Парвис, я это делаю с удовольствием. Испытывая несказанное наслаждение от того, что, наконец, избавился от тебя. Не открывай рот. Я не возьму тебя, даже если ты согласишься работать за так. Чтоб ноги твоей в агентстве не было. Завтра не приходи. Моя секретарь запакует твои личные вещи. Я пришлю их тебе с курьером, вместе с чеком. И то, и другое ты получишь завтра до полудня. Ты умный человек, Парвис, но в городе полно умных людей, которые знают меру в спиртном. Прощай. — Дрисколл развернулся на каблуках и прошествовал в конференц-зал.

Хэдли помнил, что слова Дрисколла медленно просачивались сквозь алкогольный туман. Помнил, как стоял, остолбенев, думая о том, как он сообщит новость Саре и что услышит в ответ.

А потом, словно по мановению волшебной палочки, оказался в районе Таймс-сквер, по пути домой. Тротуар горбился под ногами, и ему приходилось то и дело взмахивать руками, чтобы сохранить равновесие. Яркая реклама ржала глаза. Сердце колотилось. Ему не хватало воздуха.

Он остановился, посмотрел в витрину все еще открытого магазина товаров для мужчин. Прочитал табличку на двери: "МЫ РАБОТАЕМ ДО ПОЛУНОЧИ". Посмотрел на часы — одиннадцать с небольшим. Он-то думал, что давно уже начался новый день. Внезапно возникло неумное желание доказать себе и этому детройтцу, что он не был пьян. Потому что, доказав это, он мог сказать, что Дрисколл уволил его не за пьянство, а за убеждения. И кому охота работать там, где человек не имеет права открыто высказать свое мнение?

Собрав волю в кулак, он вновь уставился в витрину. Внимание его привлек галстук. Серый галстук из шерстяной ткани с вышитыми на нем темно-красными фигурками, стилизованными под буквы греческого алфавита. Он решил, что галстук ему очень понравился, да и стоил он три с половиной доллара. Стараясь не покачиваться, Хэдли откашлялся и вошел в магазин.

— Добрый вечер, сэр, — вежливо обратился к нему продавец.

— Добрый вечер. Мне понравился галстук в витрине. Серый с красным рисунком. Слева.

— Вас не затруднит показать, какой именно?

— Отнюдь, — и Хэдли показал.

Продавец снял точно такой же со стойки.

— Положить в коробку или в пакет?

— В пакет.

— Очень красивый галстук, сэр.

Он дал продавцу пятерку. Получил сдачу и пакет.

— Благодарю вас, сэр. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи! — Твердым шагом Хэдли вышел из магазина, очень довольный собой. Зашел, купил, поговорил с продавцом. Если ему потребуется доказать, что он не был пьян, продавец это засвидетельствует. "Да, я помню этого господина. Заходил в магазин незадолго от закрытия. Купил серый галстук. Трезвый? Ну, может, пропустил пару стаканчиков. Но держался более чем пристойно".

А вот где-то между магазином и домом память отказала полностью. Вроде бы остались очень смутные воспоминания о ссоре с Сарой. Но, с другой стороны, ссорились они чуть ли не каждый день.

Он растерся жестким полотенцем и вернулся в спальню. Подумал о том, что остался без работы, и почувствовал панику. Новую найти будет не так-то легко. А о такой же просто не могло быть и речи. В рекламном бизнесе новости распространялись со скоростью лесного пожара.

Может, оно и к лучшему. Может, пока сменить работу, город, образ жизни? Тогда и с Сарой отношения наладятся. Но его охватил страх. Страх перед будущим, страх за себя. Такого сильного похмелья у него еще не бывало. Грезы, яркие, четкие, путались с реальностью. Он видел перед собой лицо Дрисколла, и надежда на то, что оно ему только чудится, таяла и таяла.

В спальне Хэдли достал из ящика чистое белье. На ум вновь пришел купленный накануне галстук. Он не мог понять, почему придает такое значение этой покупке. Одежда, в которой он был на презентации, валяясь на полу у кровати. Он поднял ее и вытащил содержимое из карманов. На лацкане застыло озерцо блевотины. На левой брючине обнаружил вырванный клоч. Только сейчас заметил ссадину на левом колене. Галстука в карманах не было. Может, его покупка тоже ему приснилась?

Он решил пойти на работу. Ничего другого просто не оставалось. Если слова Дрисколла ему не пригрезились, может, к утру Дрисколл сменит гнев на ми-

лость. Побрившись, он подошел к шкафу, чтобы выбрать галстук. Нового не нашел. Завязывая один из старых, заметил на полу у корзинки для мусора бумажный комок. Наклонился, поднял, расправил, прочитал на пакете название магазина и понял, что действительно купил галстук.

Еще не было восьми утра, а он уже полностью оделся. Чувствовал себя отвратительно, хотя голова болела не так сильно. Руки тряслись, ноги подгибались.

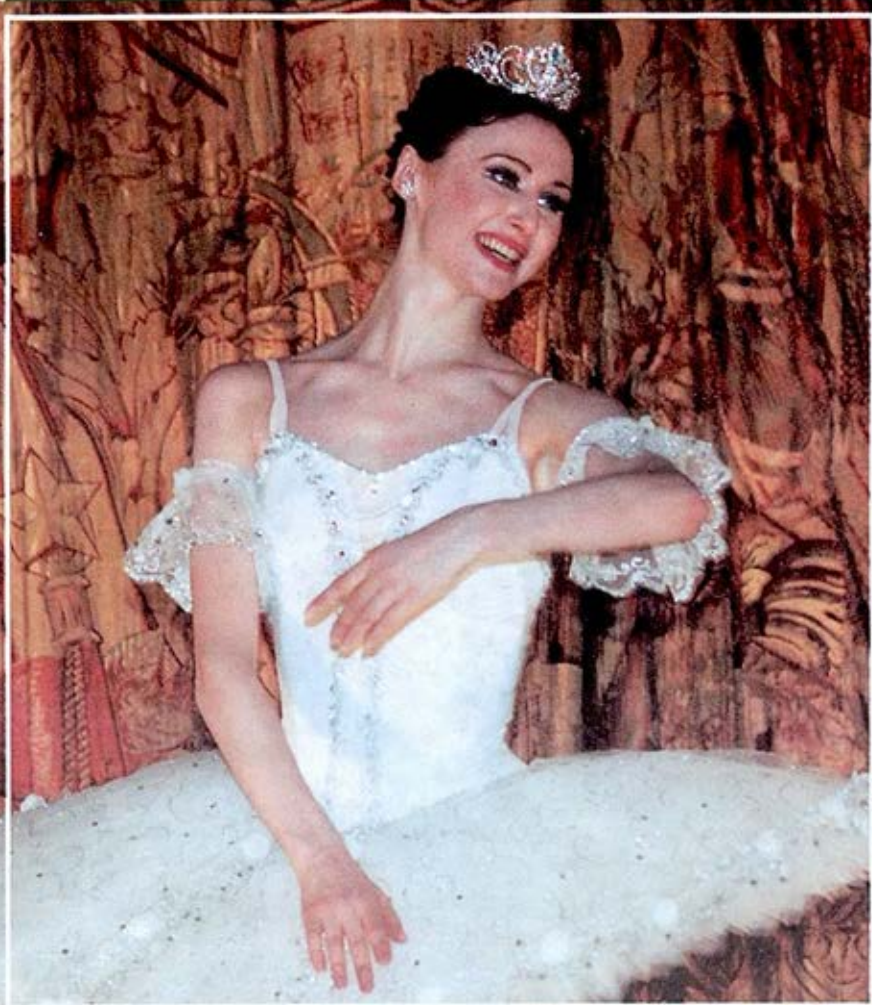
Хэдли решил, что пора пообщаться с Сарой. Он знал, что видел ее прошлым вечером. Вероятнее всего, она уже легла, встала, услышав, как он открывает дверь, и, по заведенному ею обычаю, устроила ему скандал. Он надеялся, что не сказал ей про увольнение. Да, если это был сон, он не мог ей этого сказать. А вот если сказал, значит, его действительно уволили. Через ванную он прошел в ее спальню. Кровать разобрана, но пуста.

Короткий коридор привел его на кухню. Сары и там не было. Хэдли начал волноваться. Неужели ссора получилась такой жаркой, что она оделась и ушла? Он насыпал кофе в кофеварку и включил ее. Наполнил высокий стакан ледяным апельсиновым соком, выпил. В квартире царил необычная тишина. Он налил второй стакан, осушил наполовину и направился в гостиную.

Остановившись в дверном проеме, увидел галстук и тут же узнал цвет и стилизованные буквочки. Стоял, со стаканом в руке, и смотрел на галстук. Аккуратно завязанный. А над узлом на подлокотник кресла привалилось лицо Сары, цветом напоминающее только что снятый с куста баклажан. ■

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА.

жесткая конкуренция — это замечательно!

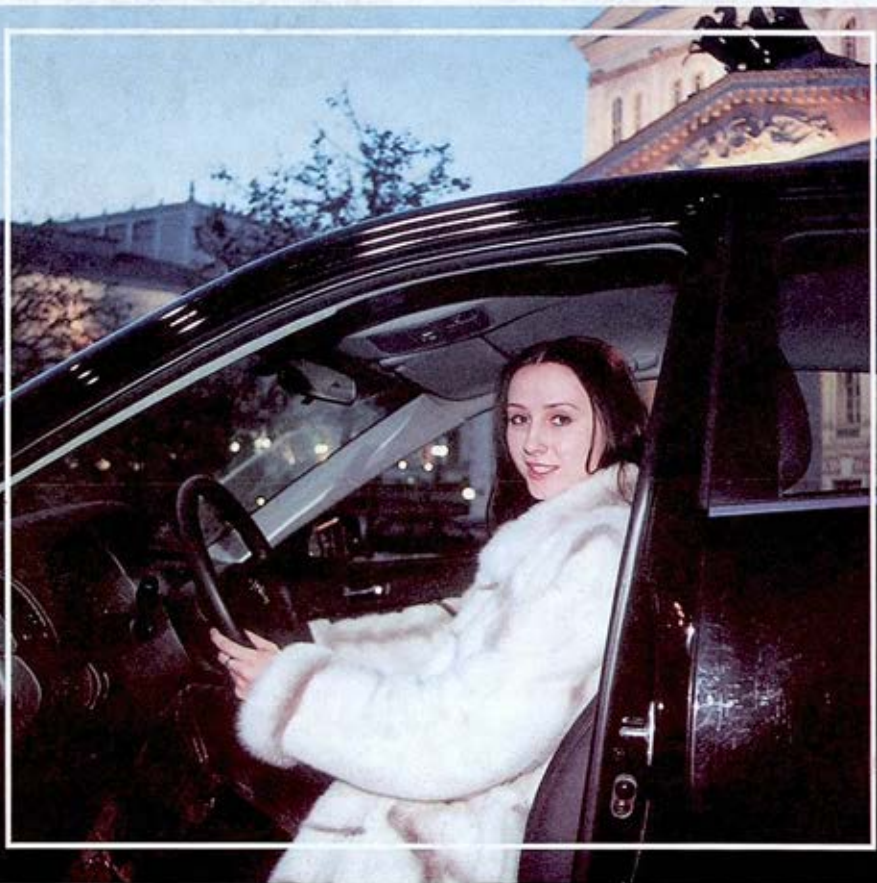
«Она гениальна, ей просто нет равных в мире!» — так отозвался о российской прима-балерине Светлане Захаровой знаменитый кутюрье Ив Сен-Лоран после триумфальных гастролей Большого театра в Париже в ян-

варе этого года. Танец Светланы Захаровой не может оставить равнодушными даже самых строгих зрителей. Про нее говорят: «танцует, как поёт», ее сверхгибкость, похожий на полет прыжок изумляют, а одухотворенная,

совершенная пластика ее танца покоряет с первого взгляда. Светлана исполняет практически весь классический репертуар: Аспиччия в "Дочери фараона", Одетта-Одиллия в "Лебедином озере", Никия в "Баядерке", Джульетта в "Ромео и Джульетте", Зобеида в "Шехерезаде", принцесса Аврора в "Спящей красавице"... не станем перечислять все образы, созданные ею — слишком длинным будет список. В 1999 году Светлана Захарова получила за свое выступление в балете "Серенада" Дж. Баланчина премию "Золотая Маска". В 2000 — вторую "Золотую Маску" за исполнение партии принцессы Авро-

ры в балете "Спящая красавица" (версия С.Вихарева). А в 2001 году была награждена специальным призом Санкт-Петербурга "Люди нашего города" за достижения в балете. Светлана также награждена театральной премией "Золотой Софит" и премией лучшая "Этуаль" Италии 2002 года.

— *Светлана, как вы думаете, чем русский балет так пленяет людей во всем мире? Ведь большинство стран, куда приглашают на гастроли наших танцовщиков, имеют свой очень профессиональный балет, свои традиции. И тем не менее, буквально сходят с ума по русскому балету.*

— Не знаю, может, потому что мы буквально живем на сцене. Русские танцовщики умеют передавать состояние души. И, очевидно, именно это ценят во всем мире, а не только великолепную технику. Не движение ради движения. В нашем балете очень много души. Недавно в Америке я танцевала в "Баядерке". После спектакля весь зал встал и стоя аплодировал. Они так восторженно реагировали, так кричали. У меня просто ком в горле стоял, я была тронута таким приемом. В зале находились мои друзья, знакомые. И они весьма дотошно спрашивали у американцев: "а чем именно вам так русский ба-

лет нравится?" Американцы делали огромные удивленные глаза и говорили, что это трудно объяснить словами, но то волшебное ощущение счастья, которое дает им русский балет сравнить невозможно ни с чем другим. Думаю, на наш балет люди всегда ходить будут. Это — высшее искусство, что-то особенное.

— *А как относитесь к современному балету, попыткам внедрить что-то новое?*

— Положительно! Большой театр тоже не остается в стороне от подобных экспериментов. Иногда они удачные, иногда — нет, с моей точки зрения. Но

этот поиск новых путей в балете необходим, ведь балет — искусство живое, развивающееся.

— Планируете участвовать в одном из таких экспериментов?

— В следующем сезоне планируется постановка балета "Сон в летнюю ночь". Думаю, я буду участвовать в спектакле. Посмотрим, что получится.

— Удачи! Светлана, а в судьбу вы верите?

— Да. Знаете, в моей жизни столько всего случилось, что я поняла: если что-то идет не

так, как я хочу, — не стоит думать, что это плохо, возможно, просто судьба отводит от меня беду. И я привыкла полагаться на Бога.

— Но о будущем-то задумываетесь? Балетный век, увы, недолог.

— Конечно, задумываюсь о том, что будет дальше.

Не знаю пока, что будет... Но верю, что Бог меня в любом случае не оставит. Нужно, прежде всего, оставаться

артистом, отдавать всего себя сцене. Если начинаешь раздваиваться, смотреть по сторонам,

просчитывать свое будущее, то на сцене сразу идет фальшь, халтура. Я не могу раздваиваться.

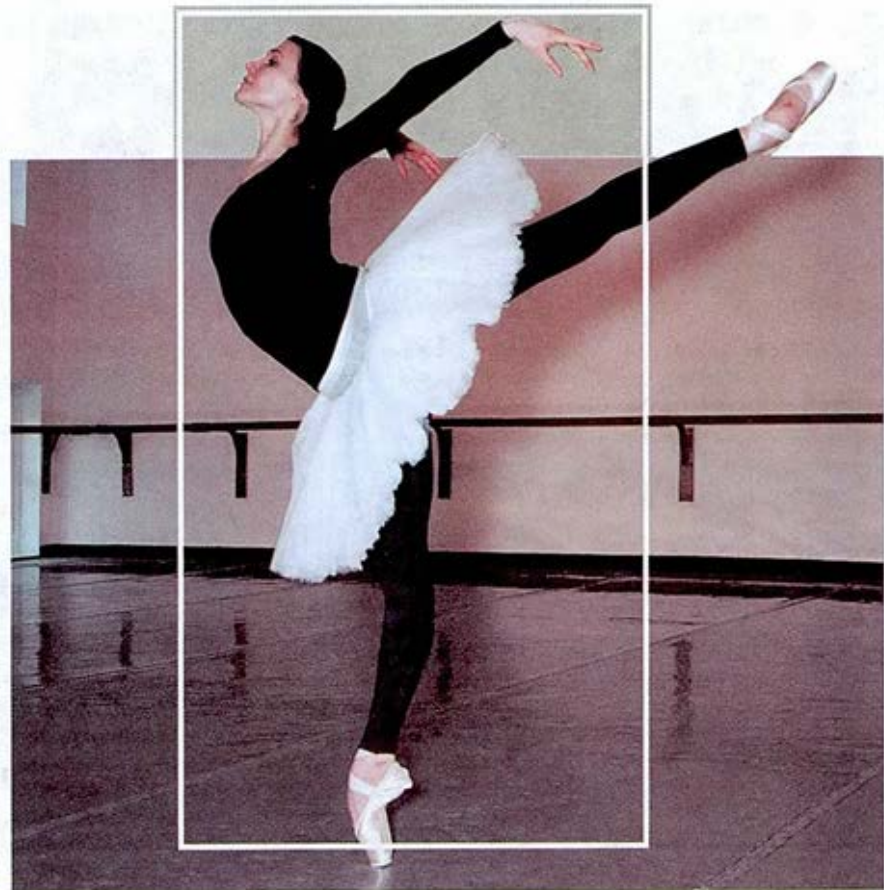
— Вы, с моей точки зрения, совершенно лишены даже намека на так называемую "звездность", которой, увы, грешат очень многие талантливые или просто известные люди. И это при том, что вы реально являетесь самой приглашаемой балериной, а знаменитый парижский кутюрье Ив Сен-Лоран даже заявил прессе, что вам "просто нет равных в мире".

— Мне кажется, прежде всего, надо помнить, что сегодня Бог дал талант, а завтра может его и забрать. Никакой та-

лант, известность, популярность и так далее не дают права даже очень талантливому человеку выплескивать на окружающих свое плохое настроение, агрессию или раздражение. Я стараюсь не общаться с людьми, которые полагают, что им все дозволено лишь потому, что они чем-то прославились, получили какую-то известность.

— Вы такая нежная, хрупкая на вид. Жесткая конкуренция в балете не выматывает?

— Жесткая конкуренция — это замечательно! Это — стимул. Дух соревнования, как в спорте, окрыляет. Не будет никаких результатов и достижений,

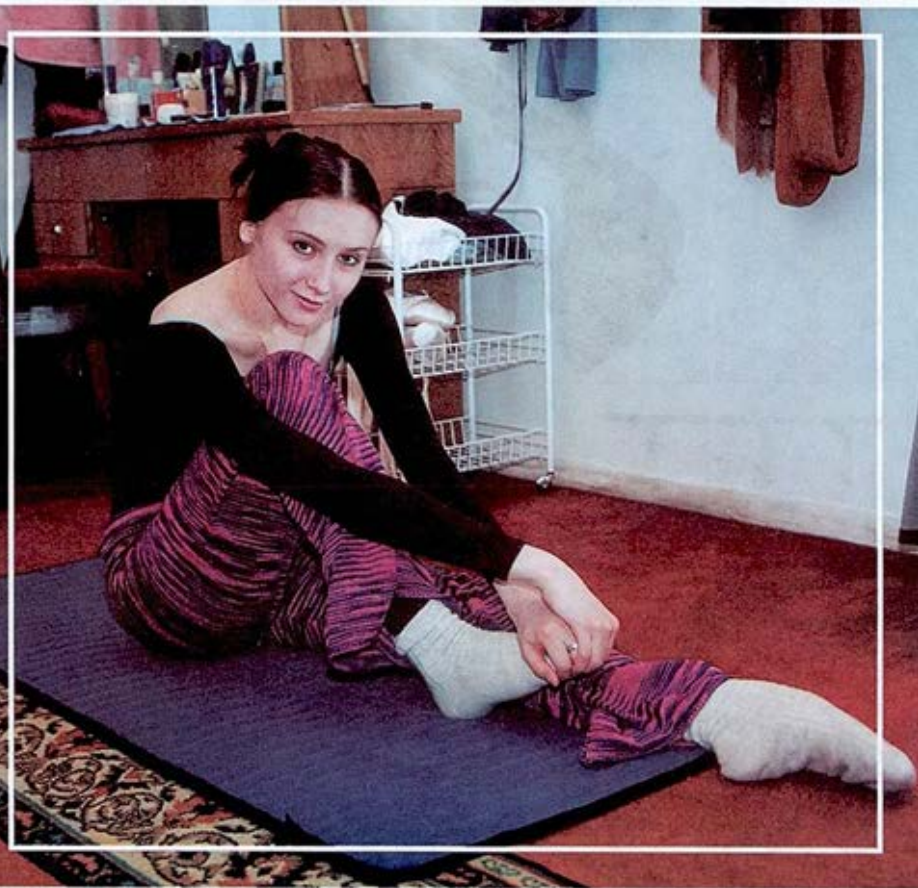
если никто не дышит в спину, в затылок.

— *Вы очень много гастролируете. Удаётся ли во время гастролей посмотреть города, в которых выступаете?*

— Конечно, всегда хочется увидеть что-то новое, интересное, но... Гастроли — это, в первую очередь, работа, работа и работа. Так выматываешься, устаешь. Репетиции поздно заканчиваются, вечером — спектакль, а музеи по ночам, увы, уже закрыты. Да, честно говоря, после такого трудового дня только об одном думаешь: добежать бы до номера и свалиться в постель. Много раз я бывала в Париже и как приглашенная

звезда, и на гастролях с Большим театром, но не удавалось посмотреть все то, что давно мечтала увидеть. Не-ет, думаю, так дело не пойдет. Столько раз бывать в Париже и толком его не видеть! И уже когда после гастролей я приезжала танцевать Жизель в Гранд-Опера по контракту, у меня было немного свободного времени после репетиций и я смогла побывать во многих музеях, просто гуляла по Парижу. Очень полюбила Монмартр, это значимое место для меня.

— *А в других театрах в качестве зрителя бываете, когда позволяет время и плотный гастрольный график?*

— Пытаюсь ходить! Открываю с утра афишу, начинаю выбирать, тыкать пальцем: сюда хочу, и в этот театр, и еще в этот! А затем начинается репетиция, после перерыва еще одна репетиция... Шесть или семь часов постоянного напряжения. Потому что если расслабишься, то на вторую репетицию уже не соберешься. И после пары напряженных занятий, когда я возвращаюсь домой, сил хватает только на то, чтобы до кровати добраться. Лежу, ни рукой, ни ногой пошевелить не могу, думаю, ну куда я сейчас пойду, в какой театр... А нам, балетным, к тому же сидеть долго неподвижно очень

сложно, сразу спина начинает болеть, ноги...

— *То есть, балетным сложно сидеть без движения, лучше ходить, бежать, как-то двигаться?*

— Лучше лежать! (Со смехом.) Лежать и не двигаться после репетиций. Ну это шутка, конечно! А если серьезно, то, честно признаюсь, я пытаюсь исправиться и стараюсь куда-то выходить, бывать в других театрах. Была недавно в консерватории, слушала, как играл Николай Луганский, наш пианист. Преклоняюсь перед его талантом и мастерством. Особенно когда он исполняет

музыку моего любимого композитора Рахманинова.

— Вы — самая приглашаемая балерина, у вас контракты с лучшими театрами мира. А если бы один из них, скажем, Гранд-Опера предложил вам постоянный контракт на немислимо выгодных условиях?

— Я хочу жить в России. Международная карьера очень важна, поэтому я стараюсь не отказываться от временных контрактов. Но уехать совсем из России я не соглашусь никогда. Мне нравится ненадолго уезжать, танцевать в других театрах! И обязательно возвращаться домой, ко всем и всему, что так дорого мне.

— Карьера не заставит вас уехать. А любовь? Скажем, к заморскому принцу?

— Наши русские мужчины, с моей точки зрения, лучше всех. Я не мечтаю выйти замуж за иностранца. Я пока вообще замуж не собираюсь. Но если соберусь, то только за русского. Ну даже если за иностранца, то непременно с русскими корнями, русской душой!

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

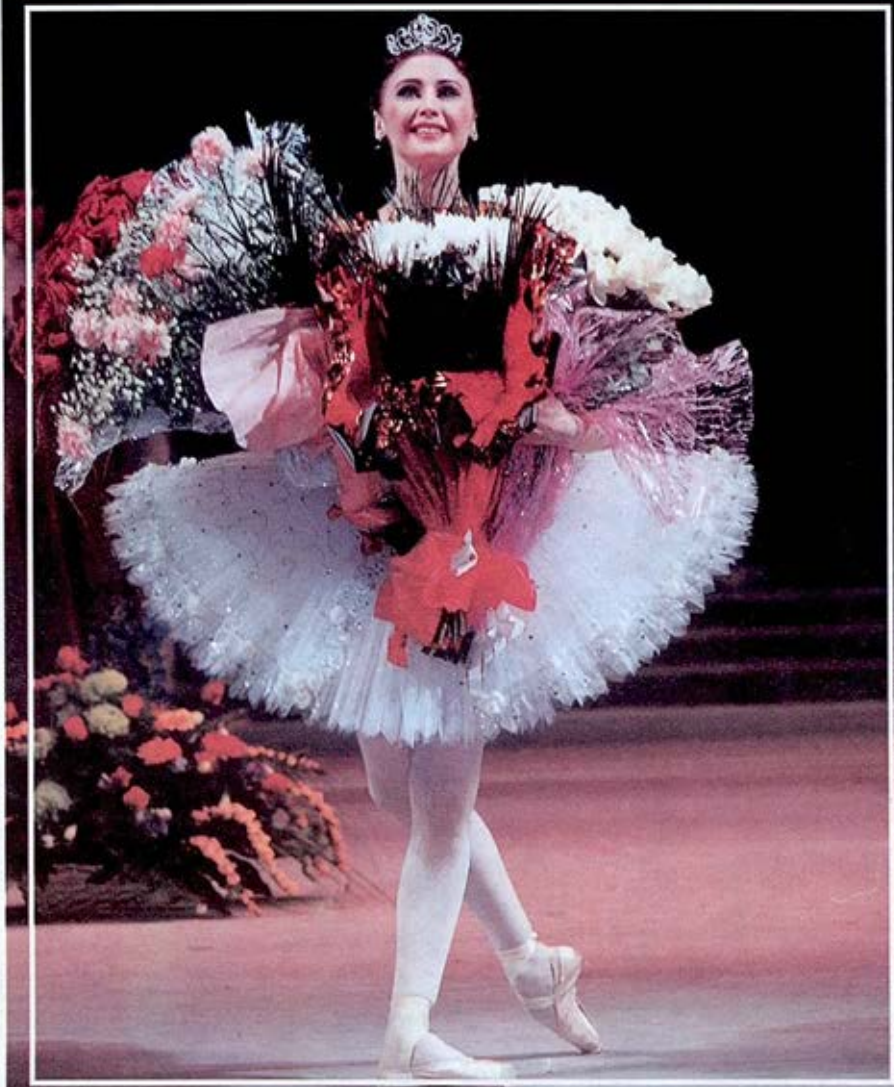
Как все начиналось? Светлана Захорова родилась в Луцке, на Украине, в 1979 году. С шести лет занималась на-

родными танцами в хореографическом кружке, куда ее отвела мама. Но стать балериной маленькая Света даже не мечтала. И не очень-то хотела. Гораздо интересней было играть в футбол с мальчишками во дворе. Но мама уговорила ее лишь попытаться поступить в Киевское хореографическое училище: "Светочка, давай только попробуем, вряд ли получится, туда поступают дети таких знаменитых людей, а у нас никого нет, кто бы мог помочь, так что не переживай, все равно не поступишь. Ты просто посмотришь, силы попробуешь". Но как только Света увидела всех этих чудесных мальчиков

и девочек, которые не ходили, а будто летали по коридорам училища, ей безумно захотелось стать одной из них. И она, подчинившись своему порыву, легко поступила в училище. После было обучение в Вагановской академии в Санкт-Петербурге. В 1996 году Светлана Захарова закончила Вагановскую академию, исполнив на выпускном концерте па-де-де Чайковского-Баланчина, Тени из балета "Баядерка", "Умиравший лебедь" Сен-Санса, и ее сразу приняли в балетную труппу Мариинского театра. Ей было всего 17 лет. Год спустя она уже заняла положение балерины и очень быстро стала при-

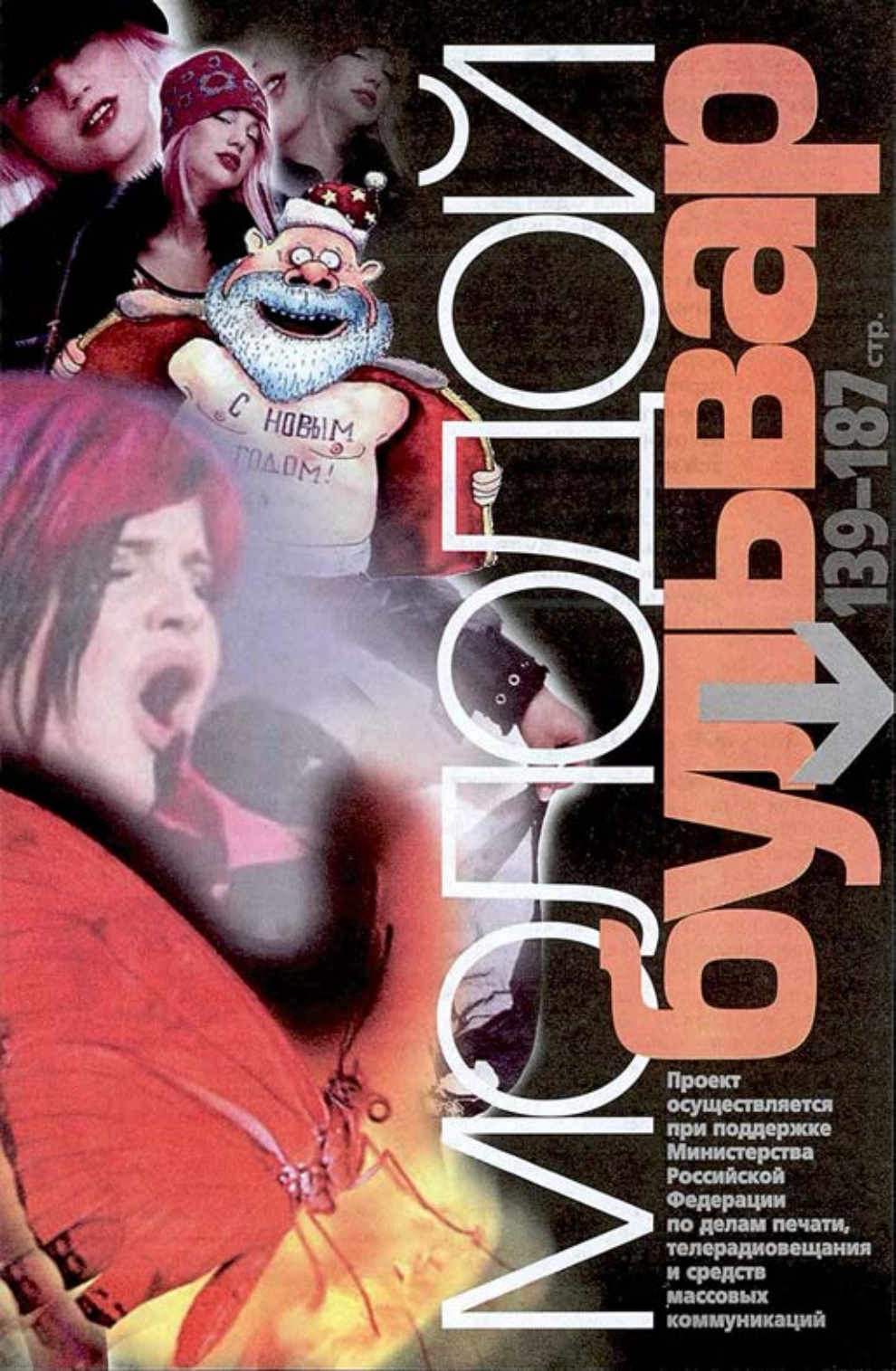

мой. Сейчас Светлана Захарова — прима Большого театра и самая приглашаемая российская балерина. У неё контракты с лучшими театрами мира, такими как Гранд-Опера (Париж), Ла Скала (Милан), АВТ (Американский Балетный Театр), Национальный Театр в Токио, Английский Наци-

ональный Театр (Лондон), Римская опера, NYCB (Нью-Йорк Сити Балет), а также в ведущих театрах Аргентины, Бразилии, Чили, Австралии, Китая, Германии, Венгрии, Греции, Австрии, Голландии, Канады.

Фото автора

МОДНОЕ СЛУДОВО

139-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

НОВЫЙ ГОД.

Совсем недавно вроде бы начался один новый год – учебный, а тут уже на носу другой новый год – праздничный! Улочки одеваются в красочные наряды из неона и гирлянд. Центр преобразается так, что глаз не оторвешь. Но это всё не наше. Не мы это организовали, тут городское начальство постаралось... Куда интересней устроить с друзьями праздник по-своему.

Сам себе дизайнер...

Время царствования озорной, непостоянной ветреницы, а подчас и глумливой Обезьяны истекает. Совсем скоро на трон взойдет бравый вояка Петух. Как всегда во всей красе — шпоры, боевая раскраска, грудь колесом, гребень, как у римского легионера, гордо реет. И вообще, кавалер хоть куда! Дамский, то бишь, куриный угодник. Повелитель трепетных сердец курочек. Встречать такого красавца надобно соответственно. А потому ...оформляем квартиру под курятник. Обычно в этом деле помогают самые близкие друзья или новоприобретенные знакомые. С влюбленным трепетом, возбуждением, в ожидании новых впечатлений, погружаемся в работу, поддерживая друг у друга творчески-веселое расположение духа.

Как же сделать курятник из квартиры? Не вопрос! В прихожей стелим сено, вместо коврика; на стены вешаем причудливо нари-

сованных и игрушечных курочек и цыплят. Неплохо было бы в комнате убрать вообще все ковры и засыпать пол крупными опилками. Не смейте сыпать их на елку — это подстилка, а не украшение, но можно обильно засыпать ими ее основание. При этом от всего сердца рекомендуем не думать о завтрашнем дне, когда всё это благолепие надлежит подметать...

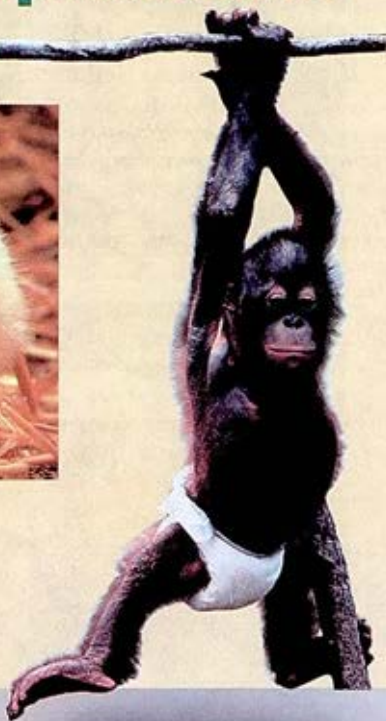
Чтобы меньше тратиться на украшения, вырежем снежинки из фольги сигаретных пачек. Просто, красиво и со вкусом. Если вас смущает характерный запах, то можно кое-что из украшений прикупить в магазине.

Безумно красиво выглядит пушистая елка, украшенная шарами, игрушками и конфетами. А лучше, когда их две — а то в последнее время на ёлочных базарах всё какая-то облезло-безжизненная продукция предлагается. Так вот, покупаем две облезлые елки, связываем вместе стволы, аккуратно соединяем между собой веточки, можно в нескольких местах. Все это для того, чтобы украсить

Инструкция по применению

нашу лесную гостью как можно большим количеством побрякушек. На голову же нашей красавицы вместо уже надоевших спицей и звёзд присобачиваем петуха, конечно, игрушечного. А вы что подумали?

Составьте список, кого хотелось бы одарить, и придумайте, что именно хотите вручить. Прикиньте, сколько это может стоить, и сравните полученную сумму с тем, сколько денег у вас имеется в наличии. Вздохнув, сократите список вдвое. Не рассчитывайте, что все эти люди внесут вас в свой собственный список. Так что, может быть, с кого-то хватит и открытки?

В Новый год — с чистой совестью! Верните, наконец, заигранные полгода назад книжки, кассеты, шмотки и долги.

Благородные поступки просто необходимо совершать хотя бы раз в год. Позвоните всем своим знакомым, которым давным-давно обещали позвонить и которых продинали. Не забудьте всех своих экзобойфрендов, подружек, с которыми отдыхали летом, бывших классных руководителей, клевых родительских друзей. Позвоните также и тем, кому звонить не решались: в Новый год есть отличный предлог сделать это.

Сам себе кулинар

Тем временем на кухне уже подумывается курочка-гриль. Сегодня она исполняет роль петуха, поэтому придадим ей соответствующий вид. Морковку, сладкий перчик, репчатый лук, свеклоку нарезаем тонкими полосками — из этого сооружаем хвост петуха. Голову делаем из вареного яйца, а клюв, пока никто не видит, одолжим у снеговика, сооруженного на детской площадке и до утра покинутого малышкой. Гребешок вырежем из свеклы. Затем размещаем на блюде с фасолью, после чего это чудо в перьях выставляется в центр стола.

“Я требую продолжения банкета!”

Приготовления закончены, только осталось предупредить гостей, чтобы оделись в яркие и прикольные хламиды, в смысле в шмотки. А мы должны заготовить для каждого бумажные головные уборы в виде петухов и куриц. И всего через несколько часов звучат слова: “Всяк сюда входящий — петух или курица” (в зависимости от пола), и надеваются шапочки.

Веселая туса за столом, на котором всего в изобилии, гарантирована. На пустых тарелках сидят маленькие желтые цыплята, правда, декоративные, — не ждать же пока настоящие вылупятся. Все блестит и завораживает. Проводили очаровашку Обезьяну вместе с 2004, встретили забяжку, красавца, франта Петуха с наступившим 2005, после чего начинается самое интересное.

Подумайте хорошенько, какие есть варианты новогодней вечеринки. “Молодой бульвар” подскажет несколько из них.

Ночь прощания с прошлым

В новом году не будет обид, слез и расставаний. Ведь все, что причиняло неприятности, вы выбросите в эту ночь.

Освободите комнату от всех воспламеняющихся вещей. Поставьте посередине нее таз и разведите в нем ритуальный огонь. Киньте туда фотографии, причинившего боль возлюбленного или бывшей горячо любимой девушки, майку или короткую юбку, в которых вы так часто ходили на свидания с людьми, не достойными вашей любви, и расстаньтесь с прошлым. Сделайте себя капельку счастливее и свободнее, и за вами потянется весь мир, только не забудьте запастись огнетушителем.

Рейв

Пойти в клуб? Нет! Слишком обыденно! Вызвать ди-джея на дом? Да! Гениально! Это, конечно, обойдется в копейку, зато и вы, и ваши гости будут просто в восторге. Только

все надо проделать заранее, потому что достойных ди-джеев расхватают на многочисленные клубные вечеринки задолго до праздника. И еще, прежде, чем устраивать рейв на дому, убедитесь в лояльности своих соседей.

Ночь длинная. В один момент окажется, что вся еда съедена, пить больше нет сил, танцевать надоело. В общем, что делать дальше — не понятно. Чтобы не было скучно, "Молодой бульвар" напоминает своим читателям о нескольких старых добрых культмассовых играх, способных развеселить даже самое депрессивное общество.

Играем

Прищепки

Молодому человеку и девушке, желая не связанными никакими нежными чувствами, завязывают глаза и на каждого из них навешивают по десять прищепок без цензурных ограничений. Задача играющих — снять все прищепки со своего партнера. Кто первый, тот и выиграл.

Апельсин

Один игрок зажимает апельсин между носом и подбородком. Второй аналогичным образом пытается забрать апельсин и передать его другому.

Пантомима

Одному из участников загадывают слово. Тот должен, не произнося ничего вслух, изобразить загаданное так, чтобы остальные

поняли, что конкретно он имеет в виду. Первый угадавший сменяет игрока.

“Не умеешь пить, не пей...”

Обязательно всей толпой устройте фейерверки, зажгите римские свечи, запустите пару салютов. Скатайте снеговика, затыкайте его бенгальскими огнями и подоignite. Отрывайтесь от души! Не зря гласит пословица: “Как встретишь Новый год, так его и

проведешь”. Но при этом не забудьте сделать ручкой Обезьянке, и радостно прокукарекать, приветствуя “повелителя” Нового 2005 года — Петуха!

Веселого Нового Года!

P.S. Развлекаясь, не забывайте о себе любимых.

Новый год, Рождество, Старый Новый год... Число зимних праздников превосходит все мыслимые пределы. Полторы недели активной светской жизни не могут не сказаться на вашем внешнем виде. Поэтому “Молодой Бульвар” дает несколько советов своим читателям о том, как сохранить красоту в период январских праздников.

Вели себе пить больше воды. Танцы до упаду и дегустации разноцветных коктейлей вызывают обезвоживание организма, следствие которого — ухудшение цвета лица, сухость и раздражение кожи. Восемь, десять стаканов воды, выпитых в течение дня, помогут тебе сохранить цветущий вид.

Теплый душ — лучшее средство, чтобы снять усталость. Расслабиться можно и в горячей ванне. Добавьте в воду пену, масло или соль для ванны.

От предательских синяков и отеков под глазами помогут охлажденные пакетики чая или же ломтики свежего огурца.

С новым счастьем, с новыми радостями, надеждами, желаниями!

Какой уважающий себя родитель не стремится радостно удивить свое чадо на Новый год чем-то необычным, выдающимся, незабываемым? На этом благом прище хороши все средства, особенно те, которые свободно конвертируются... Так вот, когда все возможные подарки уже подарены, а сосед дядя Вася в роли Деда Мороза уже начинает вызывать у подрастающего пострела здоровые сомнения в подлинности "продукта", на помощь должны приходиться профессионалы.

— Тяжело сейчас стало, дети все какие-то серьезные, никто в Дедушку Мороза не верит, только подарков ждут, — жалуется Виталий Фёдорович — Дед Мороз со ста-

жем. — Раньше-то как было, ждут они тебя, сами стишки рассказывают, сами хоровод водят, сообщают, как хорошо себя вели весь год, чтобы я их подарочком не обделил... А сейчас, ты ещё сам полчаса пропляшешь, чтобы их растормошить...

Практически легальный бизнес

И-да, молодёжь конечно пошла сложная, но, согласитесь, и программку развлечений в принципе можно было бы и обновить, новое тысячелетие на дворе как никак. Ан нет, не обновляют, и виной этому, скорее всего, то, что почти весь Дед Морозовый бизнес в Москве сконцентрировался в руках

массовиков-затейников советской эпохи. Ничего страшного в этом в принципе нет, но, с другой стороны, ситуация, когда весь рынок контролируют 10-15 контор, играет

явно не на руку потребителю. Если под Новый год вы решите позвонить в парочку разных (на ваш взгляд) контор, то не удивляйтесь, если в конце концовезде вам будет отвечать один и тот же приятный голос... Тут дело хитрое, телефоны стоят в одной съёмной квартире, где сидит один нанятый секретарь и "по-братски" перебрасывает заказы всем фирмам. И ещё, если вы всё-таки не утомитесь, а продолжите звонить, у вас вежливо поинтересуются, а чего вам, собственно, надо. А потом также вежливо объяснят, что цены и сценарии везде почти одинаковые, и что вообще они стремятся к общей унификации и стандартизации на рынке данных услуг...

Что-то подсказывает, что такая деятельность налогомами не облагается, вернее, облагается, процентов может на 10, а всё остальное — теневая зона. Ибо фирмы по представлению Дедов на прокат появляются в несметном количестве под каждый Новый год, а потом неким таинственным образом проваливаются в небытие, так что налоговые претензии предъявлять некому...

По подсчётам специалистов, прибыльность московского рынка составила 10 000 000 долларов, что, согласитесь, немало. Цифра не выглядит ни заоблачной, ни нереальной, потому как, даже если прикидывать очень грубо, то получится, что в среднем в год в городе работают 16 000 Дедов Морозов, каждый из них приносит своему нанимателю 8000 — 10000 зелёных купюр, при том, что сам получает около 1000. Конечно, такие деньги платят не всем, тут опыт работы важен, харизма... Хотя, как показывает практика, Дедушке не обязательно быть дородным и румяным, например, на корпоративных вечеринках состоятельных граждан большим спросом пользуются щупленькие, хитроватые типажи.

Выбираем Дедушку

Сегодня в Москве около 1000 мэтров своего дела. К таким корифеям культмассового сектора на козе не подъедешь, а чтобы Дедушка почтил тебя своим вниманием, надо в очередь ещё с лета записываться, иначе никак, спрос огромен. У таких монстров и костюмы давно свои, и свой водитель, чтобы как можно больше адресов объехать, и борода такая, что сразу и не скажешь, настоящая или не очень. Понятно, что и берут они за своё творчество безбожно (по меркам простых смертных) — до 9000 рублей за получасовую программу. Если стаж и харизма не являются при выборе основополагающими критериями, то можно найти что-нибудь и попроще. Только, в таком случае, велик риск нарваться на бригаду студентов, решивших подзаработать. И тогда уж не обесцудьте, если вместо шубы на Дедушке будет байковый халат, вместо бороды — ватное нечто, а вместо дородности — студенческая дистрофия. Однако из этой ситуации можно выйти с достоинством, при заказе оговорите, что если даже к вам зашлют студентов, пусть это будут представители театрального вуза, не расстроитесь, и не разочаруетесь, у них там конкуренция, дай Бог, до пяти человек на место. Да и обойдется такой вызов около 1000 рублей за те же полчаса. И ещё, родителям советую скооперироваться хотя бы в составе лестничной клетки или пары этажей: и детям веселее, и по деньгам привлекательней, а то, если честно, я плохо себе представляю, как один ребёнок сможет в викторине участвовать, а потом ещё сам с собой хоровод водить...

Чего новенького?

Что касается самой предлагаемой программы, то тут дело выглядит не очень. Если вы не собираетесь грохнуть на призыв Дедушки Мороза всю зарплату, то сценарий новогодних увеселений вас вряд ли удивит. И даже если последний раз видели бородатого новогоднего старца лет этак 20 назад, то всё равно, знакомые нотки в хороводах, ви-

кторинах и прочих стандартных увеселениях всё равно обнаружите. Что касается новенького, то в прошлом году рынок предлагал кроме всего прочего: выступление морской свинки, гадающей на счастье; приход Дедушки через окно; театрализованное представление с участием Бабы-Яги, лисичек, зайчиков и прочей живности. Если этого мало, можно пригласить кого-нибудь из телевизионных знаменитостей. Это будет стоить от 1000 зелёных единиц, в зависимости от степени крутости и жадности самого приглашённого.

Что касается совсем уж неординарного, то могу посоветовать стриптиз-программу Деда Мороза и Снегурочки. Это обойдётся в 800 — 1000 условных дензнаков. Что примечательно, Дедушка всегда остаётся в борде и валенках... Занятная картинка получается? Можно пригласить и одну Снегурку за 350 всё тех же денег. А тем, кому хочется чего-то вконец оригинального, могу посоветовать позвать на Новый год... депутата. Как показала практика, редко кто из избранных отказывался. В прошлом году за сим действием были замечены такие выдающиеся политики современности, как господа Черепков и Шандыбин... Цена услуги от 1500 у.е.

А как же он, Морозовый?

Но это, как говорится, одна сторона медали. С другой же стороны, практически — каторжный труд представителей новогодней профессии. В день по 10 — 15 программ, а потом вечером ещё в какой-нибудь клуб или ещё куда. Ныне же никаких ограничений по географии вызовов не существует, заплатил, значит, приедут. Так что трудятся Дедушки с 17 декабря до 12 января, что называется, в поте лица (честно говоря, не очень комфортно находиться в тёплом помещении в не менее тёплой шубе, сам проверял). Зато, как говорится, день год кормит, в прямом и переносном смысле. А ко всему прочему клиент сейчас пошёл разный, может и на настоящей тройке, по полю, с ветерком, да с музыкой...

Но это всё — ещё редкость. Гораздо чаще на пути Дедов Морозов встречаются ушлые типы с девизом "Деда — спойть, со Снегуркой — переспать!" Именно поэтому Бородатые вестники Нового года и перестали в наше смутное время грешить возлияниями. Надо себя в здравом уме держать, так, на всякий случай, а случаи разные бывают... и обворуют, и подарки отберут, а то ещё и разденут.

Кстати, о Снегурках, существует статистика, согласно которой в среднем 35 процентов новогодних красавиц вступают со своими Дедами Морозами в явно неформальные отношения, а затем кое-кто из этого числа через 9 месяцев становятся клиентками роддомов... Называется, знай наших.

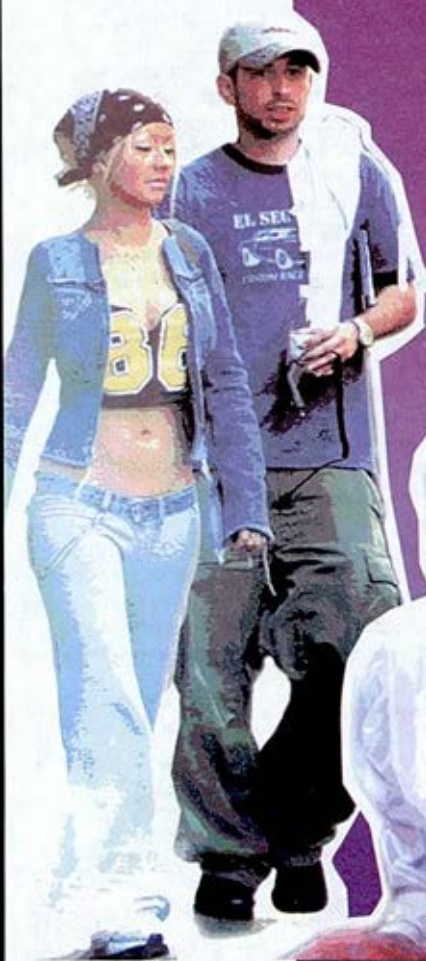
Ну а сами Дедушки отмечают Новый год 14 января. И сезон закрылся, и вроде как праздник. Сидят обычно тихо, в кругу семьи или сослуживцев, устают они, знаете ли, от шума, тишины хотят, и мандаринов, душистых, как раньше... ■

**С праздником,
дорогие
читатели!**

Александра ЗОТОВА

И они были МОЛОДЫМИ...

Предчувствие Нового года уже сейчас не дает покоя. Ты выбираешь подарки близким и любимым, решаешь, с кем встречать Новый год, придумываешь самое заветное желание, которое загадаешь под бой курантов. Есть еще одна новогодняя традиция, к сожалению, подзабытая сегодня. На Руси перед Новым годом был обряд: те, кто в ссоре, должны помириться и забыть все обиды, даже если это конфликт с самым старшим поколением в твоей семье. Бабушки и дедушки критикуют твою манеру одеваться, говорить и дышать. А ты в ответ закатываешь глаза, споришь до хрипоты и хлопаешь дверь. Но попробуй по-

нять их и помириться хотя бы в канун Нового года.

Этот разговор произошел еще летом на автобусной остановке.

— Нет, вы посмотрите, как они одеты! Это же ужас! Тут живот вылезает, там нижнее белье видно!

— И не говорите. А красятся-то как! У меня внучка так в школу ходит, представляете? Да меня в таком виде раньше на работе бы застыдили!

— И чего они к ним так прицепились? — Слушающая разговор пожилая женщина обратилась ко мне. — Мода сейчас такая, что ж поделаешь. Нам, вот, до 10 класса капроно-

вые чулки одевать запрещали. Капрон прозрачный и ноги в таких чулках кажутся голыми. В школе это считалось неприличным и просто недопустимым для ученицы, — женщина всмотрелась в меня. — А тут моя внучка пупок себе проколола, да еще одевает кофты покороче, чтоб видно всю эту "красоту" было. И в школу так ходит. Вот это нормально, скажете?

— Не знаю, — смутилась я. — Пупок не прокалываю.

Стоявшая тут же группка старшеклассниц, обнажив самые соблазнительные части тела в связи с наступившим теплом, не обращала никакого внимания на обсуждение. А рядом чьи-то бабушка и дедушка активно доказывали друг другу, что поколение "пехт" ведет себя распущенно, одевается развратно и, вообще, выражаясь современным языком, "опустилось ниже плинтуса".

Самое старшее поколение понять можно: у них капроновые чулки в десятом классе, а у нас полноценный макияж — в шестом. Они участвовали в войне, а мы знаем о ней только по фильмам. Наконец, они стремились к светлому будущему, а мы "плохо помним" или вообще не знаем, кто такая Крупская и что же было на XX съезде. И в Новом году они будут праздновать уже в шестидесятый раз "День победы со слезами на глазах", а мы будем весело гулять по городу и любоваться ночным салютом.

Да, мы принадлежим к разным поколениям. Но неужели у нас нет ничего общего? Для наших бабушек-дедушек тоже "фонтаны били голубые", и они в пору своей юности "чушь прекрасную несли", встречались с любимыми втайне от родителей и также здорово, как мы сейчас, праздновали Новый год (НГ).

Василий Федорович, восьмидесятилетний ветеран Великой Отечественной войны, рассказал, как он с друзьями готовился к новогоднему празднику. Новый 1941 год они собирались отмечать в будке одного из знакомых киномехаников.

— Помнится, шел я к ребятам с банкой изюма. Редкость тогда это была необыкновенная — не то из запасов достал, не то по карточке дали. Закуска, значит, была. Про

шампанское и водку нам можно было только мечтать. И кто-то из ребят достал спиртовой лак — сейчас такой уже не делают. Мы его через противогаз процеживали и пили. И ничего, живы до сих пор.

Через три года, уже в военное время, Василия Федоровича отправили учиться на летчика в Ейск. Самый веселый НГ был справлен, разумеется, именно в "курсантский" период. Курсантам тогда давали увольнительную на четыре часа, и к 23 часам 31 декабря они как штык

должны были быть в части. "Отпускали-то на четыре, а приходили мы через восемь", — улыбается Василий Федорович.

Где и, главное, с кем лучше всего праздновать НГ молодым 20-летним ребятам, которые никого, кроме старшины да таких же курсантов, не видят? Правильно, у девушек. Родители уходили, оставляя девчат в доме, понимая, видимо, что "им тоже надо погулять".

Задача номер один для курсанта, собирающегося на свидание в новогоднюю ночь, — это новости на себя красоту. Бритье-мытьё трудностей не составляло. Основной проблемой были брюки. Дело в том, что курсантская форма подразумевала брюки-дудочки, а каждому хотелось поразить воображение девушки модным клешем. Хорошо, если дневальный был твой товарищ — он договаривался в котельной и огромный, чугунный утюг заранее нагревали. Но одного утюга хватало максимум на три пары брюк. Тогда предприимчивые будущие дедушки вырезали из фанеры трапеции по форме желаемого клеша, мочили брюки и натягивали их на куски фанеры. Затем мокрые штаны с фанерой клали под простыню, а поверх ложились спать. За ночь брюки высыхали и приобретали желанный клеш.

Больше всего Василию Федоровичу запомнился НГ, который он встречал с лучшим другом Костей в избушке у девчат. "Обычная избушка, на самой окраине Ейска. Ни елки, ни новогодних украшений, но все равно в доме витал какой-то особенный новогодний дух. Пили мы удивительно ароматное абрикосовое вино (вокруг Ейска росли абрикосовые сады — излюбленное место для свиданий) с овощами и с салом, которое в военное время было редким. После вина все слегка захмелели, девчата где-то достали патефон, поставили пластинку, и мы танцевали чуть ли не до утра. Когда же мы нагулялись и пошли обратно в часть, пошел настоящий январский ливень. Единственный раз в жизни, когда я шел по колено в ледяной воде под проливным дождем в новогоднюю ночь!"

Но дойти до училища "вброд" по городу — еще не самое экстремальное приключение. "Золушкин час" для курсантов прошел давно и на входе в часть дежурил бди-

тельный офицер. Надо было умудриться прошмыгнуть мимо него незаметно, чтобы не возникло разборки из-за чудовищного опоздания. На помощь приходила солдатская, вернее, курсантская, смекалка. Молодые люди раздевались и оставляли форму в отхожем месте, находившемся чуть поодаль. Перед ясными глазами дежурного ребята представляли уже в кальсонах, делая вид, что просто возвращаются из туалета обратно в кровать. Но и это иногда не спасало. "Был у нас один хулиганистый парень, Альтер. Отметив Новый год на всю катушку, он возвращался в часть сильно нетрезвым шагом. Дежурный, внимательно глядя на пьяную походку курсанта в кальсонах, строго спросил, сколько же тот выпил. На что Альтер, вытянувшись по стойке "смирно", заплетающимся языком отпаровтовал: "Одну кружку пива!" — и, упав к ногам начальства, заснул", — смеется Василий Федорович.

Как видим, бесшабашные выходки не были чужды нашим бабушкам-дедушкам. Подрастающее поколение тоже не остается в долгу. Кстати, кто бы мне ни рассказывал про свой самый лучший НГ, будь то мой ровесник или пожилой человек, алкоголь довольно часто является неизменным атрибутом веселья. Вот, например, воспоминания двадцатипятилетнего Сергея о кануне Нового 1998 года.

"Мы с компанией собирались отметить НГ у друга в деревне. Основная партия народа уехала днем раньше, а я и двое ребят сели в электричку только вечером 31 декабря. Ехать долго, и от тоски я достал гитару. На звук инструмента быстро откликнулись и два солдата из конца нашего вагона. Они спешили домой на праздник, а путь им предстоял раза в два дольше, чем нам. Мы с ними быстренько скооперировались, спели вместе пару песен. Весь вагон сразу заулыбался: людей много, Новый год на носу, а все, уставшие, трясущиеся в промерзшей тусклой электричке. Вдруг один солдатик из своего тюка достал спиртное — холодно все-таки было, да и старый год проводить надо. Мы выпили, по рядам кто-то заботливо передал шоколадку — "чтоб певец не захмелел". В общем, часа через два я вконец охрип от пения и "повеселел" от прово-

дов старого года. Из поезда мы с друзьями выходили уже совсем "хорошие". Видно, солдатский организм оказался более стоек к вредному воздействию алкоголя, чем наш.

На станцию мы прибыли поздним вечером, до Нового года оставались уже считанные часы. "Знал" дорогу до деревни только я, хотя сам был там очень давно, и единственное, что помнил точно — от станции до дома идти пешком километров семь. Ночь морозная, местность мало узнаваемая, и ни одной живой души, у которой можно бы узнать дорогу! Набрели, наконец, на небольшой поселок (как выяснилось позже, это были чьи-то привилегированные дачи). Решили постучать в окошко и кинули туда снежок. Но, наверное, не рассчитали силы — и снежком разбили стекло. Мы сразу передумали дожидаться выхода хозяев и побежали без оглядки. Поплутали часа так три, промерзли, как цуцики. Снега — по пояс, тропинка узкая, за плечами — тяжеленный рюкзак (заботливые мамы собрали закуску), мы не совсем трезвые, а впереди — огромное заснеженное поле и мигающий вдаль огонек. "Вон! Это его дом! Держим курс на огонек!" — обрадовался я. Мои спутники безрадостно потащились за мной — это был уже третий "его дом". Проваливаясь во все сугробы, мы добрались, наконец, до пункта назначения. Вот только перед ним возвышался невесть оттуда взвяхший глухой сетчатый забор. Ну, все, думаю, сейчас меня ребята на кусочки порежут — Новый год с минуты на минуту наступит, я их к какому-то забору привел. Они на меня угрожающе посмотрели: "Полезли через забор". Ну, полезли — с огромными рюкзаками, злые, руки-ноги уже замерзли — хуже не придумаешь. Оказалось — придумаешь! На утро выяснилось, что в пяти метрах от этого места была нормальная калитка, которая и вела к дому...

Хотя мы и опоздали, праздник все равно удался. За окном ужасно холодно, отличная компания и — что для нас, опоздавших, было особо ценно — растопленная печка. Красовалась даже "новогодняя елка" — срубленная в лесу сосенка. Девчонки нарядили ее мандаринами в фольге, разрисованными консерван-

ми банками и остатками елочных украшений с чердака. Правда, нашего задора хватило ненадолго — все ребята за день утомились. Поэтому мы наелись-напились и, подремывая, устались в телевизор. Тут хозяин дачи обиделся, что ночь заканчивается так банально, и полез на крышу — антенну рубить. Срубил. За неимением телевизора и радио, мы всю ночь напролет пели песни под гитару. Я вообще не подозревал, что мы знаем так много песен. Было очень здорово и душевно".

Вот истории двух людей — принадлежащих к разным поколениям, увлекающихся разными интересами. Каждый может рассказать о самых хулиганских и веселых выходках юности. Можно каждого обвинить в "падении нравственности". Можно просто посмеяться вместе с героями. А если так, то не проще ли оставить старые ссоры и непонимание друг друга в уходящем году? Спроси свою бабушку, что происходило хорошего в ее девичестве — и ты удивишься, насколько вы похожи.

В конфликте всегда замешаны обе стороны — значит, и для его разрешения нужен равносильный компромисс. Не стоит раздражать бабушек-дедушек своим, как ты считаешь, ультрамодным видом. Они не оценят этот дивный сверкающий камушек в носу, "улетное" сочетание колготок в крупную сетку и ярко-зеленой мини или мейкап, напоминающий боевую раскраску. Да и все эти приманки и ловушки, если честно, расставлены не на них, ведь так? А старшее поколение, в свою очередь, как обладатель большего опыта и мудрости, должно проявить чуточку терпения к нам и не забывать, что они тоже когда-то были молодыми.

Теперь, когда вроде бы все проблемы позади, осталось определиться с заветной мечтой. Говорят, чтобы желание сбылось, его надо написать на бумаге, сжечь, пепел растворить в бокале с шампанским и данный коктейль выпить ровно в полночь. И все у вас получится!

С наступающим Новым годом, дорогие друзья! Пусть вы и все ваши близкие в мире и веселье встретят этот сказочный праздник и пусть действительно сбудутся ваши мечты и заветные желания!

Алена ЗАХАРОВА

Порхающий подарок

Подарки дарить всегда приятно, а дарить необычные и оригинальные — вдвойне. Не так часто, всего раз в году к нам в дом заглядывает самый сверкающий праздник — Новый год.

И тогда на повестку дня резко всплывает вопрос, который начинает мучить людей всех возрастов — что подарить? Что преподнести в подарок коллегам по работе, близким друзьям, а главное — чтобы такое особенное подарить любимым? Пока до самого праздника остается пара-тройка недель, это вопрос легкого беспокойства, однако чем ближе дата под названием Новый год, тем сильнее он переходит в откровенную панику.

Стоп! Не все так печально. Напротив — все гораздо более радужно и перспективно. Любите дарить нечто оригинальное? Так,

чтобы именно ваш подарок запал глубоко в душу? Есть простое решение этой сложной задачи. В моду в мире входит все аля-натюрель, то есть приближенное к природе, к настоящему, к живому. Поэтому дарить мы будем... бабочек. Да, не пугайтесь — мы не станем как полоумные носиться по полю еще летом, с громкими воплями размахивая сачком и пытаясь изощренно изловить хоть одну крылатую красавицу. И даже не пойдем в магазин сувениров, в котором в рамках-коробочках на белом навсегда застыли диковинные насекомые. Мы купим их живыми.

Сегодня в Россию приходит популярный на Западе обычай — дарить друг другу на праздники "порхающий цветок" — живых бабочек. Мода на бабочек в Австралии, странах Европы и США напоминает настоя-

щую манию — теперь это считается одним из самых оригинальных и изящных способов поздравить друг друга. Согласно древней индейской легенде, когда вы дарите дорогому вам человеку бабочку, он должен загадать желание, и оно непременно сбудется, потому что бабочки передают желания небесам. А если вы подарили крылатую красавицу с добрыми намерениями, то и вам перепадет счастье. Нечто вроде быстрой почты-доставки пожеланий наверх.

Поздравления бабочками бывают разные. Например, для больших торжеств вроде свадьбы или Нового года подходит поздравление, называемое "живой салют". Представьте — в нужный момент по вашему сигналу открывается "коробка для цветов", а оттуда вылетают бабочки всех мыслимых расцветок! И начина-

ют кружиться вокруг вас! Выглядит это на самом деле потрясающе. Однако можно сделать любимому человеку и более личный подарок — подарить не целый рой, а живую открытку. От вас адресату посылается специальный объемный конверт, его открывают, а оттуда вылетает "живой цветок" — бабочка! Тропическая, красочная и праздничная! разве может иной способ рассказать о ваших чувствах лучше? Ведь недаром бабочки на протяжении всей истории человечества были олицетворением красоты, воздушности и поэзии. Они издавна считались одними из самых прекрасных существ, которых сотворила природа. Еще древние греки представляли себе богиню Психею, имя которой значит "душа", в виде девушки с крыльями бабочки. Бабочка считается символом Великой Богини, Великой Матери

(Magna Mater). Образ Великой Богини восходит к древнейшим временам истории человечества, к палеолиту. Это верховное божество олицетворяло одновременно небо и землю, жизнь и смерть. Кроме того, во многих культурах бабочка символизирует переходящий характер радости. Есть множество легенд, где хрупкая и нежная бабочка является центральной героиней. Вот, например, философ Чжуан-цзы однажды во сне увидел себя бабочкой. Проснувшись, он не мог понять: Чжуан-цзы видел во сне, что он — бабочка, или бабочке теперь снится, что она — Чжуан-цзы?

В христианстве стадии развития бабочки олицетворяют жизнь, смерть и воскресение, поэтому бабочка иногда изображается в руке младенца Христа, что символизирует возрождение и воскресение души. На картинах, изображающих жизнь в раю, такие крылья имеет душа, которую Творец помещает в тело Адама.

Так что оригинальный подарок можно снабдить для красоты еще и интересным поздравлением, завязанным на мифологии и легендах. Если ко всему прочему появилось желание проявить себя в новом качестве — спросите мнение менеджера, и он предложит вам наилучшее цветовое сочетание этих созданий.

Многие, наверное, задали бы вопрос — а откуда, собственно, в середине зимы, в самый разгар вьюги и снегопада эти умелыцы достают бабочек, да еще и тропических? Не стоит пугаться — поверьте, их не тащат в трехлитровых банках из-под огурцов через границу. И это не среднероссийские капустницы, искусно раскрашенные рукой художника. Они самые настоящие гости из тропиков или южной Европы, только выведенные и выращенные у нас в России, в лабораторных условиях на специальных фермах.

В домашних условиях ваш подарок-бабочка проживет около двух недель, кстати, их естественный земной цикл. Специалисты той компании, которая занимается их продажей, дадут подробные рекомендации о правилах ухода за красавицами. Если обратиться к денежной стороне этой идеи, то, как правило, в среднем одна бабочка стоит триста наших родных рублей, иногда выше. Ко-

нечно, если будете брать коробку, то вам и скидку предложат и сами оформят подарок не хуже, чем английской королеве. Впрочем, задумайтесь сами — сколько времени, сил и денежных средств вы тратите, прежде чем придете к удовлетворяющему решению на предмет новогоднего подарка? А тут расскажут, покажут, а доставят бесплатно, и человек, которому предназначается ваш сюрприз, будет поражен и восхищен.

Как рассказывала одна девушка, ей на свадьбу жених подарил коробку с пятьюдесятью крылатыми нимфами, они летали у нее по всей квартире, и выглядели просто фантастически. А она ощущала себя словно Колумб, впервые ступивший на американскую землю! Бабочки садились на шторы, облюбовывали праздничные букеты. А однажды она просыпается — а все одеяло и спинка кровати в спящих бабочках. Она приподнимается — и по всей комнате разлетается живой и цветной фейерверк!

А один мой знакомый на новогоднюю вечеринку с семьей и друзьями купил коробку бабочек и, по рекомендации менеджера, на новогоднюю елку в нескольких местах накатал что-то вроде подкормки. Таким образом, весь праздник, да и еще пару недель после, его крылатые "елочные украшения" перелетали с места на место, меняясь как калейдоскоп и поражая всех гостей необычностью и изобретательностью хозяина.

Новогодняя ночь — это ожидание чуда и сказки. Нам так не хватает в наших серых и подчас однообразных буднях немного праздника, а в праздниках нужна необычность, чтобы они в колесе времени не запутались и не смешались одни с другими. И если вы все-таки решите порадовать дорогого человека, то на фоне серого, местами угрюмого мегаполиса в канун Нового года у вас дома будет кусочек лета, тропиков, радости и полета.

Сильные люди

Его имя стучит молоточком в висках, ты без конца пишешь его инициалы в тетрадках и рисуешь их пальцем на мокром стекле. Он не отпускает тебя. А ты для него — прошлое, у него есть другая или просто давным-давно на тебя наплевать. Его нужно скорее забыть раз и навсегда. Но тебе безумно больно, нечем дышать. Хочется избавиться от этого состояния... И немедленно, сейчас. Роль скорой медицинской помощи в этом случае решил сыграть "Молодой бульвар".

Быть отвергнутой — ощущение не из приятных. Если любишь кого-то, значит, в некотором роде, считаешь его совершенством. И поэтому, когда он уходит, ты уверена: это случилось потому, что ты его не достойна. Но, когда он при этом еще начинает вести себя недостойно, дело приобретает совсем скверный характер. Получается, что любишь уже не только того, кто не любит тебя, но еще негодяя и подлеца. Как же справиться с этой ситуацией, как заставить себя стать опять веселой, непосредственной, счастливой и забыть об унижительных минутах?

Сюжет номер один: все вокруг напоминает тебе о нем: запах, мелодии, слова, кафе у дома. Первым делом, вспомни добрую поговорку: "клин клином вышибают". Ну, например, если вы, прижавшись друг к другу, когда-то танцевали под романтическую мелодию, не плачь, услышав ее вновь, а скорее запиши на кассету и слушай до дыр. Слушай в плеере, в магнитофоне, в машине, мычи ее, чисти зубы по утрам, насвистывай на улице. Сначала будет грустно, потом привыкнешь, а через пару дней тебя от этой банальщины начнет тошнить. Или другая ситуация: вы часто сидели в этой кофейне. Здесь он нежно смотрел тебе в глаза, клялся в вечной любви. Теперь приходится сюда для тебя страшная пытка, а жаль, кафешка-то неплохая. Срочно измени свои ассоциации! Любим способом! Например, можно там перебрать лишнего и станцевать на столе, можно переест суши или другой рыбы, и маяться с животом, сидя за вашим столиком у окна. Главное, перебить воспоминания и ностальгию.

Еще один совет, на мой взгляд, очень полезный. Так уж повелось, что величайшие

творения в истории человечества были созданы, как правило, несчастными людьми, которых бросили их любимые. Например, Ван Гог, чувствуя себя разочарованным и глубоко несчастным человеком, почти на грани безумия, писал самые жизнеутрачивающие картины на свете. А ведь тебе, наверняка, приходилось замечать, что последнее время слова сами складываются в рифмы, на ум приходят невероятные цепочки интересных фраз, в голове звучат незнакомые мелодии? Так дай всему этому жизнь! Пиши стихи, рассказы, пой песни собственного сочинения, рисуй, как Ван Гог, и тебе сразу станет легче. К тому же наш великий классик Федор Михайлович Достоевский говорил, что страдания облагораживают человека. Этим тоже можно утешиться и вдруг почувствовать, насколько интеллигентнее, мягче, благороднее ты вдруг стала. Вот даже походка изменилась, манера речи стала другой и вообще тебе даже к лицу переживания, появилось что-то загадочное, таинственное, притягательное.

Думаю, всем хорошо известны две, наиболее часто употребляемые, поговорки, спо-

собные в первые дни после разрыва с любимым человеком довести до бешенства: "Свет на нем клином не сошелся" и "Время все излечит". Именно их мы, как правило, слышим от сердобольных знакомых и заботливых родных. Им хорошо говорить "не сошелся", не они же влюблены!

Да и время, конечно, врач удивительный, но попробуй пересидеть эти несчастные дни, часы, пережить их! Ох, как нелегко! Но откроем тайну. У траурного настроения есть одна особенность. В одно прекрасное утро ты просыпаешься и чувствуешь, что оно исчезло раз и навсегда, что все твои страдания как рукой сняло. Иногда печаль, конечно, может вернуться. Однако это уже не будет такая вселенская тоска, которая угнетала в первые дни. И даже при воспоминании о старом друге ты перестанешь приходить в ярость, а начинаешь воспринимать его как старого доброго знакомого.

Вот на этом моменте мы и хотели бы остановиться поподробнее. Задача, конечно, не из легких. Был единственный любимый, стал одним из тысячи знакомых. Впрочем,

когда любви нет, часто сохраняется дружба. Есть много компаний, в которых за одним столом сидят бывшие мужья и жены, любовники и любовницы, те, кто позволяют себя любить, и тот, кто любит сам. Здесь можно обратиться даже к классике и вспомнить чеховское "Механическое пианино". И действительно, бывшая любовь связывает людей, дарит общие приятные воспоминания, известные только им, держит в некотором волнительном напряжении и т.д. Так зачем же быть такими глупцами, чтобы лишать себя всего этого! Но, конечно, подобная дружба возможна лишь по прошествии некоторого времени. Претендовать на нее сразу после разрыва вряд ли разумно, так же, как и лелеять надежду, что он, "подружившись" с тобой, одумается и вернется. Безусловно, вот так вдруг стать друзьями бывшим влюбленным очень нелегко. Придется потратить уйму сил и нервов, или это произойдет потом само собой.

Рассмотрим другую ситуацию: ты чувствуешь, что твой друг явно остыл к тебе, но колеблется об этом сказать вслух. Многие молодые люди сентиментальные трусы и боятся женских слез. Так наберись сил и отправь его сама, как можно дальше. Это, конечно, волевое решение, но его принять легче, нежели дожидаться, когда тебе скажут: "Ты потрясающая девушка, но извини, мы должны расстаться". "Sorry", как в песне поется, "seems to be the hardest word". А из песни слов не выкинешь. Вот несколько убедительных причин, когда ты можешь сама смело идти на разрыв со своей любовью. 1) Когда на все твои претензии и недовольство он отвечает: "Люби меня таким, какой есть". 2) По рассеянности или, якобы, в шутку, называет тебя чужим именем. 3) Критикует за манеру одеваться, насмехается над твоими кумирами, тем более над родителями, требует похудеть или срочно что-нибудь сделать с твоим курносым носом. 4) Когда сначала ты платишь за его чай. Потом покупаешь ему куртку, а потом он просит одолжить денег на неопределенный срок, так как вылетает по секретному заданию в неизвестном направлении. 5) Его невозможно убедить пользоваться презервативами, приучить провозить

тебя в позднее время до дома и заставить здороваться с твоими родителями.

Однако хватит о грустном. Может быть, тебя вообще никто никогда не бросал и не бросит. А вот с твоей подружкой приключилась такая зловещая история. Она уже битый час сидит у тебя на кухне и рыдает. Поскольку мы все живые люди, ощущение, что наше горе еще кем-то разделено, изрядно облегчает страдания. Поэтому ты действительно можешь здорово помочь своей приятельнице. Даже если будешь ее просто слушать, молча подсчитывая, хватит ли очередной зарплаты на новые джинсы. Главное — периодически произноси ключевое "угу". Необходимо, конечно, говорить подружке добрые слова. Когда человеку плохо, он зацикливается на своей проблеме и забывает обо всем остальном. В этой ситуации обычный комплимент обладает большой ценностью. Только не говори что-нибудь типа: "Не расстраивайся, ты же всю сессию на пятерки сдала", — это не поможет! Плевать она хотела на сессию. Лучше скажи, что ей очень идет эта новая маечка, и, несмотря на горе, она в ней выглядит очень сексуальной.

Не забудь, что смех лучший лекарь! Над любой проблемой, можно иронизировать, правда, очень тактично. Попробуй пошутить. Если получится смешно, уже через полминуты вы будете смеяться вместе, но если пошутить неудачно, на ближайшие двадцать минут станешь для нее объектом агрессивных эмоций, хотя тоже неплохой результат. Агрессия более здоровое состояние, чем депрессия. А еще прославляй оптимизм. Убеждай в том, что все будет хорошо, даже если сама в это не веришь. Иногда не столь важно знать правду, как просто отдохнуть от безысходной тоски.

В общем, даже если твое сердце затопило на мелкие кусочки и крыша держится на одном гвозде, жизнь продолжается. И в ней есть много других интересных дел, кроме решения чудовищно важной проблемы возвращения в твою повседневность блудного друга. И помни, чем больше трудностей встречается на пути, тем сильнее ты становишься. А коэффициент такой силы поможет определить наш специальный психологический тест!

Стрелы Амура

Сильная ли ты женщина?

Отвечайте на вопросы предлагаемого теста "да" или "нет", а в случае затруднения поставьте знак вопроса. Итак, согласны ли вы с утверждениями:

- 1) В любом трудном деле я с легкостью принимаю решение.
- 2) В спорной ситуации жду поддержки от самого близкого человека.
- 3) В компании друзей люблю играть "первую скрипку".
- 4) Бываю сентиментальной и могу пустить слезу.
- 5) Я — типичная "железная леди" и умею давать сдачи.
- 6) Я — хорошенькая, и это доставляет мне удовольствие.
- 7) Чаще иду на компромисс и стараюсь не действовать по первому побуждению.
- 8) Напропалую кокетничаю с мужчинами.
- 9) Самостоятельна и независима в действиях.
- 10) Всегда ношу с собой косметичку и зеркальце.
- 11) Долго помню обиду и способна отплатить тем же.
- 12) Не отличаюсь большой выдержкой и хладнокровием.
- 13) Считаю, что любовь и симпатию не следует выражать слишком откровенно.
- 14) Я — идеалистка.
- 15) Характером — в отца.

Итоги: за каждый ответ "да" на утверждения 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 и "нет" на 2, 4, 6, 8, 12, 14 вам полагается по 10 баллов. За каждый вопросительный знак — по 5.

Мнение психолога:

От 100 до 150 баллов. Ты не просто сильная девушка, ты мужчина "на все сто" и тебя это радует.

От 95 до 50 баллов. В зависимости от обстоятельств ты обнаруживаешь как типично мужские, так и классические женские черты. Умение приспосабливаться и большая психическая гибкость будут твоими союзниками в любых обстоятельствах.

От 45 до 0 баллов. Ты — стопроцентная женщина. Сказка. Идеал. Мечта.

Только помни, что влюбленный мужчина примет тебя такой, какая ты есть. И полюбит в тебе даже "стопроцентного мужчину", если при этом сам не окажется... бабой!

свадьба для лошади

■ Есть в армии такая поговорка: "Праздник для военного, как свадьба для лошади — грива в ленточках, а задница в мыле". Очень верно подмечено. Особенно это касается периода с середины декабря до середины марта, на который приходятся: Новый год, православное Рождество, 23 февраля и 8 марта, то есть четыре праздника на неполных три месяца. Особенно тяжело, конечно, с двумя последними, ведь их разделяют лишь две недели.

Что такое праздник в армии? Это — мероприятие. И для его проведения назначаются ответственные лица, отдается приказание о привлечении солдат срочной службы, выделяются материальные средства и пишется официальный план (в некоторых частях его даже утверждает командир). Вы спросите: а как же праздничная обстановка, экспромты,

сюрпризы и так далее? Отвечаю: все предусмотрено. А что касается самих исполнителей, так для них главный праздник — это отсутствие праздников!

Организацией всяческих вечеринок, концертов, банкетов и прочего обычно занимается клуб. Если нет клуба, то — ОВР (отделение воспитательной работы) или, по-старому, политотдел. Вообще, несмотря на смену нашего с вами общественного строя, воспитательные структуры в войсках почти не утратили своей значимости, разве что партийных функций у них теперь нет. Без воспитателей нам никак нельзя, ведь кто такие, по существу, солдаты? Правильно — дети. Давно прошли те времена, когда с групповых армейских фотоснимков нам улыбались восемнадцатилетние мужчины с серьезными не по годам лицами. Даже сравнивать теперь нельзя.

Итак, с чего начинается в армии праздник?

Примерно за месяц до торжественной даты в отделении воспитательной работы (или в клубе) раздаётся телефонный звонок, и строгий голос Главного начальника (то есть заместителя командира части по воспитательной работе) объявляет внеочередное совещание в своем кабинете через пять минут. На повестке дня вопрос: "Чем новым, свежим и оригинальным мы в этом году порадуем публику?" Выслушиваются любые мнения, даже самые абсурдные, и начинается составление предварительного сценария торжества. Всего сценариев может быть от двух до двадцати, причем последний отличается от первого, как небо от земли.

Оригинальность вообще — самый большой вопрос. Праздников много, а люди их проводят одни и те же. Где набрать столько идей? Хорошо тем, чей Главный начальник — сам по себе творческая личность и умеет вдохнуть жизнь в любой проект. Мой отец, например, за свою карьеру замполита так насобачился писать всякие пьесы, экспромты, стихи и частушки, что мог бы теперь этим деньги зарабатывать. Мне самой с начальником тоже повезло. А вот одному моему другу — не очень...

Итак, история первая: "Дикие орхидеи".

До Восьмого марта оставалось всего два дня, и начальник клуба, совсем еще молодой старший лейтенант (назовем его Сергеем) начисто утратил сон и аппетит. Перед его мысленным взором живой стеной стояли двадцать шесть дам-военнослужащих, которым предстояло купить подарки. Время шло. А идея — что именно дарить женщинам — все не появлялась. Любой вариант (духи, красивые календарики, рамочки для фото, кошельки) казался банальным, это уже было в прошлые годы. Оставалось последнее — обратиться к начальнику. Что Сергей и сделал, окончательно вывихнув себе мозги.

Зам командира по воспитательной работе выслушал его внимательно, почесал затылок, взял тайм-аут до семнадцати ноль-ноль и под конец рабочего дня выдал свежую мысль: "А давай купим каждой по ор-

хидее? Я видел такие, в коробочках. И красиво, и не очень дорого". Сергей, которого уже мутило от одного только слова "подарок", с облегчением согласился. Назавтра он взял собранные мужчинами деньги, запасся большой картонной коробкой и поехал на цветочный рынок. Вернулся он через три часа довольный, с двадцатью шестью нежными созданиями, заботливо упакованными в прозрачные пластиковые стаканчики с золотистым орнаментом и бантиками. "Красиво, — одобрительно кивнул замполит. — Тащи в мой кабинет". Сергей вспомнил слова продавца: "Держать лучше в прохладном месте" и запротестовал. "Хорошо, — ответил начальник. — Откроем форточки". Так и сделали.

Седьмого числа, сразу после праздничного концерта, женщинам вручили подарки, и в зале сразу начались восторженные "ахи" и "охи". Все-таки орхидея — и правда красиво. Но тут...

"А что это они?.. — одна из дам с удивлением подняла свою коробочку на свет. — Что это с ней?" Все оглянулись и увидели, что орхидея в ее "стаканчике" потеряла уже два своих роскошных лепестка и готовится потерять третий. То же случилось и у остальных, цветы осыпались на глазах. Естественно, настроение испортилось. Сергей в тоске оглянулся на шефа, но тот, сам ничего не понимая, снова задумчиво чесал затылок.

После долгих разборок выяснилось следующее: Сергей не виноват, изначально орхидеи были вполне свежими, просто его начальник, которому надоело сидеть в кабинете в бушлате, взял да закрыл на день форточку. А, уходя вечером домой, открыл ее снова. Ночью ударил мороз, и светлая идея оказалась погублена рукой своего же создателя...

Конечно, это исключение. Обычно наши "воспитатели" с честью выходят из любой сложной ситуации.

История вторая: "Закат солнца вручную".

Большая воинская часть готовилась отметить свой семидесятилетний юбилей. Обычно такие праздники почему-то приходятся на лето, и готовиться к ним довольно

легко: там подновить, тут подкрасить, скосить травку, посадить цветочки...

Кстати, о цветочках. Маленькое отступление, просто, чтобы вы прочувствовали атмосферу. Знаете, как в армии сажают цветы? Приказал, допустим, командир: "Завтра к 9:00 здесь должна быть клумба!" И начинается: два солдата таскают ведрами землю, один собирает кирпичи для декоративного бордюрика, еще один разматывает шланг для полива и подключает его к пожарному гидранту, а кто-то в это время мчится на "уазике" в ближайший питомник и закупает там готовые (то есть, уже выращенные) цветы, каждый в отдельном торфяном горшочке с землей. Высаживать растения в грунт приходится в "полевых" условиях, то есть, без соблюдения каких-либо правил посадки, бывает, что и на ярком солнце, и в темноте, и в проливной дождь. Естественно, на следующий день к 9:00 большая часть цветов лежит, остальные полягут к обеду, и выживут лишь самые стойкие. Виновные будут строго наказаны, мертвые цветы выкопаны, вместо них посажены семена из пакетики, и через две недели получится нормальная клумба.

Бывает наоборот: цветы надо срочно убрать, и тогда солдат пускают цепью, чтобы они дружно рвали одуванчики на газонах.

Впрочем, хватит об этом. Цветы, извините за каламбур, еще цветочки.

Так вот, часть готовилась к юбилею, и ожидалось это событие в конце сентября. Все шло по плану (что в армии означает "хорошо"), и вдруг, после нескольких ночей с заморозками, начался бурный листопад. Листья засыпали не только дорожки и плац, но и всю территорию, поскольку клены и ясеней там росло много. Что делать? На праздник должен был приехать командующий округом с заместителями, для них готовили концерт, банкет и подарки, а тут такое ЧП. Вы скажете: подумаешь, листья падают. Но в армии внешний вид чего-либо играет не меньшую роль, чем внутреннее содержание, поэтому командир принял решение: "Последствия листопада срочно ликвидировать!" Как? Очень просто: убрать те листья, что опали, и стрясти с деревьев те, что пока держались на ветках.

Сказано — сделано. Зам командира по воспитательной работе (а именно он всегда отвечает за подготовку к праздникам), brave подполковник с интересной фамилией Гадюкин (фамилия настоящая), собрал команду самых толковых солдат и бросил ее на борьбу со стихией. Что с несчастными деревьями только ни делали! Трясли, колотили по стволам черенками лопат и баграми, дергали за нижние ветки, однако ВСЕ листья, естественно, стрясти не удалось. И Гадюкин приказал: "Стригите!" Надо было видеть, как бойцы с серьезными лицами лазали по веткам, словно обезьяны, и методично состригали листву садовыми ножницами! Через два дня совершили подвиг, в который даже не верилось — сто процентов деревьев стояли совершенно голые.

Но этим дело не кончилось. Из-за заморозков местами пожелтела трава, и ее спешно подкрасили зеленой краской из пульверизаторов. Летние столики, которые планировалось накрыть для банкета (поскольку столовая не вместила бы всех гостей) для единообразия подкрасили тоже.

За два дня до праздника прошел сильный дождь, через сутки резко похолодало, и в день юбилея, утром, все оказалось покрыто коркой льда. К девяти часам температура выше нуля не поднялась, поэтому плац, чтобы никто не поскользнулся, срочно посыпали солью, а столики застелили яркими клеенками прямо поверх наледи. Чтобы не мерзли приглашенные на концерт артисты, Гадюкин выпросил на местной телестудии четыре мощных "юпитера", которые не только светят, но и греют. Закупили побольше спиртного. Внутрь трибуны поставили электрический обогреватель. На "банкетной" полянке развели красивый костер (якобы так и было задумано).

И что вы думаете? Нормально прошел праздник, разве что банкет пришлось подсократить, все-таки холодно. Командующий остался доволен: мол, нестандартно, молодцы, никакие ненастья вам не помеха.

Конечно, силами одних офицеров никакой праздник не провести, поэтому каждый раз среди солдат объявляется конкурс "Алло, мы ищем таланты!" Умеете петь, танце-

вать, читать стихи, писать пьесы, показывать фокусы? Добро пожаловать! Не всегда ведь есть возможность пригласить кого-то со стороны, чаще обходятся своими силами.

Вообще, талантливые люди в армии нужны. Например, художники. Что они рисуют? Наглядную агитацию, стенгазеты, плакаты, боевые листки, да что угодно, вплоть до настенной росписи. В одном полку ВВС, например, местные умельцы расписали потолок актового зала самолетами всех возможных разновидностей, красиво парящими среди облаков. А у "химиков", в маленькой подмосковной части, все здания "замаскированы" среди леса с помощью деревьев, нарисованных на стенах. Есть там и свой прикол: на глухой стене столовой изображена весьма реалистичная дверь с крыльцом, и несведущие люди очень смешно тыкаются туда, пытаясь войти.

В армии высоко ценятся скульпторы, резчики по дереву, каменщики, маляры, то есть люди, которые могут сделать свою часть красивее. Красота — важный воспитательный фактор наряду с лекциями, концертами, кино...

Кстати, о кино. Приятно познакомиться: автор этой статьи, согласно штатному расписанию — кинорадиомеханик в клубе. Раньше кино в воинских частях показывали обычное, проекционное, как в кинотеатре, получая для этого на районной кинобазе многочисленные металлические банки с бобинами пленки. Одна бобина — одна часть, десять минут. Средней продолжительности фильм — от семи до десяти бобин, то есть вещевой мешок, плотно набитый банками. Фильмы крутили на двух кинопроекторах (типа "Украина"): пока на одном идет, допустим, часть номер два, на втором проекторе перематывается на начало часть номер один и устанавливается часть номер три. В нужный момент аппараты переключаются, и цикл повторяется снова. Если киномеханик опытный, зрители переключения не замечают. Тут важно установить пленку нужной стороной, чтобы звуковая дорожка попала на звукоснимающую головку, иначе фильм будет "немым" и зеркально перевернутым.

Теперь такого кино почти нет, кинобазы позакрывались, и везде крутят видео. Кассеты берут в прокате или таскают из дома. А киномехаником оформляют просто человека, умеющего что-то делать руками, и задействуют его на другой работе.

Есть еще момент, на котором следует остановиться. Приезд проверяющих. Это не праздник, но готовятся к нему так же тщательно: ремонтируют, моют, красят, вывозят мусор. Лишних людей, чтобы не мелькали, загоняют в казармы, и территория пустеет. Как правило, в часть приезжает не "проверяющий вообще", а специалист какого-то одного направления, например, службы тыла, и его всюду сопровождает "соответствующий" заместитель командира. Но отделение воспитательной работы все равно никогда не простаивает: оно ведет предварительную подготовку личного состава, организует встречу и проводы комиссии, а иногда и устраивает банкет, или, говоря армейским языком, "накрывает поляну". Очень важный момент, от которого многое зависит! Это никак не взятка, а своего рода ритуал гостеприимства, и нарушать его нежелательно.

Был такой случай. В батальон внутренних войск приехал полковник из вышестоящего штаба проверять ведение внутренней документации. По этой части там навели порядок, и молодой комбат решил ограничиться чисто формальной встречей, даже чаем гостя не напоил. И что же? Буквально через пару дней после отъезда полковника его вызвали в тот самый штаб и показали акт, в котором перечислялись аж сорок мелких и крупных нарушений!.. Боже упаси, я не говорю, что все проверяющие такие. Но никогда не мешает застраховаться от неожиданностей.

"Политотдел" редко отдыхает по-настоящему, поскольку отвечает и за общественно-государственную подготовку, досуг, дисциплину в части, праздники, за работу с семьями военнослужащих, и за многое другое. В армии ведь случаются и радостные, и печальные события, в том числе, бывает, и похороны. Ни о чем нельзя забывать, каждому человеку надо уделить время, внимание. И при

этом — вот странно! — некоторые считают "воспитателей" бездельниками, мол, только говорят, а рот закрыли — и рабочее место убрано. Это совсем не так.

Читая мои заметки в этом и предыдущих номерах, вы, наверное, обратили внимание, что я мало пишу собственно о службе, больше о взаимоотношениях между военными. Что ж, наверное, настало время приоткрыть завесу тайны: что же еще есть в армии, кроме дедовщины, ритуалов, традиций, праздников и прочего в том же духе? Чем занимается наша армия в условиях мирного времени?

Отвечаю: она неустанно поддерживает свою боевую готовность. Как? Да хотя бы с помощью учений или, как это еще называется, "полевых выходов".

Эпилог

Ну вот, вы прочли в этом году двенадцать рассказов о жизни в нашей армии. Конечно, это далеко не все, да все рассказать и невозможно, даже за год. Армию надо видеть, а еще лучше — служить в ней, только тогда ее можно понять и полюбить.

Многие молодые люди боятся службы, боятся дедовщины, считают два армейских года вычеркнутыми из жизни. А если взять и попробовать? Кто знает, может, именно воспоминания о 730 днях в сапогах окажутся лучшими в вашей жизни, и через много лет вы со светлой грустью будете просматривать свой дембельский альбом. Может случиться, что армию вы будете даже благодарить за то, чему она вас научила. Как сказал один умный человек, армия — это школа мужества, а ведь именно мужество сейчас в особенном дефиците.

И остальные, кому не надо ждать повестки — подумайте. Шанс прожить жизнь интересно нельзя упускать, и такой шанс может дать вам армия.

Не исключено, что в следующем году мы с вами еще встретимся, и вы узнаете о военной службе много нового. Я постараюсь подобрать для вас самые интересные истории. А пока — до свидания.

Искренне ваша,

ефрейтор Екатерина ПОСТНИКОВА.

теле

Ну вот и дождались, дорогие мои. На дворе уже зима, слава Богу. Ах целый декабрь-месяц. И что это значит? А то значит, что Новый год на носу. Елка, там, подарки, декалитры спиртного, запах мандаринов на улице...

Вы спросите, и это всё? Нет, конечно, не всё. Со времён "Простокавашино" телевизор и "Голубой огонёк" стал таким же неотъемлемым элементом праздничного стола, как, скажем, салат оливье. Только, в отличие от досточтимого салата, есть который всё так же вкусно, родное телевидение смотреть год от года тяжелее.

Хотя, в принципе, удивляться-то особо и нечему. Уже который год создаётся впечатление, что телеканалы абсолютно не заинтересованы в хоть каком-нибудь соревновании за телезрителя. Чем дальше, тем больше укрепляюсь я в мысли, что клан одной поющей семьи скупает каждый год под себя всё эфирное время. Ну куда ни ткни, везде одни и те же, с позволения сказать, артисты. Везде одна и та же выставка достижений отечественной попсы и вечно молодой и "смешной" Петросян. Может, мне объяснит кто-нибудь, чего он такого кушает, чтобы в свои лета так резво по сцене прыгать? И ведь давно уже не смешно, ан нет, с экрана не слезает. А чтобы ни у кого не возникло сомнений в юмористической ценности происходящего, так оператор услужливо покажет смеющийся до колик в животе зал...

Всё одинаково. Нет абсолютно никакой разницы, что смотришь, всё равно с утра выяснится, что твой сосед смотрел вчера то же самое. Одни и те же артисты с одними и те

Оборзение

Голубая муть на голубом экране

ми же песнями выступают на разных каналах. То есть получается, что они сами для себя что-то славали, а вся страна кушай? Создаётся впечатление, что телепродюсеры приняли население нашей страны за некую перманентно пьяную массу, которой в принципе все равно, что смотреть. Ну а если вдруг мне надоеет вкушать за праздничным столом жидкость Менделеева? Если мне чего-то душевного захочется? Тогда что? А ничего. Телевизор превращается в ничего не значащий фон.

А, может, их, бедненьких, ещё и пожалеть надо. Каналов-то много расплодилось, а они одни, попробуй всюду успей. Так что, мол, не обижайтесь, что по телевизору всё в записи и под фанеру... Им ведь надо в Новый год по десятку-другому клубов ещё прохаться, а там по 5000 уёв за песню платят...

Мой любезный сосед бар-менеджер Гирькин, он же Недовес, можно сказать, открыл мне глаза на всю проблему в целом.

— Сосед, чего тебе этот телек сдался? Ты за него что-нибудь платишь?

— В смысле?

— Ну, в смысле не за сам телевизор, а за то, чтобы его смотреть?

— За антенну, что ли? Ну рублей 50 где-то, а что?

— А то. Где ты видел, чтобы сегодня за такие деньги кто-то что-то путёвое предлагал? А раз не видел, так и не возникай, зырь, что дают и молчи в тряпочку. И вообще, что тебе так приспичило в новогоднюю ночь в ящик пялиться? Дел, что ли, других нет? Взял бы вон петард, да и взорвал бы пса соседского, чтоб он потом постоянно лужи

от каждого хлопка делал. Помнишь, небось, как он тебя весной цапнул? (Такое действительно не забывают, уколы — фигня, а вот три месяца без пива — это жестоко. Н.С.) Меня он тоже достал порядочно, воеет и воеет по утрам. Так что, действуй.

Или вот ещё, гулять пойти можно, спьяну, по морозу, это ж самое оно. Всё кругом взрывается и громыкает, а если повезет, то и на компанию какую нарвешься, ведь драка — национальная русская забава. Кулаками пять минут помахал, а потом уже вместе пить на всю оставшуюся ночь. Да и в конце концов, если уж так охота дома сидеть, займись проверкой презервативов на прочность, в этом деле оно ведь без разницы, что там на фоне творится, телек, музыка или конец света...

Короче, достал, заболтал меня совсем, меня дома пиво горячее ждёт... А лично я в этот Новый год выспаться собираюсь...

Вот ведь как получается, раз бесплатно, так и показывает оно "на все деньги"? То есть, всей стране на спутниковое телевидение переходить, что ли?

А пока этого не произошло, отмечу, что в прошлом году за телевизором Новый год встретили 74 процента россиян, и порадуясь, что всё-таки 26 процентов нашли себе какое-то более стоящее занятие. И ещё, обращение Президента по рейтингам всё так же недосыгаемо, даже для самых продвинутых "огоньков". Что год грядущий нам готовит? ■

С любовью и искренними поздравлениями, Ваш **Ник СИГАРИЩЕНКО**.

Компьютер — на елку не

Компьютер собран, монитор куплен, но чего-то не хватает. Вдохнуть бы немного жизни в новую игрушку — докупить колонки или музыкальную систему, а то ведь скучно сидеть без музыки. Системка нужна такая, чтобы бумажник не сильно опустел и осталось на пиво, "боржоми" или шоколадку, кого что привлекает.

Определимся с ценовой политикой, ограничим себя цифрой, допустим, в 1600 рублей. Конечно, в сравнении с пицалками за 15 деревянных червонцев, что у вашего соседа — это безумно большие деньги. Если вы пофигист и вам нужны от компьютера только булькающие звуки с халявным микроскопическим светильником (индикатор питания), то, пожалуйста. Но не в том случае, если хотите наслаждаться звуком. Из этого вывод — колонки дешевле 600 рублей, то есть пластиковые, лучше не брать, ибо они не далеко ушли по качеству от пресловутых пицалок.

Дело в том, что во время работы пластмассовый корпус начинает неприятно дребезжать, а порой просто издавать внутриутробные звуки, пытаться передать басы. Поэтому идеальным вариантом будет взять недорогие двухполосные колонки в МДФ корпусе (читай, деревянные). Почему? Просто есть такие понятия как глубина звука, его насыщенность, чистота... А дерево как нельзя лучше способствует передаче всего этого, не добавляя ничего от себя. Так что, хотите насладиться густыми, щекочущими нервы басами, — тогда только дерево.

Все по басу...

Сегодняшний рынок может предложить на выбор почти 150 моделей различных систем в пределах указанной суммы. Колонки стоимостью от 850 — 1250 рублей вполне хватит на озвучивание небольшого зала или квартиры любой площади, даже на долю соседей останется. При желании можно и дискотеку устроить.

Качество изготовления удовлетворит любого меломана. Конечно, чем комплект дороже, тем он мощней, только дома вы никогда не будете использовать его на полную — выбьет окна, отвалится раковина на кухне, и может приехать милиция, на разборки. Ну а самое страшное — просто оглохнете.

При выборе надо четко решить, что именно вы хотите от музыкальной системы, учитывая при этом размеры помещения. Нет смысла гнаться за ценой. Иногда бывает, что недорогой комплект звучит лучше, пусть по мощности слабей, но звук более сочный и объемный.

Есть несколько типов колонок: для двухканального звука (однополосные, двухполосные, трехполосные); для многоканального звука — "2.1", "4.1", "5.1", "7.1", где цифра слева означает количество сателлитов (маленькие колонки-спутники для передачи высоких частот, иногда средних), а цифра справа — сабвуфер (деревянный ящик или бочонок, передающий только низкие частоты — басы). Давно уже ведутся споры, какой из типов лучше — свои положительные и отрицательные стороны есть у каждого. Самое распространенное мнение — качественные 2-х или 3-х полосные системы лучше тех, что с сабом. Если комплекты того и другого типа стоят одинаково, естественно, лучше взять полноценные колонки, а потом, со временем, если вам захочется проверить на практике, как далеко полетит ваша оконная рама после первых нот любимой песни, можете докупить хороший басовый бочонок... Ватт так на 80...

не игрушка, повесишь

Заценим, Оценим, Сравним — Купим!

А теперь возьмем пару любимых дисков с наиболее высоким уровнем записи и пойдем на рынок выбирать матюгальники для вашего, почти одушевленного, спутника жизни. В принципе, продавцы должны показывать свой товар, но многие делают это только при покупке. Услышав отказ или предложения в стиле "послушаешь дома" — говорим: "С Новым годом, пошел на фиг", и идем к следующей палатке. Здесь мы видим несколько неплохих комплектов, о которых нам подробно рассказывают и даже хотят показать, на что они способны. О'к, раз так, не преминем воспользоваться радушием.

Первое, на что стоит обратить внимание — это небольшая двухполосная акустическая система SVEN MA-230 за 1170 рублей и рядом стоящая SVEN SPS-611 за 870 все тех же деревянных. Принципиальных отличий между ними нет, разве что обмотка на катушках динамиков разная. По качеству звучания 611-я не хуже, а порой даже лучше своего собрата. Есть небольшая разница в размерах корпуса — 230-я будет побольше. У обоих комплектов есть выход на саб, купив который, вы получаете систему "палец в рот не клади". Так же у 611 предусмотрена кнопка "3D" — при нажатии дает эффект объемного звука. Технические характеристики одинаковы — каждая колонка выдает 18 Вт, соотношение сигнал/шум составляет 75

Дб, то есть в нерабочем состоянии они шипят, но слух не раздражают. Все регулировки (высокие, низкие частоты, громкость, кнопка питания) располагаются на задней панели левой колонки. Это не всегда удобно, но с эстетической точки зрения выигрышно.

Продавец тем временем вежливо суетится вокруг нас, и все время пытается впарить что-нибудь подороже. Взглянув на него с видом знатока и задав пару странных вопросов, на которые он не находит ответа и тут же замолкает, продолжаем изучать ассортимент.

Идем дальше по линейке недорогих и качественных комплектов SVEN. Внимание привлекла недорогая система SPS-838 — "2.1" (1250 рублей) с бочонком на 18 Вт и двумя сателлитами по 10 Вт. Конкуренцы не стремятся делать свои изделия в деревянных корпусах в этой ценовой нише, поэтому "Свиню" аналогов нет. Иногда можно встретить только саб в МДФ. А дерево, как мы уже знаем, лучше! Система работает хорошо, озвучить небольшой зал для нее как нечего делать. Большой плюс — на максимальной громкости нет перегрузок, чем иногда грешат MA-230 и SPS-611. Даже эти колонки вы все равно не будете слушать на полную — половины громкости, а то и меньше, уже достаточно, чтобы пол ходил ходуном. Все регулировки 828-й находятся на передней панели сабвуфера, который справляется со своей задачей на твердую пятерку. Удобство системы в том, что бочонок можно поставить под стол, и он не будет смущать своим видом, а небольшие сателлиты легко разместятся на любом столе, при желании их можно повесить на стену, что тоже предусмотрено. Технические характеристики чуть лучше, чем у вышеперечисленных собратьев, с небольшой разницей по громкости звучания.

Дальше наш взор падает на малоизвестную и не очень популярную фирму Defender и ее двухполосный комплект "40А" (1500 рублей). Многие считают его лидером в своем классе, что ж, пусть и дальше считают, но мы с этим не согласны. Хотя система по-сво-

ему хорошо и выдает 18 Вт, при схожих технических характеристиках. Внимание привлекает необычный дизайн — лицевая сторона колонок закрыта защитной сеткой не полностью.

Эпилог

Итак, что мы имеем? Имеем фирму SVEN, предлагающую за вполне реальные деньги вполне конкурентоспособный товар, и DEFENDER, который в плюс к этому наделил свою продукцию нетривиальным дизайном. Но наш выбор сегодня всё-таки SVEN SPS-838 — "2.1", ибо авторы у нас подобрались прагматичные и на художественные изыски не клюющие.

При покупке обратите внимание на громкость и качество передачи звука. Среднечастотные динамики (большие) — обязательно должны быть прорезинены по краям — работать дольше будут. Колонки должны внешне внушать доверие и гармонизировать с интерьером. Не последнюю роль играет сборка, особенно в какой именно "фанзе" и на чьих именно коленках все это добро производится. Обязательно надо проверить, в каком подвале делают гарантийный ремонт. На самом деле надо проверить само существование этого подвала, а то бывает так, что подвал есть, а сервиса нет.

Акустическая система, как и монитор, берется не на две недели поиграться, а надолго, поэтому подходите к вопросу серьезно. Звук должен радовать и слух, и сердце. Перечисленные выше модели — не эталон, может, вам понравится что-то еще. Они больше приведены как пример, на который надо ориентироваться.

Дорогие читатели! Мы не прощаемся — в следующем году мы продолжим изучение персонального компьютера и всего, что с этим связано. Нам очень важно знать ваше мнение о нашем "продолжении", приносит ли пользу наш маленький, но от этого не менее компьютерный отдел? Пожалуйста, черкните пару строк непосредственно нам в редакцию. Заранее признательны!

■ Просто КИР

■ Мобильный телефон уже настолько прочно вошёл в нашу жизнь, что мы уже не представляем своего существования без этой небольшой вещицы. Сотовая связь активно распространяется по планете более 15 лет, и за всё это время о вреде трубок никто не задумывался. Правда, было несколько попыток дознаться-таки, чем светит сотовая связь простому смертному, но всё это происходило как-то вяло, без должного энтузиазма и ограничилось введением термина "возможные побочные явления", который и тыкают в лобое руководство пользователя.

Кирилл СОРОКИН

Мобильные телефоны, или Новогодние страшилки

Сегодня учёные накопили достаточно знаний о проблеме, благо полтора десятилетия клинических наблюдений — не шутка. И они уверенно говорят нам: "Мобильник опасен!" Причём такие сигналы приходят не из какого-то одного места, а со всего мира, из различных научных центров, что лишь подтверждает недремывающий взгляд учёных на проблему.

Угроза ДНК

Шотландский ученый Уильям Стюарт установил, что под влиянием излучения мо-

бильных телефонов у дождевых червей меняется структура белка. А так как на Земле вся жизнь белковая, то лично я не вижу принципиальной разницы между дождевым червём и человеком.

Берегите мозг

Профессор Генри Лейю из Вашингтонского университета установил связь между микроволновым излучением и ухудшением пространственной памяти и способности к ориентации у крыс. Подопытные животные,

подвергавшиеся облучению мобильными телефонами, находили дорогу в водном лабиринте значительно медленнее необлученных собратьев.

Уж не поэтому ли среди людей учащаются случаи топографического кретинизма? Если дело и дальше так пойдёт, как же народ в городах жить будет?

Летом прошлого года шведский нейрохирург Лейф Сэлфорд и его коллеги из университета Ланд заявили, что микроволновая радиация, излучаемая мобильниками формата GSM, приводит к необратимым изменениям в головном мозге крыс. В течение двух часов животные подвергались облучению мобильными телефонами. Спустя пятьдесят дней ученые исследовали под микроскопом их мозг и с ужасом обнаружили многочисленные повреждения сосудов и очаги отмерших нейронов. Чем выше уровень "мобильной" радиации, тем серьезнее ущерб. "Не исключено, что на мозг человека мобильные телефоны оказывают точно такое же воздействие, ведь по своему строению он аналогичен мозгу крыс. Если наши предположения подтвердятся, сегодняшняя молодежь, весьма интенсивно пользующаяся мобильными телефонами, столкнется с болезнями Альцгеймера и Паркинсона уже в возрасте Христа", — мрачно комментирует профессор.

Нервные клетки головного мозга не восстанавливаются... А сколько мы на улицах видим кадров, которые трепяются по мобильнику вообще не переставая? Особенно этим грешат симпатичные девушки... Человек, конечно, не крыса, и необратимые изменения в его организме должны начинаться позже, не через 100 часов разговора, а скажем, через 300, но это всё равно катастрофически малый промежуток времени.

Проведя опрос 11 тысяч владельцев сотовых телефонов, ученые из Шведского национального института труда и Норвежского управления по защите от излучения обнаружили побочные эффекты даже у людей, пользующихся телефоном меньше двух минут в день — 84 процента опрошенных жаловались, что при разговоре по мобильнику у них нагревается кожа за ухом, иногда дело

доходит до ожогов. Часть испытуемых страдала провалами в памяти, головокружением, головной болью и повышенной утомляемостью. Добрая половина опрошенных испытывала сонливость. Треть абонентов затруднялась сконцентрировать внимание на каком-либо предмете во время или сразу после разговора... А мы ещё удивляемся, почему подавляющее большинство представителей молодого поколения напоминают собой деревья (в смысле туп как пробка), тормозов, отморожков и прочих персонажей, обделённых чрезмерной быстротой ума.

Не мозгом единым

В московском Институте биофизики проводился эксперимент, в ходе которого лягушки помещались в высокочастотное электромагнитное поле на 5–10 минут. Даже при очень низкой интенсивности сигнала сердце у каждой второй жертвы эксперимента останавливалось, а у выживших снижалась частота его сокращений. Крысы и кролики переносили облучение намного лучше, но и у них в большинстве случаев отмечались изменения сердечной деятельности.

Подумай о детях...

Венгерский ученый Имре Феджес из отдела акушерства и гинекологии Университета Сегеда, обследовав на протяжении 13 месяцев 221 мужчину, обнаружил, что излучение мобильного телефона негативно сказывается на качестве спермы — число сперматозоидов сокращается на одну треть, оставшиеся же совершают хаотические движения. По мнению ученых, это снижает шансы на оплодотворение. Причем необязательно много говорить по телефону, достаточно носить его на ремне или в кармане брюк...

Физиология

Проблема состоит в том, что люди реагируют на излучение телефонов по-разному. Около 15 процентов особо устойчивых его

просто не замечают. Еще у приблизительно 70 процентов включаются защитные механизмы, нивелирующие вредные последствия. Больше всех не повезло остальным — у них, даже после однократного разговора по мобильному телефону, отмечаются повышенная утомляемость, расстройство сна, впоследствии развивается реакция, напоминающая аллергическую, — человек жалуется на зуд, жжение, на теле появляется сыпь, его мучает сильная головная боль.

Власти Швеции уже не только признали сам факт существования проблемы, но и пошли на беспрецедентный шаг. Все, страдающие гиперчувствительностью к электромагнитному излучению, могут получить солидную сумму из бюджета (порядка 250 тыс. долларов) и переселиться в отдаленные районы страны, где отсутствуют сотовая связь, телевидение и другие электромагнитные блага цивилизации... Это не шутка, было установлено, что ретрансляционные вышки фонят в десятки раз мощнее любого телефона. Так что при выборе места жительства бросьте лишний взгляд на крышу дома в поисках антенны, подумайте о себе и о детях.

Так и хочется крикнуть: какого же ляда этими исследованиями не занимались сами производители мобильных телефонов? Почему вся эта фонащая лабуда 15 лет свободно сертифицировалась и беспрепятственно поставлялась в страну? Да-да, ведь оказывается, что мобильник — ещё и персональный источник радиации. И что выходит, необратимые изменения мозга, нарушение деятельности сердечной мышцы, перспектива инсульта, аллергические реакции, Альцгеймер с Паркинсоном, выросший в разы риск заполучить рак, да вдобавок и снижение репродуктивной функции! И до всего этого, в принципе, никому нет дела. Замечательно. Просто нет слов. Или производители мобильных телефонов сами не знают, что клепают? Или знают и сами ими не пользуются? Да нет, пользуются, и в Антарктиду, подальше от излучения ехать не торопятся. Тогда что это? Новый инстинкт самоуничтожения? Любовь к безоперационной стерилизации? Не понятно.

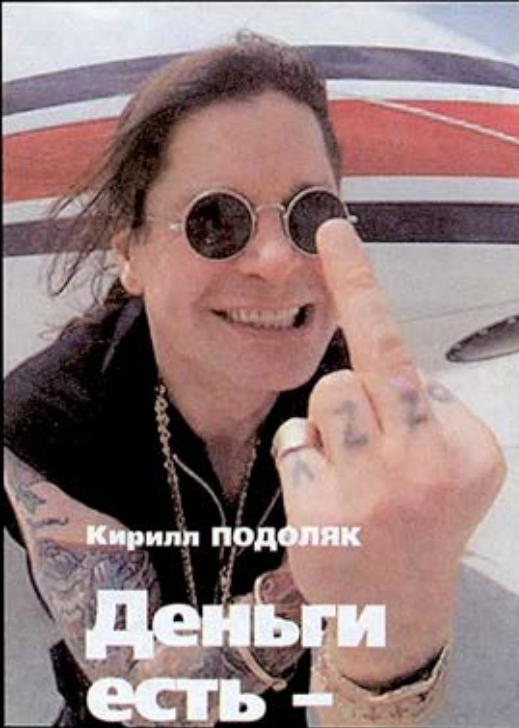
Ложка мёда

И совсем не радует тот факт, что в ходе совместного эксперимента Бристольского университета и Бристольского королевского госпиталя в Великобритании были получены весьма неожиданные результаты. Добровольцам, подвергавшимся воздействию микроволнового излучения от цифровых и аналоговых телефонов, предлагалось выполнить определенный набор заданий на сообразительность. После 30-минутного воздействия излучения у 36 испытуемых время реакции при визуальных тестах существенно сократилось. По словам руководителя эксперимента доктора Алана Приса, он "был чрезвычайно удивлен полученными результатами, поскольку после многочисленных сообщений о головной боли, депрессии, потере памяти и даже опухоли мозга, вызванных излучением мобильных телефонов, мы ожидали чего угодно, кроме улучшения умственной деятельности".

Стоит заметить, что большинство ученых считают это скорее исключением, подтверждающим правило.

Вместо вывода

В России же аллергия на мобильные телефоны пока не зарегистрирована, поэтому остается пока выбирать для себя — рисковать или нет. Ученые считают, что окончательную точку в вопросе мобильных они смогут поставить лишь через десяток-другой лет, поскольку далеко не все исследования закончены. Но лично мне хватит и того, что уже установили. Так что с Нового года все вооружаемся "хендс фри", причём проводной, как выяснилось, беспроводная фонит в 4 раза сильнее самого телефона, снимаем мобилку с пояса, выключаем аппарат в метро, стараемся говорить как можно меньше, предупреждаем об этом соседей и знакомых и обходим все ретрансляторы минимум за километр... Вот такая радиационная гигиена. Лично меня не прельщает перспектива умереть молодым и красивым. ■

Кирилл ПОДОЛЯК

**Деньги
есть —**

**Талант
не
нужен...**

Все началось в далеком 1969 году, когда группа "Black Sabbath" записала первый альбом, продолжилось уходом Оззи Осборна в 1979 и началом его сольной карьеры. Сейчас же, выпустив последний диск "Down To Earth" в 2001 году, мэтр тяжелого мрачного рока планирует завязать со сценой — возраст-то уже не тот, скоро 60 лет как-никак. Теперь великий и ужасный Оззи хочет передать эстафету своей 19-летней дочке Келли, у которой, кстати, в прошлом году уже вышел дебютный альбом "Changes".

Восхождение девушки на олимп популярности началось с первого выпуска сериала "The Osbournes" (2001 год), прошедшего по всем мировым каналам MTV. Никто и представить не мог, что шоу вызовет такой

ажиотаж, став самым популярным за всю историю канала. Поэтому, чтобы не потерять десятки миллионов долларов, сняли еще несколько продолжений сериала плюс специальные выпуски. В результате каждодневных кривляний перед камерами, "семейка" получила "бронзовую баксовую" медаль, то есть третье место по богатству в музыкальном мире. На первом — Сэр Пол Маккартни (миллиард), на втором Роллинги (75 миллионов), ну а Осборны наскирдовали 45.

Тем временем дочурка Оззи приобрела сумасшедшую популярность в молодежной среде. Многие увидели в девушке самих себя, некую родственную душу, ведь у кого нет проблем с родителями. Потусить хочется всем, да так, чтобы родители смотрели на это сквозь пальцы. Только родители Келли — случай особый, что мало кого волнует.

Секс-бомба...

На этой волне мама молодой знаменитости в 2002 году определила 17-летнюю

дочку в модели. Ей предстояло рекламировать одежду и обувь для продвинутой молодежи. Никого не смутило, что девушка, мягко говоря, пышка и ее формы не очень вяжутся с устоявшимися канонами модельного бизнеса. Хотя, кто будет возражать, почував запах денежек с шестью нулями. Сама Келли утверждает, что никогда не думала о модельном бизнесе и с трудом себе его представляет. На практике же оказалось очень интересно и весело, особенно, когда фотограф просил выглядеть сексуально. А теперь попробуйте представить "тушенку", которая выглядит сексуально. Страшно?

Как сейчас у Келли обстоит дело с карьерой в качестве модели, сказать сложно, ведь рекламные ролики и журналы с ее участием можно увидеть только в Штатах. Не трудно догадаться, что скоро этому придет конец, во всяком случае, когда закончится показ "The Osbournes".

Спой, светик, не стыдись...

Оззи же, не долго думая, внес и свою лепту — сделал из дочки певицу. Выбрал для нее хит Мадонны — "Papa Don't Preach" (Папа, хватит меня поучать). Старый рокер считает, что эта песня о его отношениях с Келли. В 2002 году вышел первый сингл и на него же сняли клип, действия которого разворачивались в "одной комнате". В добавок, пришлось скрывать бездарный вокал путем кропотливой работы на компьютере. И снова никто даже не подозревал (попахивает странной закономерностью, вам не кажется?), что сингл попадет в десятку.

Казалось бы, что еще нужно для молодой девушки? Чтобы ее узнали миллионы и в тех же цифрах продавались ее альбомы. Наверное, 10-ка отца не устроила и он спел с дочкой дуэтом. Перепели хит Black Sabbath "Changes" с альбома "Vol. 4". Ладно бы просто перепели, так еще и текст переделали — вышел диалог отца с дочкой. Если от значительного варианта на глаза наворачивались слезы, то после "семейного" хочется в ужасе прыгать на стену. Нет ничего общего с той красивой и мелодичной балладой — полу-

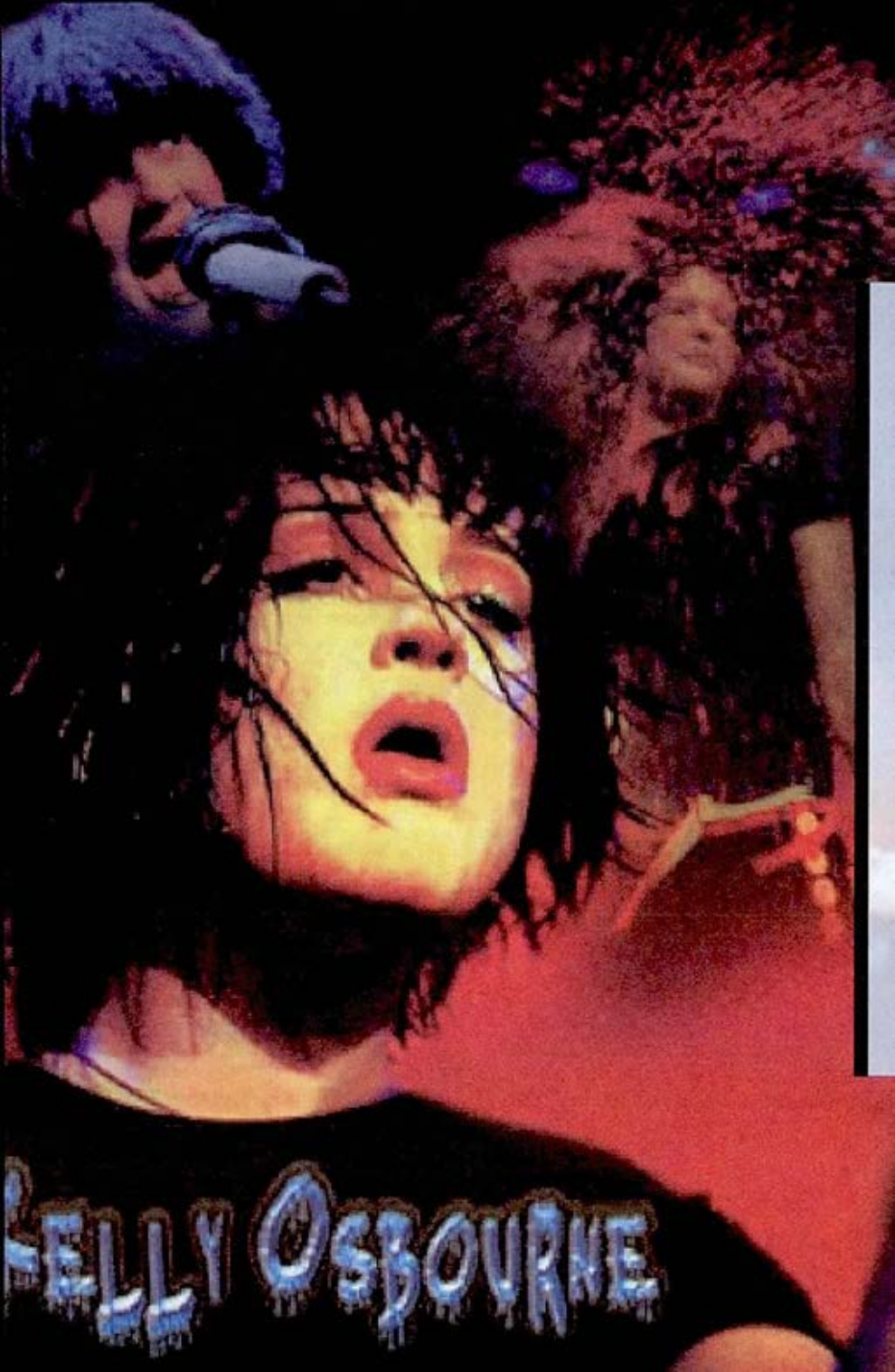
чился какой-то "бегемот на мотоцикле". Естественно, старым поклонникам Оззи это не понравилось, но вот у новых, которые узнали его и Келли только после этой песни, она приобрела бешеную популярность и заняла первое место в чартах.

Дальше на Келли посыпались предложения от многочисленных журналов — стать лицом очередного номера. Развернулась мощная рекламная кампания грядущего дебютного альбома. Тут же появились лозунги в стиле: "Дочка круче отца", "Музыка Келли Осборн не хуже, чем Оззи" и другие.

Живое воплощение Fuck Off

На сцене она ведет себя как и в жизни — нагло и вызывающе. Ей ничего не стоит прокричать несколько трехэтажных матерных конструкций. Мирской закон для девушки на воде вилами писан — соблюдать его не горит желанием. Пару лет назад, будучи в Австралии с концертом, в одном из местных баров распивала слабоалкогольные коктейли. Страж закона сделал замечание, ведь у них употреблять спиртное разрешается только с 18 лет, но был послан на три веселых и не самых цензурных буквы. В результате — скандал. Молодому дарованию" еще повезло, что не отменили ее концерт. Образ наглой "герлы", которой все дозволено, прочно засел в сознании молодых людей разных стран, чем и вызвана ее такая бешеная популярность.

Наконец, в середине 2002 года на лейбле Sony Music был выпущен первый альбом — "Shut Up!" (Заткнись). Релиз продержался в "UK Top 40" всего неделю, так и не попав даже в 20-ю. Через несколько месяцев, вместо отдачи получив только непристойное поведение "певицы" — звукозаписывающая компания расторгла контракт. Огорчение не продлилось и месяца — Оззи нашел для дочки новую рекорд-компанию — BMG (Sanctuary Records Group). Чтобы насолить Sony, дебют переиздали под названием "Changes" (2003 год) с добавлением одноименной композиции и пяти концертных вещей.

KELLY OSBOURNE

дочку в модели. Ей предстояло рекламировать одежду и обувь для продвинутой молодежи. Никого не смутило, что девушка, мягко говоря, пышка и ее формы не очень вяжутся с устоявшимися канонами модельного бизнеса. Хотя, кто будет возражать, почуяв запах денежек с шестью нулями. Сама Келли утверждает, что никогда не думала о модельном бизнесе и с трудом себе его представляет. На практике же оказалось очень интересно и весело, особенно, когда фотограф просил выглядеть сексуально. А теперь попробуйте представить "тушенку", которая выглядит сексуально. Страшно?

Как сейчас у Келли обстоит дело с карьерой в качестве модели, сказать сложно, ведь рекламные ролики и журналы с ее участием можно увидеть только в Штатах. Не трудно догадаться, что скоро этому придет конец, во всяком случае, когда закончится показ "The Osbournes".

Спой, светик, не стыдись...

Оззи же, не долго думая, внес и свою лепту — сделал из дочки певицу. Выбрал для нее хит Мадонны — "Papa Don't Preach" (Папа, хватит меня проучать). Старый рокер считает, что эта песня о его отношениях с Келли. В 2002 году вышел первый сингл и на него же сняли клип, действия которого разворачивались в "одной комнате". В добавок, пришлось скрывать бездарный вокал путем кропотливой работы на компьютере. И снова никто даже не подозревал (попахивает странной закономерностью, вам не кажется?), что сингл попадет в десятку.

Казалось бы, что еще нужно для молодой девушки? Чтобы ее узнали миллионы и в тех же цифрах продавались ее альбомы. Наверное, 10-ка отца не устроила и он спел с дочкой дуэтом. Перепели хит Black Sabbath "Changes" с альбома "Vol. 4". Ладно бы просто перепели, так еще и текст переделали — вышел диалог отца с дочкой. Если от исходного варианта на глаза наворачивались слезы, то после "семейного" хочется в ужасе прыгать на стену. Нет ничего общего с той красивой и мелодичной балладой — полу-

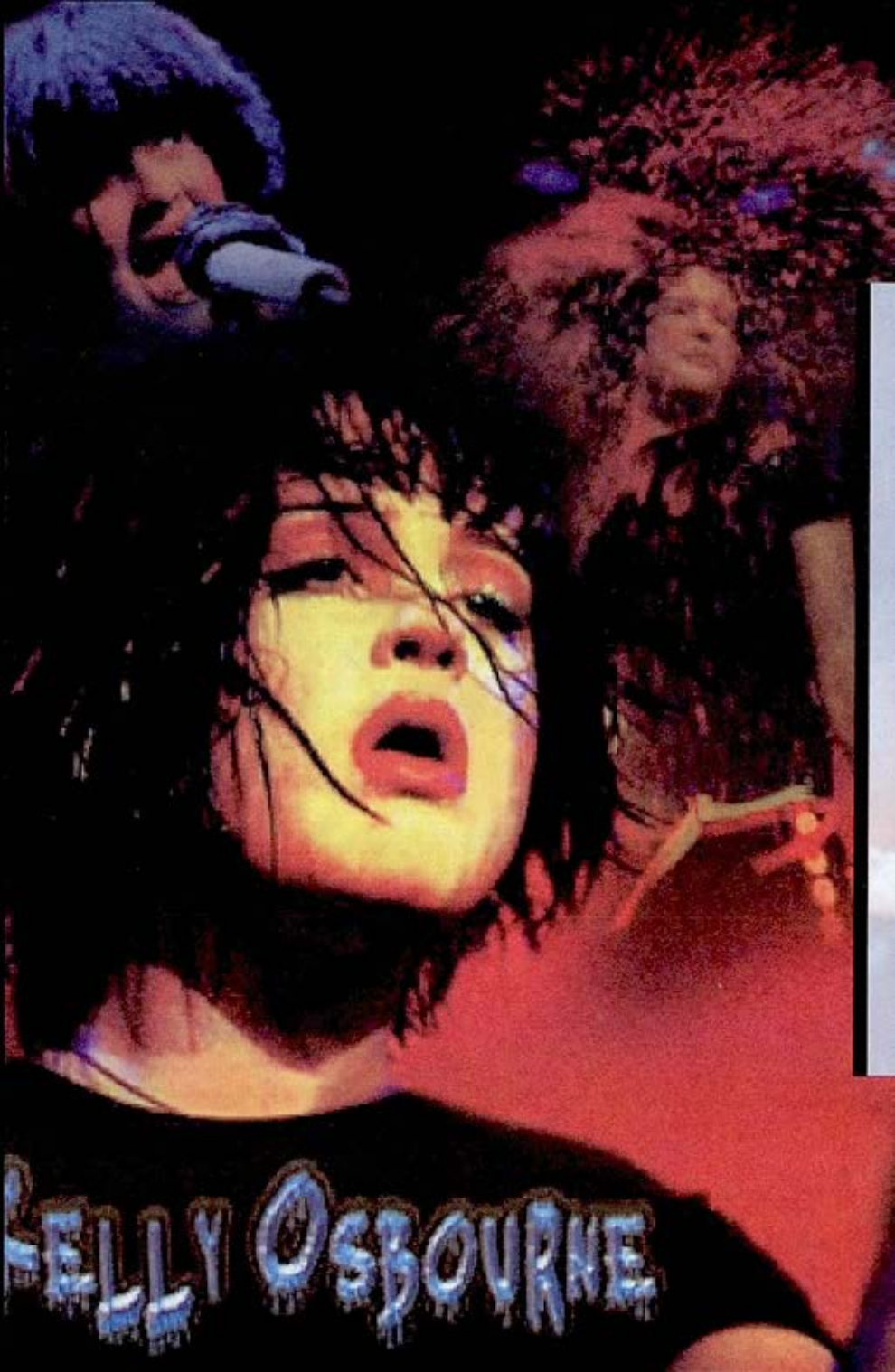
чил какой-то "бегемот на мотоцикле". Естественно, старым поклонникам Оззи это не понравилось, но вот у новых, которые узнали его и Келли только после этой песни, она приобрела бешеную популярность и заняла первое место в чартах.

Дальше на Келли посыпались предложения от многочисленных журналов — стать лицом очередного номера. Развернулась мощная рекламная кампания грядущего дебютного альбома. Тут же появились лозунги в стиле: "Дочка круче отца", "Музыка Келли Осборн не хуже, чем Оззи" и другие.

Живое воплощение Fuck Off

На сцене она ведет себя как и в жизни — нагло и вызывающе. Ей ничего не стоит прокричать несколько трехэтажных матерных конструкций. Мирской закон для девушки на воде вилами писан — соблюдать его не горит желанием. Пару лет назад, будучи в Австралии с концертом, в одном из местных баров распивала слабоалкогольные коктейли. Страж закона сделал замечание, ведь у них употреблять спиртное разрешается только с 18 лет, но был послан на три веселых и не самых цензурных буквы. В результате — скандал. "Молодому дарованию" еще повезло, что не отменили ее концерт. Образ наглой "герлы", которой все дозволено, прочно засел в сознании молодых людей разных стран, чем и вызвана ее такая бешеная популярность.

Наконец, в середине 2002 года на лейбле Sony Music был выпущен первый альбом — "Shut Up!" (Заткнись). Релиз продержался в "UK Top 40" всего неделю, так и не попав даже в 20-ю. Через несколько месяцев, вместо отдачи получив только непристойное поведение "певицы" — звукозаписывающая компания расторгла контракт. Огорчение не продлилось и месяца — Оззи нашел для дочки новую рекорд-компанию — BMG (Sanctuary Records Group). Чтобы насолить Sony, дебют переиздали под названием "Changes" (2003 год) с добавлением одноименной композиции и пяти концертных вещей.

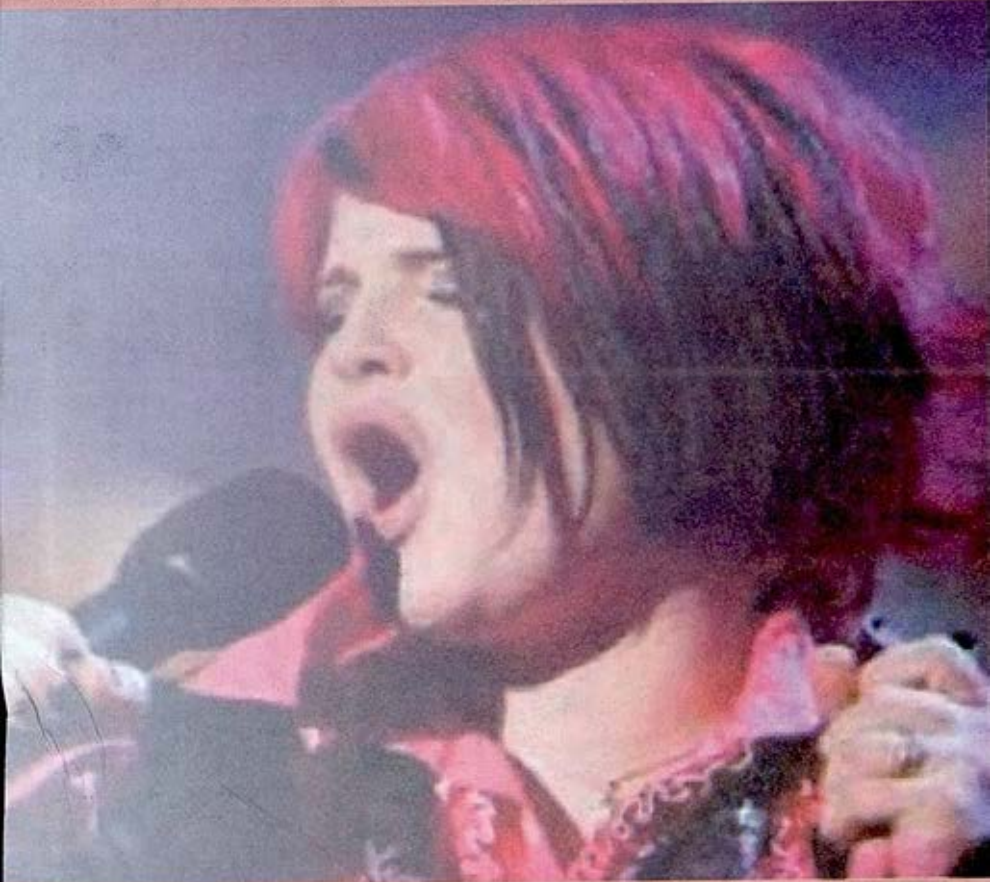

KELLY OSBOURNE

BMG пока не отказывается тиражировать диски Келли и дают полную свободу творчества. Сейчас девушка, не без помощи отца, готовит второй альбом. На первом пела, если это можно так назвать, о проблемах близких молодежи: тусовки, праздники, юношеская любовь, самокопание и проблемы отцов и детей. На следующем хочет про-

розового, белого до черного. Одевается обычно в молодежные костюмы раздолбайского покроя и обязательно с причудливым галстуком. В итоге, по прикиду она напоминает Ангуса Янга (гитарист AC/DC) и отца периода 80-х годов.

Как и любой другой отпрыск знаменитости, любит потусоваться в шумной компании,

должить эту линию, добавив немного автобиографичности.

А костюмчик-то от Версаче...

Келли любит шокировать и удивлять публику, периодически меняя цвет волос от

побывать в модных клубах. Думается, что это ее повседневные занятия — возникает вопрос, когда же она учится, если вообще учится.

Шибанутая семейка...

Не все так гладко в жизни Келли. Беззаботность привела к зависимости от алко-

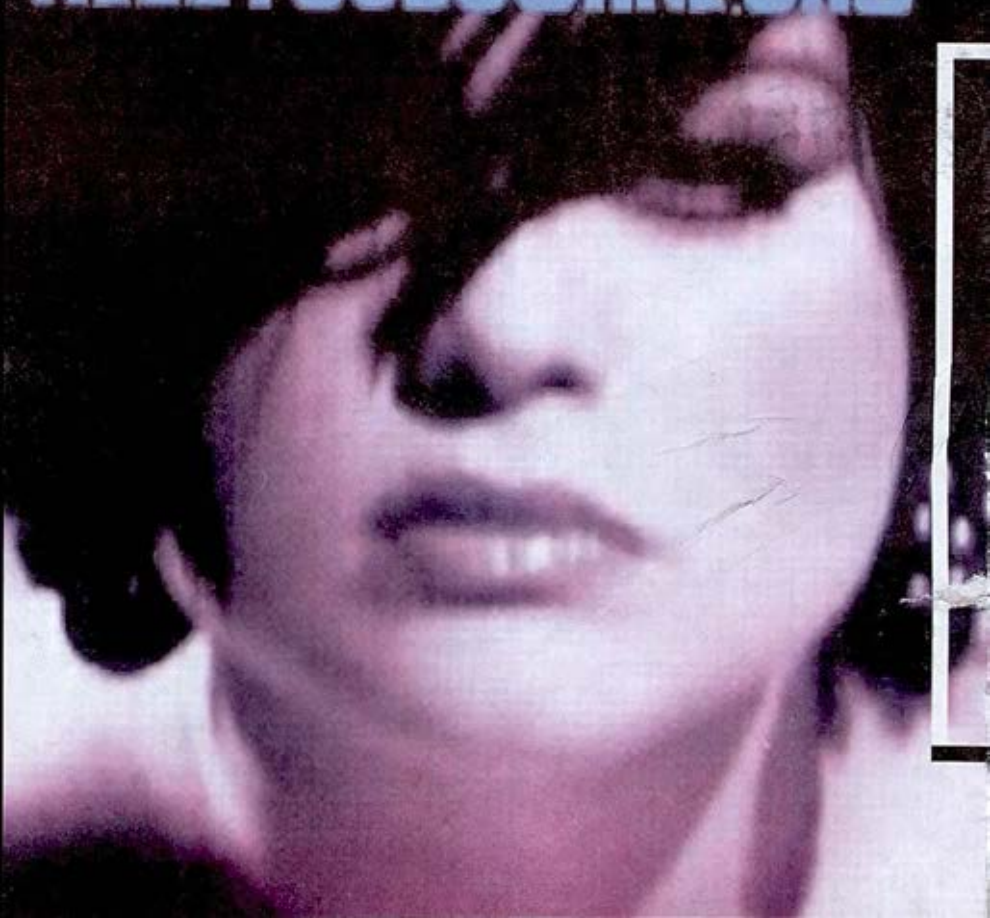
ля и наркотиков, и как результат — ухудшение здоровья. Родители долго не знали о ее пристрастии. Келли пошла по стопам отца, который чуть ли не полжизни провел в реабилитационных центрах. Теперь настала очередь его любимой дочери.

Все началось с того, что она переборщила с обезболивающими, потом мама нашла в ее сумке огромное количество таблеток. Естественно, девушка долго не могла понять, как они туда попали, но спустя какое-то время, после ругани, призналась, что так употребляет... Оззи, как спец в этом вопросе, еще раньше спрашивал Келли, не принимает ли она наркотики. Боясь наказания, она отрицала. Теперь родители недо-

умевают, как же они купились на эту ложь. Из-за прохождения курса лечения приходится отменять некоторые концерты, европейское турне сорвано. Остается только надеяться, что девушка не сильно втянулась и вылечится от зависимости.

Наркотики, алкоголь у Осборнов — семейное. Год назад сын бывшего рокера прошел курс реабилитации в том же центре, что и Келли. Единственным трезвым человеком, и то — возможно, остается жена Оззи. Правильно гласит народная мудрость: "Яблочко от яблони..." Ведь ребенок полностью копирует родителей, перенимая их привычки и особенности поведения. В его глазах все, что делает мама или папа —

KELLYOSBOURNE.ORG

правильно, следовательно, ему тоже можно. Сам мэтр неоднократно говорил, что его лучшие песни написаны под кайфом. С появлением семьи пришлось завязать, но по детям это не заметно. Ведь алкогольная и наркотическая зависимости передаются по наследству.

Поговорим о вечном...

Теперь у нас есть наиболее полная картина того, что представляет из себя Келли Осборн. Кто бы что ни говорил, но до отца ей далеко. Никогда она не достигнет его высот. Девушке повезло, что ее папа великий и ужасный Оззи, который до сих пор, несмо-

тря на свой возраст, может дать фору молодым. Как любой заботливый и любящий отец, пропихнул дочку в шоу-бизнес, чтобы та хоть как-то начала зарабатывать себе на жизнь сама, что вполне понятно. Только ни о какой эстафете не может быть и речи, Келли же грохнется на ровном месте, не ступив и шага самостоятельно, тем самым опозорив легендарную фамилию. Всем, что у нее есть, она обязана отцу, ведь Оззи искал рекорд-компании, заключал договора, организовывал концерты, подбирал музыкантов и принимал непосредственное участие в создании песен.

Всякое музыкальное произведение, к которому когда-либо имел отношение сам Оззи, становилось нетленным, великим, а для некоторых даже святым. На сей раз этому не бывать. Возможно, мэтр устал от постоянных концертов, репетиций и создания новых произведений.

Творчество Келли Осборн напоминает записи подвыпившей девушки из караоке бара, причем иногда таковыми кажутся и сами музыканты. Определенного стиля музыки не прослеживается, все песни разные. Нечто подобное играют подпольные поп-панки, которым не суждено выйти на большую сцену. Обидно, что Оззи не приложил достаточных усилий, чтобы сделать качественный проект. Конечно же, он видит бездарность дочки, ведь 35 лет на сцене не проходят даром. В итоге, выпихнув ее на сцену, он воплотил детскую мечту девушки — стать рок-певицей. Пусть, мол, перебесится, выпустит несколько альбомов и заработает на карманные расходы. Большая глупость воспринимать сей проект всерьез.

Под конец напрашивается всего один вывод: будь на месте Келли любая другая девушка или молодой человек, они точно так же использовали бы свою возможность. Чтобы петь, совершенно не нужен талант — нужны солидные пачки баксов, желательно килограммовые...

Полина ТЕСЛЕР

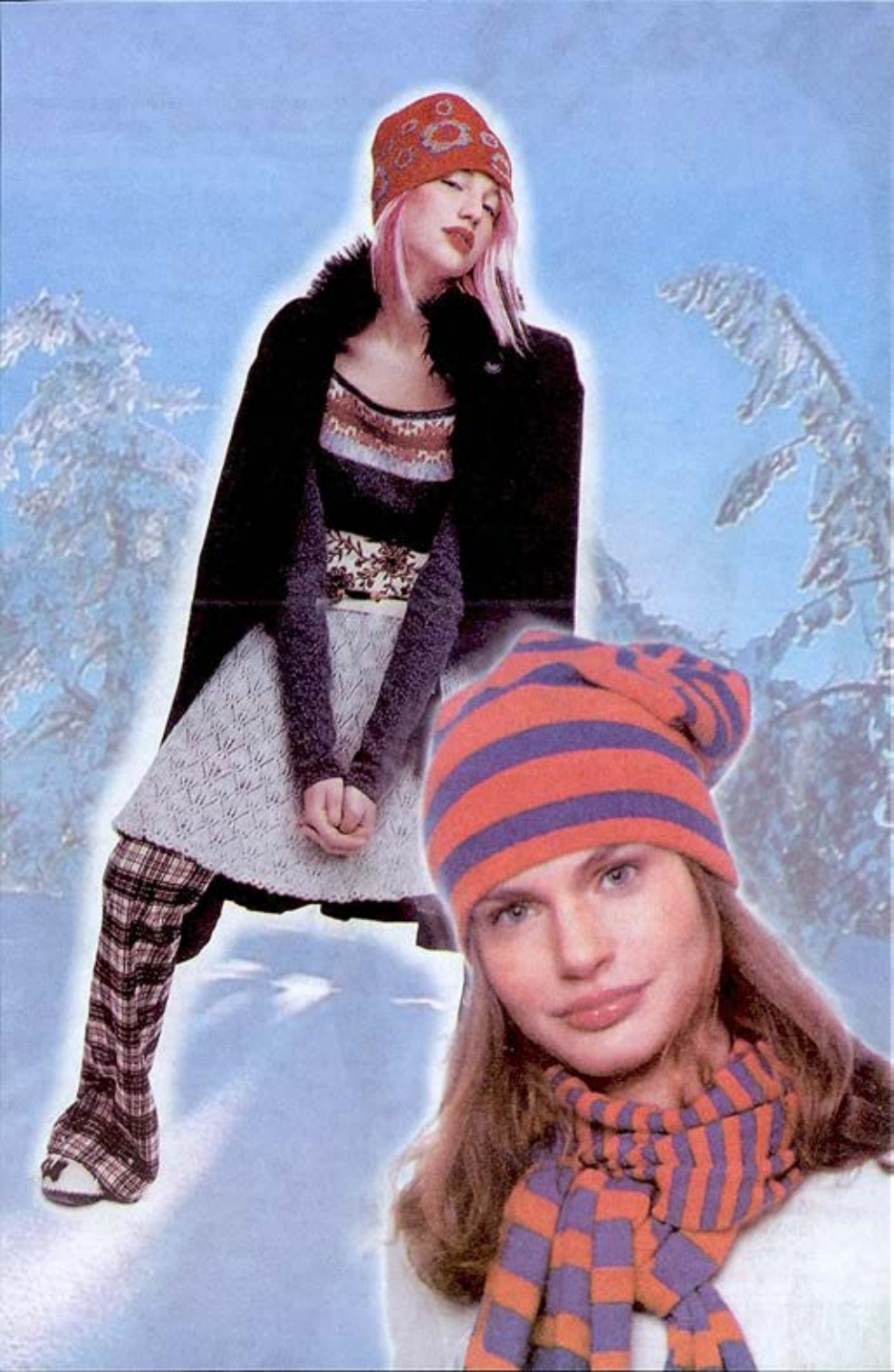
Экстравагантная зима

Безусловно, появившись зимой, посередине заснеженной, морозной улицы, в мини-юбке, тонких колготках, коротеньких ботиночках и без шапки на голове, вы можете надолго запомниться прохожим. Но гораздо лучше произвести впечатление человека, который умеет правильно и с иронией носить толстую теплую одежду, смело сочетая детали зимнего гардероба с какими-то легкими прибабасами, напоминающими о том, что весна, несмотря даже на январь, не за горами. С теми модницами, кто хочет в морозную погоду укутаться, но не быть похожими на капусту, "Молодой бульвар" делится своими секретами.

Начнем с уютных свитеров из кашемира, которые в зимнюю стужу просто незаме-

нимы. Ведь под такой свитер не обязательно надевать майку, и ты не будешь замерзать. В нем можно сидеть и у раскаленной батареи, не умирая от жары. Еще зимой актуальны уютные шерстяные свитера с косами, в которых хорошо отправляться за город. А если попробовать надеть такой свитер в сочетании с пышной крестьянской юбкой, пушистыми унтами или меховыми сапогами, ты будешь ощущать себя настоящей дачной модницей.

Чтобы хорошая фигура и соблазнительные формы не потерялись за пышными складками такой юбки, подчеркни талию или бедра широким кожаным ремнем. И ни в коем случае этой зимой не игнорируй изделия местных народных промыслов — пуховый платок или пестрая шаль придадут твоему облику непосредственность и создадут вокруг тебя атмосферу уюта.

Как бедным юношам удается всю зиму проходить без теплых колготок — непонятно. Правда, одна известная модная линия выпустила мужские колготки, но они как-то не прижились. Девушкам в этом отношении куда проще, особенно этой зимой. А все потому, что сейчас в моде плотные цветные кол-

готки. Если вы причисляете себя к мегаэстравагантной особе, то поверх таких колготок наденьте еще одни, только другого цвета и в крупную сетку. Теплее, конечно, не станет, зато выглядеть будете в соответствии с последними миланскими тенденциями. Также очень популярны гетры — и шерстяные, и меховые. Гольфы лучше всего покупать в продольную полоску, как у Лепидинныйчулок. Но полоска полоской, а вот клетка никогда не выходила из моды. Каждый второй дизайнер счел своим долгом включить в зимнюю коллекцию несколько предметов с этим бессмертным рисунком. Не стесняйтесь надевать два разных клетчатых узора, они отлично между собой сочетаются. Не менее стильно выгля-

дид длинная клетчатая юбка с кружевной подкладкой.

■ Несмотря на то, что шапка вечно портит прическу, она — неотъемлемая часть зимнего гардероба. Особенно меховая, потому что, во-первых, очень теплая, а во-вторых, уже который сезон остается в моде. Можно обзавестись, например, высокой и круглой. Помните, как у Барбары Брыльской — главной героини бессмертного

Модная обувь, несмотря на нашу лютую зиму, непременно должна выглядеть женственной и нарядной. Высокие каблуки, острые носы. Конечно, практичность и комфорт — здесь запретные слова. Главное, чтобы сапоги можно было надеть с вечерним туалетом, не раздумывая ни минуты. Они не просто высокие, а очень высокие, ча-

сто намного выше колена. Кстати, обувь на платформе, которая чуть отдалит вашу стопу от мерзлой мостовой, снова в теме. Только платформы не грубые и веселые, как у рейверов с синими волосами образца 1993 года и не по-солдатски тяжелые, а изящные и менее устойчивые.

Безусловно, женская сумочка расскажет все о своей хозяйке. Поэтому к выбору этого аксессуара надо подходить с особой серьезностью. На пике моды сумки самые разные, начиная от бабушкиных кошельков до элегантных конвертов. На коротких ручках или длинных грубых ремнях, украшенные логотипами или ис-

кусственными цветами.

В моду возвращаются пояса и ремни, чья задача подчеркнуть талию и "подсобрать" костюм в единое целое. Это широкие кожаные ремни, посаженные точно на талию или приспущенные к бедрам пояса, напоминающие о моде семидесятых годов, жесткие пояса-цепи и узенькие ремешки-резинки. Пояса и ремни украшают огромными блестящими пряжками и стразами. Но главная новость сезона — подпоясанные пальто и шубы. Именно о них речь пойдет дальше.

Модное пальто может быть однотонным и пестрым, двубортным и однобортным, сшитым из твида, шерсти и даже вельвета.

фильма "Ирония судьбы или С легким паром". Можно ушанкой с лисьей оторочкой. Но в любом случае беспокоиться о том, что меховая шапка делает вас похожей на школьную учительницу математики, не стоит. Ну а если все-таки сомнения закрались в душу, предлагаем другой вариант — шляпу. Да-да, именно ее, похожую на мужскую, как две капли воды, с высокой тульей и небольшими полями. Идеальное дополнение к классическому костюму, который, кстати, тоже вернулся в моду этой зимой. Шляпы подбираются в тон к пальто или просто шьются из той же ткани. Они могут быть из гладкого бархата или набивного вельвета, нежнейшей замши или глянцевої кожи.

Кепка, с которой в России ассоциируются лица кавказской национальности, считается одним из самых модных головных уборов этой зимы. Такие звезды фэшн-бизнеса, как модель Кейт Мосс, уже успели прикупить себе этот стильный головной убор.

Но силуэт в духе шестидесятых и длина выше колена — это без вариантов.

Серый зимний город необходимо скрасить ярким цветом. Оденьтесь в красное с головы до ног или просто добавьте нитку красных бус к строгому шерстяному костюму. Руководейтесь смелыми идеями из далекого и не очень далекого прошлого.

"Accessoire" — по-французски означает дополнительный. Именно этим словом мы называем те мелкие модные детали, которые дополняют наш костюм, придавая ему завершенность и "изюминку". Аксессуары способны творить чудеса, оживляя самый урядный костюм.

Хотелось бы немного рассказать о таком забытом аксессуаре, как муфта. Ее, конечно, можно купить в дорогом бутике, а можно сшить из собственной меховой детской шапки с помпонами. К стати, помпоны можно оставить и на муфте. Носят ее абсолютно со всем, — с пальто, с пуховиком, с шубой. Это настолько странная, но милая, и уютная вещь, что подойдет абсолютно к чему угодно. Конечно, в обыкновенных варежках тоже тепло, но зато муфта незаменимая вещь для похода на свидание. У молодых людей этот дамский аксессуар вызывает приступы галантности и нежности.

Пиджаки до талии, которые были так актуальны летом, еще встречаются в зимних коллекциях, правда, в несколько измененном виде — с застежками сбоку. Впрочем, их начали активно вытеснять собратья классической длины до бедра, в которых ощущается веяния моды восьмидесятых.

Не знаем — висит ли в вашем шкафу бальное платье, но уверены, на все сто процентов, что джинсы имеются. Эта обязательная вещь проходит, наверное, под первым номером любого гардероба. Джинсы универсальны. В джинсах убегают из дому трудные подростки и степенно прогуливаются ухоженные европейские старушки; в них же, родимых, отдыхают на яхте мультимиллионеры и валяются на улицах бомжи. В джинсах можно пойти в поход и ресторан, в филармонию и театр; в них люди взрослеют и старятся, делают карьеру и объясняются в любви, а некоторые даже — выходят за-

муж! Думается, что эти потерто-легендарные порточки уже заслужили прижизненного памятника. Вот и сейчас, несмотря на зиму, на пике популярности — джинсы на бедрах, темного цвета. Однако, столь любимый клеш, — исключается!

"Молодой Бульвар" искренне надеется, что, следуя нашим советам, вы сможете встретить зиму в приподнятом и радостном настроении. А новые или хорошо забытые старые вещи будут самым лучшим средством для этого.

Нет повода, чтобы не выпить...

Скоро часы пробьют двенадцать, и мы сможем поздравить друг друга с Новым годом. А пока что сидим, нарядно одетые, окруженные мандаринами и оливье, морально готовые к тому, чтобы весь вечер видеть по телевизору одни и те же лица, слышать одни и те же шутки, а под утро разбрестись кто куда. Из кухни доносится звон посуды, вносятся бокалы, разливается шампанское. Все прилично до неприличия.

— Тост! Тост! — раздается с какого-то из краев стола.

— А давайте устроим состязание на лучший тост! Победитель получает подарок от Деда Мороза, — доносится с противоположной стороны.

Предложение принято с необыкновенным энтузиазмом, устанавливается очередь на произнесение тоста. Минимум по одному, желающие могут ораторствовать больше. Мучительно соображаю: произносить тосты всегда было для меня проблемой. Так вот, чтобы вы в подобной ситуации не зависли, как мой старый компьютер, и не проштрафилась, предлагаю несколько тостов для новогодней компании. Пейте на здоровье!

В каждом человеке есть негасимая свеча его души. Но свеча эта часто накрыта непроливаемым колпаком. Так выпьем за то, чтобы в новом году свет нашей души беспрепятственно доходил бы до друзей.

Прихожу на днях домой. Вижу, жена лежит в кровати с каким-то мужчиной. Это меня сразу насторожило. Бегу к холодильнику, открываю, и точно — нет пол-литры... Так выпьем же за то, чтобы в новом году нас ничто не настораживало!

Одного мужчину спрашивают:

— Почему ты носишь обувь на два размера меньше?

— Нарочно. Жена у меня некрасивая, к тому же злая, готовит плохо. Сын — двоечник. Теща — ведьма. Единственная радость у меня в жизни — когда я вечером снимаю обувь.

Давайте выпьем за то, чтобы в новом году у нас были свои радости!

Заходят как-то к физику Нильсу Бору гости и видят у него на дверях подкову. "Вы верите в то, что подкова приносит удачу?" — спрашивают у него. "Я не верю, но удача, кажется, верит". Так выпьем за то, чтобы и наша удача верила в то, что мы вешаем на двери!

— Мамочка, помнишь, однажды ты мне говорила, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок?

— Ну и что?

— Ничего. Просто сегодня ночью я обнаружила еще один путь...

Выпьем, друзья, за то, чтобы в новом году женщины почаще делали такие открытия!

Через полчаса наступит Новый год. По опустевшим улицам спешит домой парочка. Они натыкаются на пьяного, стоящего на четвереньках. "Вот видишь, — упрекает жену муж. — Люди уже всю веселятся! А у тебя все в последнюю минуту!"

Выпьем за то, чтобы в наступающем году мы все делали вовремя.

Мама спрашивает сына:

— Кто научил тебя говорить это ужасное слово?

— Дед Мороз.

— Дед Мороз? Не может быть!

— Может, мама. Он сказал это, когда упал, споткнувшись о велосипед в моей комнате.

Выпьем за Дедушку Мороза, который приносит в наш дом доброе и вечное.

Утром после новогодней ночи супруги возвращаются домой. Муж пытается открыть дверь сигаретой.

— Это же сигарета, — говорит жена, — ею дверь не открыть!

— Черт возьми, неужели я выкурил ключ?!

Предлагаю выпить за то, чтобы в наступившем году мы случайно не выкурили ключи от своего счастья!

“Каждый из нас представляет собой половину человечества, которая вечно ищет другую”, — сказал древнегреческий мудрец Аристофан. Мы живем надеждой на счастливую встречу. Я желаю всем, кто еще не встретил свою вторую половину, обязательно найти ее в новом году!

Ну вот, тосты произнесены, победитель выявлен и одарен. Но чего-то не хватает. Чего? Зажигательного и задорного смеха. Самое время устроить конкурс анекдотов. Специально для тех, кто анекдоты с удовольствием слушает, но запомнить их патологически не может, мы предоставляем возможность блеснуть перед сотрапезниками парочкой-другой смешных историй на новогоднюю тему.

Дорогие ребята — участники вчерашнего новогоднего праздника! Тех, кто получил два и больше подарка, прошу вернуть хотя бы мешок, шубу и бороду. И, пожалуйста, отпустите Снегурочку, вы ее не так поняли...

Ваш Дедушка Мороз.

— Девочки, а Дед Мороз, оказывается, жадный!

— С чего ты взяла?

— А он, вместо того чтобы мне свой подарок принести, нашел куклу, которую мама в шкафу прятала, и под елочку положил.

Мужик утром после встречи Нового года с опухшим лицом, красными глазами, небритый, стоит и смотрит в зеркало:

— Так вот ты какой, человек 3-го тысячелетия...

После празднования Нового года встречаются два мужика: “Ну, как встретил праздник?” “Да не знаю, еще не рассказывали...”

Палата в родильном доме. Обход профессора. Вопросы, ответы... Оказалось, что все собрались рожать в один день — 1 октября. Профессор удивлен. Ему объясняют:

— А мы в одной компании Новый год встречали.

Без пяти минут одиннадцать в парикмахерское кресло сел мужчина. Когда парикмахер намылил ему лицо, клиент понял, что мастер уже начал встречать Новый год.

— Вы пьяны! Я боюсь, что вы меня порежете... — взвизнул клиент.

— А ты... ты не бойсь... Ты мне только покажи, где у тебя подбородок.

В самолете пассажир смотрит в иллюминатор и в испуге подзывает к себе стюардессу.

— Мы что, сбились с курса?

— Нет, с чего вы это взяли?

— Но под нами СНЕГ, тайга, а должны быть Гавайи...

— Да нет, всё нормально, просто это новые русские Новый год празднуют.

Объявление в газете: “Дамы и господа! Сделайте Новый год для своих детей незабываемым, пригласите к себе Деда Мороза!”

P.S. Господа, не обделяйте и себя в этот вечер в удовольствии — пригласите к себе СНЕГУРОЧКУ.

Телефонный опрос, проведенный наутро после 31 декабря, дал следующие результаты:

— 2 процента опрошенных ответили “да”.

— 3 процента — “алло”.

— остальные 95 процентов затруднились ответить.

Из дневника: 1 января, 9 часов утра: Я СОВЕРШИЛ ОТКРЫТИЕ ВЕКА!!!

Через 15 минут я открыл второе веко...

Самый короткий день в году — 1 января: просыпаешься — за окном уже темнеет... ■

Тосты и анекдоты собирали
Татьяна ПОЛЕВА, Максим БАШКЕЕВ.

С Новым Годом!

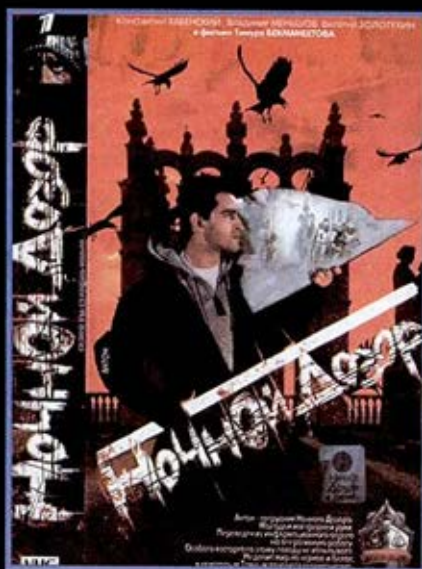

УБИТЬ БИЛЛА-2 боевик

США, 2 часа 12 мин.

Автор сценария и режиссер КВЕНТИН ТАРАНТИНО В ролях: БРЕД ЭПАРТ, УМА ТУРМАН, ДЭВИД КЭРРАДАЙН, МАЙКЛ МЭДСЕН, ДЭРИЛ ХАННА "ВЕСТ", ПУ № 121010104

В одном из последних номеров нашего журнала мы представляли первый фильм этой дилогии. Несмотря на свой еще не замшелый вид, Квентин Тарантино уже давно для многих молодых любителей экшн-криминального жанра стал и богом, и отцом. В этом году Москве выпала великая честь открывать сим новым шедевром мэтра Московский Международный Кинофестиваль, почтил своим присутствием Первопрестольную и прославленный режиссер. К моменту появления второго фильма про Билла, первый почитателями Тарантино был вызубрен на зубок. "Убить Билла-2" потряс всех непревзойденным мастерством режиссуры и отточенно-филигранным профессионализмом такой высоты, что сразу при появлении на экран фильм был признан вершиной творчества Тарантино.

НОЧНОЙ ДОЗОР мистический триллер

Россия, 1 час 55 мин.

Режиссер ТИМУР БЕКМАМБЕТОВ В ролях: КОНСТАНТИН ХАБЕНСКИЙ, ВЛАДИМИР МЕНЬШОВ, АЛЕКСЕЙ ЧАДОВ, ГОША КУЦЕНКО, ГАЛИНА ТЮНИНА, ЖАННА ФРИСКЕ

Мы неспроста представляем здесь этот фильм — как пафосно провозгласил Никита Михалков на церемонии закрытия ММКФ, он стал "нашим ответом Тарантино". С этим его утверждением, недолго думая, согласились многие. Такого "навороченного" компьютерными изысками сюжета до настоящего момента еще не знала наша возрождающаяся ото сна отечественная киноиндустрия! Чего здесь только нет: вампиры, оборотни, ведьмы, огромные стаи ворон, бессмертные и иные... Словом, силы зла здесь действуют почти безраздельно, с трудом выполняя пункты когда-то заключенного со светом договора. Действие фильма разворачивается в Москве наших дней. В это верится с трудом, так как

в фильме на полном серьезе действуют настоящие маги и волшебники, работающие на "ночной дозор" и защищающие москвичей от всякой нечисти...

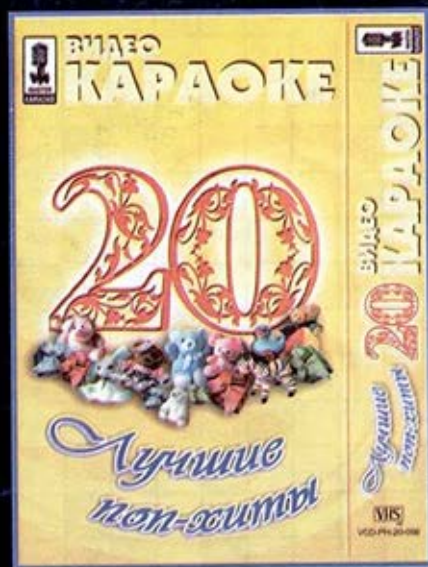

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА видео-караоке

46 мин., "СПАЙР", Лицензия МПТР России ВАФ № 77-61

Эта кассета окажется как нельзя кстати и в празднование Нового года, и в любой другой веселый вечерок. Когда вам или вашим младшим братишкам и сестренкам придет в голову вдоволь повеселиться под песенки, представленные в этом караоке-сборнике. И тут уж вряд ли можно будет отказать себе в удовольствии вдоволь повеселиться вместе со всеми, подтягивая за компанию такие нестаряющие шлягеры, как "Бу-ра-ти-но!", "Песенку друзей" и другие мелодии из мультфильмов про "Бременских музыкантов" и "Летучий корабль", а также "Чунгу-Чангу", "Песенку Красной Шапочки" и другие песенки А. Рыбникова, Г. Гладкова, М. Дунаевского, В. Шаинского и Е. Крылатова. И

тут уж вам вряд ли удастся остановиться на полдороге, пока не будут допеты до конца все 20 песен.

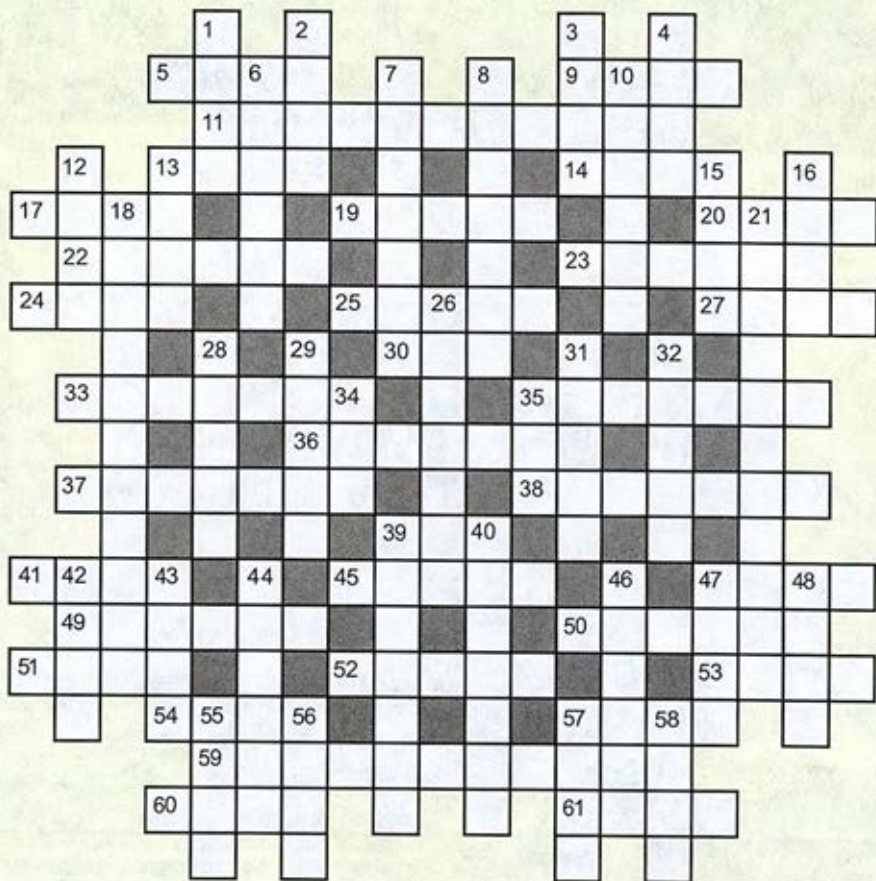

20 — ЛУЧШИЕ ПОП-ХИТЫ видео-караоке

"СПАЙР", Лицензия МПТР России ВАФ № 77-61

Если вы мечтаете о лаврах эстрадного певца, устроили дома вечеринку с друзьями или просто грустите в одиночестве — вставьте в видеопроигрыватель эту кассету — ваша хандра моментально улетучится, друзья "отвеселятся" вместе с вами на полную катушку или у вас неожиданно прорежется, дремавший доселе в полной безвестности, или просто хорошо укрепится ваш голос — вы все равно окажетесь в выигрыше! А звучание таких недавних молодежных хитов, как: "Когда я стану кошкой" М. Ржевской, "Малышка" Глюкозы, "Моего мармеладного" К. Лель, "Шоколадного зайца" П. Нарциса и других... станут залогом вашего долгого прекрасного настроения.

Видеогид Наталья Тендора

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Рыба, примерно за сутки до ненастья перестающая брать приманку. 9. Окосевший квадрат. 11. След яблочного первопроходца. 13. Выжженный участок леса. 14. Живая струна. 17. Указующий шест. 19. Человек блефующий. 20. Самая монашеская гора в мире. 22. Кузнец чужих побед. 23. Инструмент, проигравший единоборство с гитарой. 24. Главное назначение пещеры для древних людей. 25. Крайняя форма порабощенности и порабощения человека (по Н. Бердяеву). 27. Советская неотложка для братских стран. 30. "Частичный" термин М. Фарадея. 33. Парадное мясное блюдо холодного стола. 35. Словарный состав языка. 36. Падение снаряда ближе цели. 37. Мера веса, до эры колхозов не известная крестьянам. 38. Божество как творец мира в философии Платона. 39. Нижняя часть русской печи. 41. Вице-королевство, в которое входила вся Испанская Южная Америка за исключением Венесуэлы и Панама. 45. Массовое животное Север-

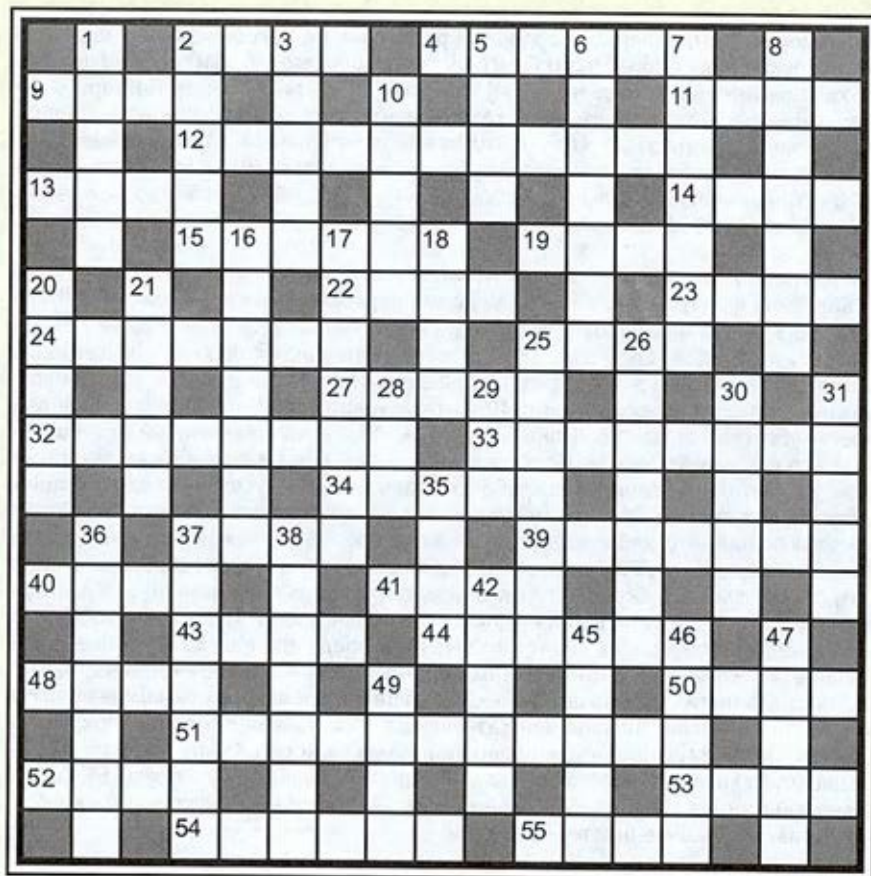
ной Америки, истребленное человеком разумным. 47. Закодированная квартира. 49. Возлюбленная библейского Самсона, предавшая его. 50. Ласковое название в русских песнях ушастого зверька. 51. Одна из "шахматных" сестер Полгар. 52. Тяжелая фигура, легко поднимаемая каждой из этих сестер. 53. Планета, так подробно описанная фантастами, что ученым на ней делать нечего. 54. Нынешнее название гилеяка. 57. Бобовая культура, дающая и зерно, и сено. 59. Саморазгружающийся электромоторный полувагон. 60. У Джеба — один, у Джорджа-старшего — уже ни одного, а у Джорджа-младшего — целых пятьдесят. 61. Теплоход, любящий гладкость.

По вертикали. 1. Облако толщиной больше 400 метров, способное на осадки. 2. Болотное пространство в тайге с редкими деревьями или кустарником. 3. Писатель, поднявший алые паруса. 4. Француз, написавший приключенческие романы "Пираты прерий" и "Следопыт". 6. Заостренный стальной стержень как слесарный инструмент. 7. Самый женский музыкальный инструмент в Грузии. 8. Русский композитор, который всю химичил. 10. Литературный герой, чье единственное деяние — убийство друга. 12. Шляпный войлок. 13. Самый знаменитый шкафолюб. 15. Кило его меряют час. 16. Прославленное Жорж Санд и ее любовниками поместье. 18. Метод изучения затрат рабочего времени. 21. Почтовая оплата по принципу: деньги вперед. 26. Локомотив, обычный на подъездных путях. 28. Металл, показывающий, что ваше здоровье не железное. 29. Похожая на густеру рыба, обычно живущая в тех же водоемах. 31. Погодное явление, предвещаемое кольцом вокруг луны. 32. Скверно пахнущий металл, за что так и назван. 34. Графская фамилия Атоса. 35. Вода в полном покое. 39. Французский художник, изображавший предметы так, как их видят в горячечном бреде или как законченные помешанные. 40. Каменный памятник эпохи бронзы и раннего железного века. 42. Нападающий аппетит. 43. Каждый из тех, кто заставил прильнуть к окнам девиц в поэме М. Лермонтова "Тамбовская казначейша". 44. Тонкая оболочка, покрывающая легкие. 46. Мусульманское право, признающее Коран, Сунну и иджму. 47. Самоцвет, посвященный апостолу Петру. 48. Зеркало, плавающее в пруду. 55. Самый северный город в Швеции. 56. Крайний дом. 57. Способность чувствовать красоту искусства. 58. Лишнее расстояние в пути. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали. 1. Зоопарк. 6. Возраст. 10. Устье. 11. Олеандр. 15. Чифтлик. 19. Раздражение. 22. Гурами. 23. Трагик. 24. Ногавки. 25. Бахарь. 28. Моряна. 32. Ссуда. 33. Ларина. 34. Фоника. 35. Орарь. 36. Циклоп. 40. Коготь. 43. Ротатор. 44. Параша. 46. Авиаль. 48. Сквернослов. 52. ...каравай... 54. Вязанка. 57. Сутки. 58. Мотылек... 59. Щекотка.

По вертикали. 1. Зло. 2. Оле. 3. Аннам. 4. Курд. 5. Этна. 6. Вече. 7. Зефир. 8. Аул. 9. Ток. 12. Лаура. 13. Арама. 14. Дзиль. 16. Интим. 17. Театр. 18. Илион. 20. Регистратор. 21. Живодерство. 25. Белец. 26. Хорек. 27. Рондо. 29. Олово. 30. Ярило. 31. Агарь. 37. Итака. 38. Лхаса. 39. Права. 40. Краля. 41. Грива. 42. Тальк. 45. Шквал. 47. Возок. 49. Ейск. 50. Нить. 51. Свищ. 52. Кум. 53. Рот. 55. Нет. 56. "Ада".

ЭРУДИТ

По горизонтали. 2. Царь, которого Д. Мережковский назвал первым русским интеллигентом, а М. Волошин — первым большевиком. 4. Войсковой музыкант; в средние века его нельзя было убивать. 9. Парфюмерное средство, впервые упомянутое Плинием Младшим. 11. Нектаросушильня. 12. "Помешательство на самом себе" (М. Романушко). 13. "Обитель миллионов лет" в Древнем Египте. 14. Мысленное изображение вещи. 15. Нидерландский живописец, чьи натюрморты называют "кухнями". 19. Брашно, выть, довольствие, еда, жратва, пища, провиант, провизия, продовольствие, продукты, снедь, страва, сыть, съестное, шамовка, яство. Еще один синоним. 22. Врун, какой, по русской поговорке, такому же надежный свидетель. 23. "Друг" Ахилла в "Илиаде", предсказавший, в каком бою он погибнет. 24. Две Пелагии и обе нагие (каждая в русской загадке). 25. Валетобойца. 27. Баснословный город, освобожденный Ильей Муромцем от силы татарской.

32. Француз, первым познакомивший Запад с Упанишадами. 33. Предмесье Парижа, где в 767 году Пипин Короткий созвал последний в своей жизни собор. 34. "Божественный" металл. 37. Старинная мера веса (163 фунта). 39. Неземное транспортное средство. 40. Философская система, чье название значит "запрягание в ярмо". 41. Пират, еще не пропитанный ромом. 43. Главная отличительная черта культуры, по И. Берлину. 44. Страна, где первые чайные плантации разбил пленный шотландец Макнамара, женившийся на местной дворянке. 48. Английский писатель и разведчик. 50. Пахучая трава, чьи стебель и соцветие схожи с хвостом горносталя. 51. Человек, страдающий приступами сонливости. 52. Главная поилница озера Чад. 53. Один из тех, кого при дворе Ивана Алексеевича и Прасковьи Федоровны держали наряду с обезьянами и попугаями. 54. Пятирублевая ассигнация на Руси. 55. Культура, которую пора сеять, когда на березе появляются листья.

По вертикали. 1. Зверь, чьи шкуры в средневековой Франции стелили на пол как ковры. 2. Рифмованный марафон. 3. Голландский живописец и офортист, по чьим стопам пошла его дочь Сара. 5. Единственный гротескист, ошеломлявший А. Алехина. 6. Между полком и дивизией. 7. Служанка, выполнявшая грязную работу. 8. Птичье пение в стихотворении С. Есенина "Эта улица мне знакома...". 10. Мелкая монета на Руси, шедшая на монисто. 16. Гребень на шкиве, не дающий сползать ремню. 17. Насморк у природы. 18. Каждый из героев самого известного кавказского эпоса. 20. Актриса Голливуда, считающая: "Надо любить свои морщинки". 21. Боливар как предмет. 25. Летнее высокогорное пастбище в Средней Азии и на Кавказе. 26. Перчатки без пальцев. 28. Героиня греческих мифов, воспитавшая Диониса. 29. Станислав... Лец: "Свободу нельзя симулировать". 30. Пьеса Е. Замятина, "подкованная" большевистскими критиками. 31. Второй день декады во французском республиканском календаре. 35. Площадка для законной драки. 36. Э. Торричелли как бабник. 37. Полковник русской армии, возглавлявший в конце XVIII века антиосманское движение в Греции. 38. Квазичастица в виде "дырки". 42. Швейцарский сыр, чье название связано с аистом. 45. "Всешутейный патриарх" Петра Первого. 46. Чилийский писатель, сочетавший "креолизм" с социальной критикой. 47. Инструмент, от чьих звуков восьмилетний Верди упал без чувств. 49. Центр душевных болезней. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали. 1. Итури. 7. Якопо... 10. Николаи. 12. Крахмал. 13. Кнебель. 14. Власоед. 15. ...здравие... 16. Лимит. 21. Кант. 23. Цинкография. 24. Руан. 25. Дари. 26. Ров. 27. Глина. 28. Син. 29. Гнев. 32. Стул. 33. Безработица. 34. Моне. 37. ...авлос. 40. Эрупция. 42. Леггорн. 43. Гоголек. 44. Ленивка. 45. Казимир. 46. Юрист. 47. Чайка.

По вертикали. 2. Тередо. 3. Рахманинов. 4. Жилле. 5. Моссо. 6. Факел. 8. Кобчик. 9. Пили. 10. Навивка. 11. Индивид. 17. Таранта... 18. Утрилло. 19. Агилера. 20. Зазноба. 22. Оригами. 23. ...царевна. 25. Дисциплина. 30. Щеголек. 31. Штирнер. 35. Евдокс. 36. Хичкок. 38. Секам. 39. Агриг. 40. Эрлих. 41. Бобр.

Арту́ро Перес-Реверте

Арту́ро Перес-Реверте — автор совершенно непредсказуемый. Весь мир ждет от него одного, он рассеянно кивает головой и ... выход каждой следующей его книги приводит поклонников писателя в изумление. Испанец свободно владеет абсолютно любым жанром. Начав с исторических детективов, Перес-Реверте огородил читателя документальной повестью о войне в Югославии — "Территория команчей". Чуть позже выходит "Тень орла": фантазия на тему событий 1812 года. "Дело чести", скорее, можно назвать сценарием мелодрамы. И вдруг Перес-Реверте пишет сериал про ветерана войны во Фландрии — капитана Диего Алатристе-и-Тенорио. Virtuозно владеющий как шпагой, так и кинжалом — "бискайцем", после окончания войны герой Реверте зарабатывает на жизнь тем, что мстит за поруганную честь тех, кому недостает сил или смелости сделать это самостоятельно: обманутых мужей, незадачливых игроков в карты или обойденных наследников. Почти всегда рядом с Алатристе его маленький воспитанник — Иньиго Бальбоа, сын погибшего друга Диего. От лица мальчишки и ведется повествование.

Совсем недавно вышла первая книга, посвященная бесстрашному капитану, и практически моментально, как и на родине писателя, стала бестселлером. Россию, равно как и Испанию, охватила "алатристемания". На родине Переса-Реверте по его герою буквально сходят с ума: Алатристе стал героем многочисленных комиксов, его изображение можно видеть на почтовых марках и всевозможных сувенирах. Вероятно, нечто подобное вскоре будет и в России.

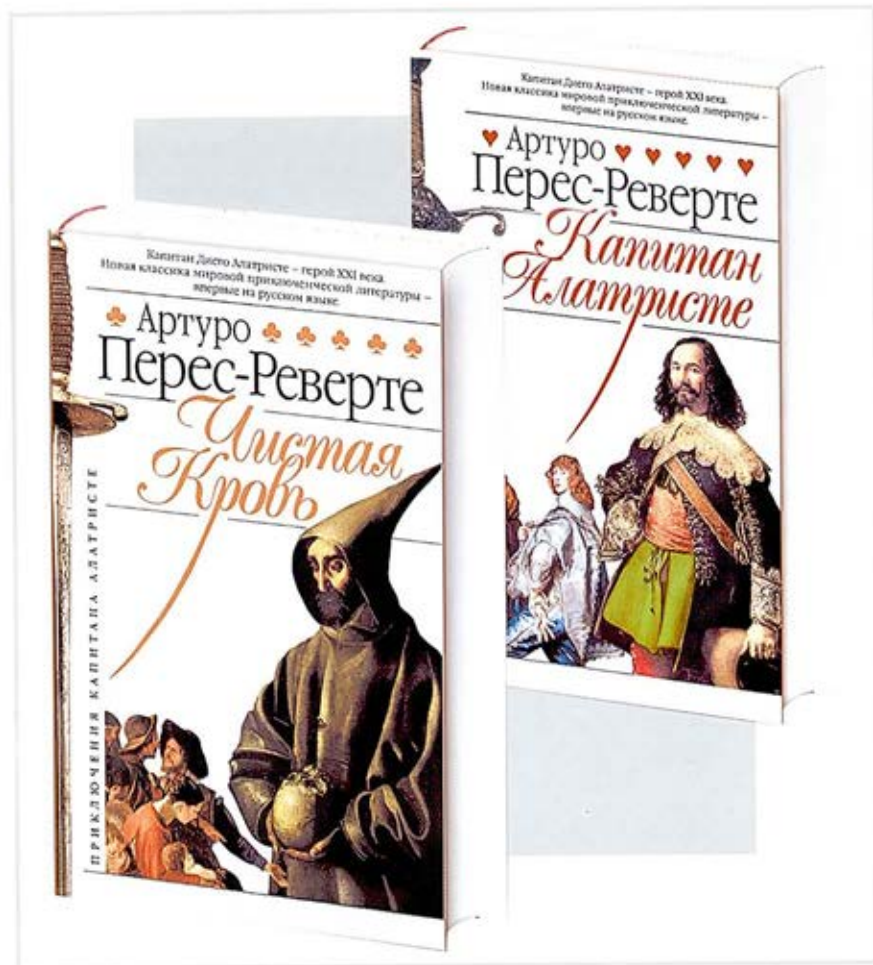
Теперь же на прилавках появилась и вторая часть сериала про Алатристе — "Чистая кровь". Один из друзей Диего, поэт Франсиско де Кеведо просит помочь его друзьям вызволить дочь из монастыря, где ее держат силой. Предприятие грозит капитану серьезными проблемами с инквизицией, однако, подумав, он соглашается. План проваливается, и в монастыре героев ждет засада. Алатристе встречается лицом к лицу со своим заклятым врагом Гвальтериео Малатесто. Диего чудом удается избежать смерти, но его маленький оруженосец Иньиго оказывается в лапах инквизиции, и ему грозит аутодафе. Сможет ли Алатристе помочь своему другу?

Что примечательно: именно в 2004 году исполняется 800 лет Святой инквизиции. (Отсчет идет от 1204 года, когда папа Иннокентий III наделил монахов ордена цистерцианцев исключительными полномочиями по истреблению "ереси альбигойской" на юге Франции. Сотни тысяч сгоревших на костре, миллионы томившихся в тюрьмах, искалеченных, отверженных, лишенных имущества и доброго имени — таков общий итог деятельности инквизиции. Среди ее жертв — философы и естествоиспытатели, гуманисты и просветители. Наказанию подвергались даже раскаявшиеся еретики, причем сравнительно "гуманные" формы (отлучение от церкви, паломничество в святые места, публичное покаяние, ношение порочащих знаков) применялись достаточно редко).

Всего книг про капитана Алатристе планируется десять. В самое ближайшее время начнутся съемки фильма по первым пяти томам цикла об Алатристе. Режиссером картины станет Августин Диас-Янес, известный отечественному зрителю по фильму "Нет вестей от бога". Главную роль сыграет сам Вигго "Арагорн" Мортенсен.

"Вигго прекрасно подходит на эту роль: и по возрасту, и по внешним данным, и даже особенности мировоззрения у них достаточно схожие, — говорит Диас-Янес. — Есть основания полагать, что эта роль станет одной из самых ярких ролей Вигго, да простят меня поклонники его творчества".

Притягательность книг о капитане Алатристе довольно просто объяснима: кто-то обращает больше внимания на приключения, которых на несчастного героя сваливается предостаточно, кому-то по душе отсылки к творчеству Мигеля Сервантеса, Лопе де Веги или к событиям мировой истории. Каждый находит в саге Переса-Реверте то, что ему ближе. Добавьте сюда блестящие стилистические способности Переса-Реверте, прекрасный перевод Александра Богдановского, яркость характеров персонажей — и поймете, отчего весь мир сходит с ума по капитану Алатристе. Который, к слову сказать, и не капитан никакой вовсе — так, привязалось прозвище когда-то давно, во Фландрии, да так и осталось.

КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ -
БЛЕСТЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ ЗАВТРА

5

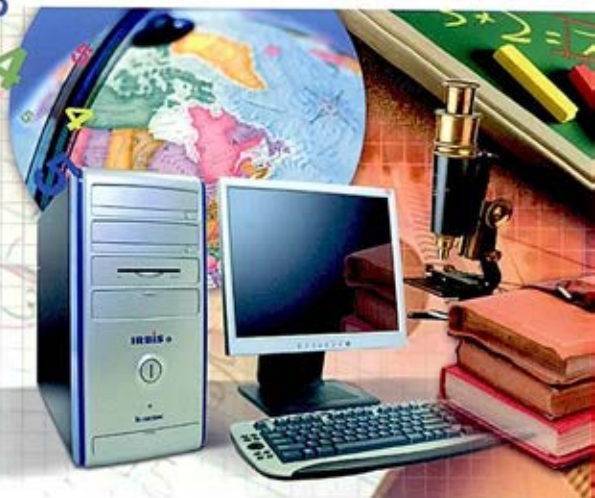
5

4

3

2

1

Широкие возможности для обучения и развития

ЭТО КОМПЬЮТЕР «Ирбис»

на базе процессора Intel® Pentium® 4 с технологией Hyper-Threading

3 ГОДА
ГАРАНТИИ

Компьютер для обучения,
творчества и развлечения

К-Systems Irbis E на базе процессора Intel® Pentium® 4 с поддержкой технологии Hyper-Threading - необходимый инструмент для образования Вашего ребенка. Выполнение домашних заданий, подготовка рефератов, поиск нужной информации.

Все - только на «чистяно!»

К-СИСТЕМС

WWW.K-SYSTEMS.RU

ЗАКАЗ ПО ТЕЛЕФОНУ
(095) 783-0118

бесплатно доставим, установим, настроим!

Спросите компьютеры Irbis в сетях бытовой электроники: МВИДЕО, МИР, ЭЛЬДОРАДО

Intel, логотип Intel Inside, Pentium являются зарегистрированными товарными знаками Intel Corporation и ее филиалов в США и других странах.